

Лавел Васильев

# ПОСЛЕДНИЙ КУМИР

Российский футбол  
от Яшина до Газзаева



Уб 45,57  
ВЛ  
Павел Васильев

# ПОСЛЕДНИЙ КУМИР

Российский футбол  
от Яшина до Газзаева

МОСКВА  
  
2008



Лавел Васильев

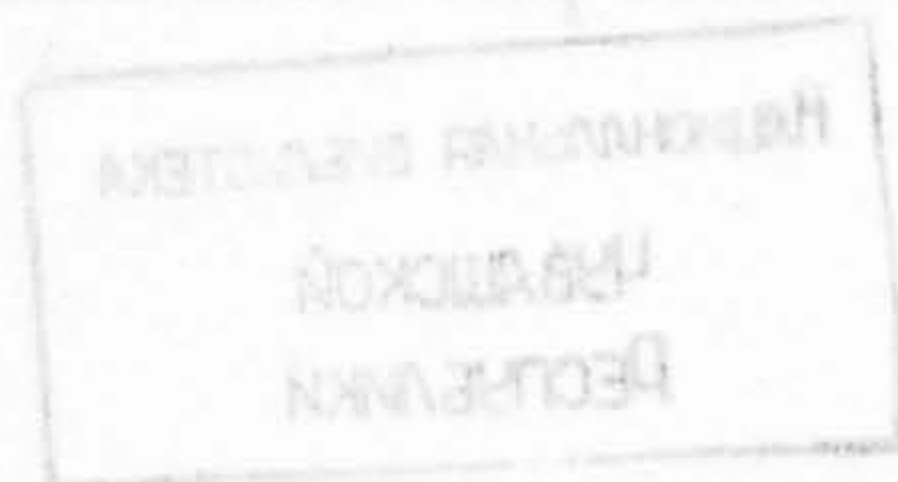
# ПОСЛЕДНИЙ КУМИР

## РОССИЙСКИЙ ФУТБОЛ ОТ ЯШИНА ДО ГАЗЗАЕВА

МОСКВА



2008



**МАСЛАЧЕНКО**

**КРУГЛОВ**

**ЧЕЛЬЦОВ**

**БАЛЬ**

**МАСЛОВ**

**МАКСИМЕНКОВ**

**ФИЛАТОВ**

**НИКОЛАЕВ**

**ОСЯНИН**

**ЖАРКОВ**

**БОБРОВ**

**СИМОНЯН**

**ГЕРШКОВИЧ**

**СИМУТЕНЬКОВ**

**ДОБРОВОЛЬСКИЙ**

**САВИЧЕВ Н.**

**САВИЧЕВ Ю.**

**ОНОПКО**

**БАШАШКИН**

**ЧУГАЙНОВ**

**ЗЫКОВ**

**ЧАНОВ**

УДК 796.1/.3  
ББК 75.578  
В 19

Оформление переплета А. Марьчева

**В 19** **Васильев П.** Последний кумир. Российский футбол: от Яшина до Газзаева / Павел Васильев. — М.: Эксмо, 2008. — 256 с.: ил. — (Полная энциклопедия спорта).  
ISBN 978-5-699-28708-6

Эта книга рассказывает о футболе и людях футбола, о том особом мире, который не виден болельщику с экрана телевизора или с трибуны стадиона.

Ее герои — известные футболисты, знаменитые тренеры, функционеры, комментаторы — предстают перед нами с новой, порой неожиданной стороны.

Написанная живым, литературным языком, эта книга станет хорошим подарком для поклонников отечественного футбола.

УДК 796.1/.3  
ББК 75.578

ISBN 978-5-699-28708-6

© П. Васильев, текст, 2008  
© ООО «Издательство «Эксмо», 2008



## Якушин. Мозаика

На встречу я опоздал. И сразу оказался внутри динамовского квадрата. Естественно, без мяча, то есть без первого журналистского вопроса, обозначаемого по традиции в конце материала — беседу вел такой-то...

Какое там вел! Эдуард Николаевич Мудрик, Владимир Петрович Кесарев, Валерий Иванович Короленков и солидно молчащий Валерий Борисович Зыков вмиг заставили меня не только вращать глазами, но и крутить головой в безнадежных попытках прервать передачу, точненько адресуемую партнеру.

Передачи, то есть упреки, заслуженных мастеров выглядели следующим образом.

Мудрик, сидящий слева, во главе стола:

— Что же ты опаздываешь? А? Вот Якушин никогда не опаздывал. И другим не позволял. Помнишь, Петрович?

Короленков, сидящий прямо напротив:

— Как ему не помнить? Петрович, расскажи, как ты на игру на трехтонке подъезжал. В автобус не садился, думал, что у тебя часы точнее якушинских. Автобус без него и уехал!

Кесарев, сидящий от меня наискосок:

— Да... А бакинцы? Ну, мы их так называли — бакинцами, Алика Мамедова и Борю Кузнецова, они же из Баку к нам пришли, такие поначалу вальяжные, неторопливые... «Э-э, слушай, куда там спэшить, успеем, нэ уедут без нас, да?..» Тоже пару раз на электричке догоняли.

Мудрик:

— Да что далеко ходить? Вчера на своем юбилее как Якушин сказал? Время — два часа, все собрались, расселись. А Коли Толстых и Воробьева все нет. Как быть, спрашиваем, Михаил Иосифович?

А Якушин: «Так ведь время! Начинай!»

Зыков, сидящий справа, молчал. Типа — нехорошо, брат, сам видишь, как нехорошо, так нехорошо, что и сказать, тебе, непутевому, нечего...

## БЕЛЫЙ ДОМ

— Эдуард Николаевич, по телефону вы сказали мне, что знаете Якушина с пяти лет...

— Если точнее, с 1945 года. Мы тогда жили в Мытищах, поселок Строитель был такой, по соседству с динамовским стрельбищем. Жили в двухэтажном беленьком домике. Его так и называли все — Белый дом. А рядом, метрах в семидесяти, стоял деревянный дом, где и жили тогда футболисты «Динамо». Ну, вроде базы это было. Они собирались там перед игрой или на сбор, поле-то тут же было.

Кесарев:

— Поле было отличное!

Мудрик:

— Да, поле было хорошее. Траву для него Якушин из Англии привез. Он всегда говорил, что привез из Англии номера на футболки, раньше-то у нас без номеров играли, но вот и траву тоже. Так вот... Время-то какое было... голодное, послевоенное, безотцовщина, шпана. А погреб, где для спортсменов питание хранилось, без замка стоял. Чего в нем только не было! А ведь никто из ребятшек, голодных-преголодных, и не подумал залезть, стянуть что-нибудь.

Кесарев:

— А еще там бык был. Племенной. Как же звали его?..

Короленков:

— Борька!

Кесарев:

— Точно, Борька! Бывало, к нему телок водили для этого самого... для улучшения породы. А футболисты из окон увидят и давай кричать: «Борька, к тебе телку ведут! Борька, не подкачай!»

Мудрик:

— Да погодите вы! Якушин мне с детства каким запомнился? Высокий, строгий такой, нос горбатый. Нависнет так над тобой — страшновато. Но строгость его, как бы сказать, немного показная была. Идет после тренировки, завидит нас и скажет: «А ну, становись в запуски? Первому — шоколадка, второму — булка, третьему — конфета!» Вот так, не обижая нашего человеческого достоинства, он нас и угощал. Всех. А мы-то сопливые мальчишки...

Еще к ним на базу часто кино привозили...

Кесарев:

— Фильмы по репарациям: «Тарзан», «Знак Зорро», «Девушка моей мечты».

Мудрик:

— Мы соберемся у крыльца толпой, просимся. А Якушин хмуро так на нас посмотрит, помолчит...

Короленков:

— Да, Якушин умеет паузу выдержать!

Мудрик:

— Мы уже дрожим: сейчас прогонит! А он: «Ну, живо, под столы!» И мы летим в комнату, на пол, под столы, стулья. Радость, представляешь, какая! А как Синявского слушали! Все наши двенадцать комнаток в одной в кучу собирались — радио-то одно! А тут — вот они — герои Англии, рядом. А что главный герой Якушин, это всем ясно было. Все его так и звали промеж себя — Хитрый Михей.

Кесарев:

— А поле там отличное было. Немцы делали. Да.

## ХИТРЫЙ МИХЕЙ

Кесарев:

— Но я что сказать хочу? Может, это пригодится для статьи? Я не помню случая (а я знаю Якушина с 1951 года), чтобы он не вышел с командой на тренировку. В любую погоду: дождь там, снег, грязь — все равно. И чтоб он когда-нибудь болел. На жеребьевку со

сборов сам никогда не уедет, всегда — начальник команды. Все сборы — от начала до конца — он проводит, понимаешь?! И расписано все на 30—40 дней вперед. Вывешено на стенды. В Леселидзе там или в Гаграх — все одно. А тренировались как? В день ведь по три раза мылись!

Короленков:

— Хитрый Михай — это очень про него. Вот когда он в Ташкенте работал, так знаешь, во сколько игру назначал? В три часа. Самое пекло. А еще автобус для гостей подгонит к гостинице, ну, чтобы на игру ехать. А автобус этот вымыт изнутри только что. Представляешь, да? Испарение-то какое! Мелочь? Совсем не мелочь. Пока до стадиона доедешь, уже пропотел, сердечко застучало чаще обычного...

Кесарев:

— А поле поливать заставлял. За два часа перед матчем.

Мудрик:

— А когда Михай в Тбилиси работал?!

Кесарев:

— Команда гостей у вокзала останавливалась. А там как раз трамвайные пути, стрелки разные. Так, говорили, он в эти дни запрягал рельсы маслом смазывать. Ты спишь в гостинице, а рядом трамваи грохочут. Без масла! Масленки-то все у Якушина, понимаешь?

Мудрик:

— А на тренировках? Разве спрячешься от него? Утаишь чего? Да ни в жизнь! Мы бежим по кругу, а он смотрит. Внимательно. И вроде принохивается, когда ты мимо него бежишь. И сейчас же:

— Дим, а ты что, вчера котлеты с чесноком ел?

Шаповалов остановится, удивится:

— Да нет, ничего подобного, Михаил Иосифович!

А Якушину большего и не надо, перегарчик-то пошел!

— Давай, Дим, отойдем в сторону, потренируемся.

И начнет! То длинный пас, то короткий, то длинный пас, то короткий!

А потом еще скажет:

— Ты бы, Дим, пошел, свитерок шерстяной надел бы. А то все же холодновато...

И опять — то длинный, то короткий. А если Шаповалов неточно мяч отдаст, то Якушин и скажет:

— Дим, что-то я не понимаю, кто кого тренирует? Ты же у нас вроде техничный футболист, а?

Короленков:

— Точно! Якушин по этому поводу никаких собраний не проводил. Всегда сам разбирался. «Ты проиграешь не десять лет, а пять, но свой уровень у меня покажешь!» Вот как он говорил.

Мудрик:

— А еще любил повторять: «Ты мне документ покажи, что имеешь право в основном составе играть. Документик покажи». В этом смысле у него все равные были, кто лучший — тот играет. Мне запомнилось еще, что Якушин, как никакой другой тренер, обращал внимание на игру головой...

Кесарев:

— Точно. Бежим кросс, и вдруг команда: «Веточку головой достань!» И достаешь веточку.

Мудрик:

— Выдумок у него хватало. Помните вешалки с теннисными мячами? То они выше — эти мячи, то пониже опустятся, а били по ним часами!

Кесарев:

— На лбу чуть не рога вырастали.

Мудрик:

— Я после такой тренировки домой еду. В электричке. А рядом бабушки сидят. Сумки свои на крючки повесили и сидят. Одна кошелка аккуратно надо мной болтается. И рвется вдруг! А там банка с баклажанной икрой. Об мой лоб, об пол и вдребезги! А бабушки поохали-поохали, но видят, я спокойно сижу, и говорят мне: «Ну, ничего, сыночек, хорошо хоть по голове не попало!» А я про себя ду-

маю: «Да что там мне эта ваша банка после якушинских тренировок!»

Короленков:

— А установки на матч у него всегда предельно точные были. Как ни у кого другого. А есть с кем сравнить, уж поверь! Никаких там «За нами Москва, отступить некуда!» или «Деньги висят на штанге. Идите и возьмите!». Ничего подобного у Якушина не было.

Мудрик:

— Его установки — это такая своеобразная мозаика. Никаких общих слов, никакого общего замысла, плана на матч я ни разу не слышал. Строго по человеку. Как кому и против кого играть. Детально так, четко. А стратегию — этим он не делился, при себе держал. Сам об этом сказал замечательно: «Я вас обманывал, но... в вашу пользу!» Лучше не скажешь.

Кесарев:

— Я такую историю помню, может, ее и не надо в газету... Пошли мы раз на почту конвертов купить. Это в Леселидзе было, на сборе. А там, какходишь, две двери. Одна на почту, другая в ресторан. Идем, смотрим — велосипед якушинский стоит. Поднимаемся и с Якушиным сталкиваемся.

— А-а, конверты купить, хорошо, очень хорошо. Правильно сделали. Вы вот что! Поглядите-ка за велосипедом, а то ребятишки разные крутятся, мало ли... А я тоже... сейчас, газетку куплю. Хорошо?

Ну, мы стоим у велосипеда, кумекаем. Хитрый Михай...

Короленков:

— А какой ресторан был на «Динамо», на Южной! «Яр» закрыли, вся обслуга сюда перебралась. Люстры в полметра, посуда, приборы серебряные!.. Э-эх! Кухня! Команда питалась там. И в нем татарин работал, не припомню уж, как звали его. Вот Михай зайдет в ресторан, руку у стойки в карман опустит, вроде бы за деньгами полез, и как бы невзначай спросит: «А из команды кто-нибудь был у тебя?» Татарин взгляда от руки, от кармана оторвать не может! И говорит торопливо: «Была, да, Численка была, Короленка была,

Федосова была». — «Короленков, Федосов и Численко, говоришь? И все?» — усмехнется Якушин и на выход, так ничего и не взяв.

Мудрик:

— А помните, курировал нас генерал Переверткин?

Кесарев:

— Не просто генерал, а генерал-лейтенант. Или майор.

Мудрик:

— Да-да, кажется, генерал-лейтенант. Берлин брал и все такое. И вот ему некоторые футболисты на Якушина пожаловались. Мол, не советуется ни с кем, а мы люди тоже опытные...

Собрание перед игрой. Якушин хитро так смотрит на нас и говорит:

— А вот я хочу посоветоваться с вами. Кого ставить впереди будем — Коршунова или Мамедова?

— Мамедова, — шумят игроки.

— Мамедова, да? — задумывается Якушин. — Федосов, а кто лучше головой играет — Мамедов или Коршунов?

— Головой? — удивляется Федосов. — Если головой, то лучше — Коршунов.

— Вот он и будет играть, — удовлетворенно заключает Якушин.

Он посоветовался.

Кесарев:

— А накануне игры адъютант приезжал. И каждому игроку в тумбочку конверт подкладывал. Запечатанный. И смотреть нельзя было, и обсуждать — кому сколько. Но это, наверное, тоже не для газеты...

— Почему, Владимир Петрович?

Короленков:

— Действительно, почему? Тем более, если проигрывали, то никаких конвертов в тумбочке не оказывалось. Адъютант шустрый был.

Мудрик:

— Все говорят, все знают: Михей — строгий тренер. Но важно и другое отметить. Он требовал то, что нужно. Никакого чванства,

фанфаронства, нарочитого оскорбления ради оскорбления он себе не позволял. Все эти его подначки думать заставляли. Думать о себе. Удивляться, как же хорошо он нас знает. Я еще и сам этого про себя не знаю, а Якушин — знает.

Короленков:

— Бывало, выйдешь от него и думаешь: какое же я говно. Но он-то так не сказал. Не унизил. Хотя вроде было, за что... И другой на его месте так бы и сделал. Но это — другой. Не Якушин.

### СВОЙ МАНЕВР

Кесарев:

— Да... Уж что-что, а при нем каждый динамовец знал свой маневр.

Мудрик:

— И ведь что поразительно: Якушин ни для кого поблажки не делал. Помню, в 57-м, в Леселидзе, на сборах, играем. Дождь, грязь, мяч, понятное дело, тяжеленный, неприятный такой. И летит в штрафную, прямо мне на голову. Я почему-то в центре поставлен был. Совсем еще молодой... И вот, чтобы не отбивать этот тяжелый мяч лбом, решаю аккуратно его назад, Яшину, подрезать. А Лев Иванович из ворот вышел... Гол! Ну, естественно, старшие товарищи обложили меня как следует.

На следующий день Якушин проводит разбор игры.

— Да-а, Мудрила, красивый гол ты в свои ворота забил... Лев, а ты кричал ему?

— Чего, Михаил Иосифович? — спрашивает Яшин.

— Я говорю, ты кричал ему, Лев? Кричал, что выходишь?

— Ну, я... это...

— Нет, ты скажи, кричал или не кричал?

— Не кричал, Михаил Иосифович, — признается Яшин.

— Так вот, оказывается, почему гол получился, — вздыхает Якушин.

Теперь, смотри, кто такой в 57-м году Яшин и кто такой никому не известный Мудрик.

Короленков:

— А с Чиненовым случай, в поезде?

Мудрик:

— Нам как раз костюмы шерстяные выдали, на спине надпись: «Динамо. Москва». Ну, едем куда-то, а Олег Чиненов (он к нам совсем недавно пришел) заспорил с проводницей. Басит что-то на полвагона — то ли она ему сахар не принесла, то ли кипятку недолила. Якушин из своего купе высовывается:

— Олег, Олег, иди-ка сюда. Иди, иди, иди.

— Что, Михаил Иосифович?

— Олег, тут у тебя на спине «Динамо. Москва» написано, понимаешь?

— Ну.

— Да не ну, а «Динамо. Москва». Ты еще для этой команды ничего такого не сделал, а славу ее уже унижить норовишь. Что о нас думать будут? Что все «Динамо» вот такое скандальное?

— Да я, Михаил Иосифович... Да она...

— Ты вот что, Олег! Ты иди к себе, отдышись, успокойся. И подумай, что там у тебя на спине написано, хорошо?

— Хорошо, Михаил Иосифович.

— Вот и ладно. А с проводницей мы договоримся, не беспокойся. Без чая тебя не оставят.

Короленков:

— А помните, как Малявкин центральную линию переступил? Якушин сказал ему: «Твоя задача центральную линию не переступать. Твоя задача — съесть игрока, не дать ему развернуться у наших ворот». И раз, в матче такой эпизод! Малявкин свободен, бежит подключаться. Центр поля! Он ногу занес и — как вкопанный! И головой на скамейку ведет. Показывает, что, мол, вспомнил! И обратно ногу-то, обратно. И на поле, на линию смотрит. С паузой так. Якушин не велел, и я ни шагу. Тот еще артист был, Малявкин...

...Если вы заметили, мяч в этом динамовском квадрате приходил ко мне не так уж и часто, редко, прямо сказать. Я задал всего лишь два вопроса, но лишним себя не чувствовал. И, поверьте, не удивился бы, появившись вдруг Якушин с его резонным для всех времен и народов: «Над техничкой, над техничкой поработай!»

В самом деле — пора!



*Якушин Михаил Иосифович родился 2.11.1910 в Москве. Правый полусредний нападающий, тренер. Выступал за «Динамо» (Москва). Трехкратный чемпион СССР. Наставник «Динамо» в триумфальной поездке в Англию в 1945 году. Тренировал «Динамо» М (шесть золотых медалей), «Динамо» Тб, «Пахтакор» (Ташкент), «Локомотив» М, сборную СССР. Выдающийся тренер и организатор отечественного футбола. Награжден орденами Трудового Красного Знамени и орденом Дружбы народов. Автор книги «Вечная тайна футбола».*

## Победитель

Сидел он в ночном мадридском аэропорту в полном одиночестве. Никто его не тормошил, не расспрашивал. Он сидел и крутил сигару, вроде даже подносил ко рту... Бесков? Сигару?!

Я не то чтобы подошел, я лишь замедлил шаги, а он поглядел на меня и сказал, как себе:

— Вот, подарили... А я не курю... Лев Иванович, тот да, любил покурить...

Я глупо выдавил:

— Яшин?

И Бесков согласился:

— Яшин...

И отвернулся в свое личное далекое прошлое и сигару — большую, толстую, коричневую — аккуратно положил рядом на желтое пластиковое сиденье.

Я понял, что надо идти, надо оставить его в одиночестве... После страшного поражения от «Реала», где не только шансов, а и намеков на игру у «Динамо» не было, все мы ощущали себя лишними. Чужими. Мы словно стыдились друг друга в пустом и гулком аэропорту.

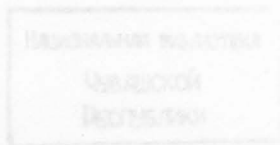
Мне хотелось утешить его, да я не знал как.

...Посадку объявили, как никогда, вовремя.

\* \* \*

На днях в книжном магазине, на Мясницкой, снял с полки не книгу, а целый фолиант о нем, килограмма три весом... Как называется? То ли «Патриарх», то ли «Учитель»... А может, «Мэтр»? Шикарное подарочное издание необъятных размеров... С некоторым усилием поставил кирпич на место. Вспомнил, как я купил и про-

1476451



читал с восторгом мягкую небольшую книжечку Александра Нилина «Невозможный Бесков». Кажется, за рубль купил, на подмосковной станции, в палатке «Союзпечати». Бесков там был живым, полным идей, сомнений, противоречий, чувств. Как я завидовал автору! Самого Бескова знает, не просто знает, а вхож в дом...

Это потом уже, много лет спустя, я узнал, что книжка Бескову не слишком-то и понравилась. И сам Константин Иванович бурчал что-то скептическое, да и Александр Павлович Нилин подтверждал не без юмора: «Не угодил, да...»

Запомнился и филатовский очерк с красноречивым заголовком — «Дружба без встреч». Эти вещи подготовили меня к встрече с ним, правильно подготовили.

\* \* \*

В нашей семье его уважали безоговорочно. Якушин, Бесков, Яшин — эти имена не стоило пояснять. Тут не было вопросов. Мастера — такая была оценка. Когда я начал ходить на футбол, совсем маленьким, с мамой, — его «Динамо» выигрывало обязательно. Я шел на футбол, но в победе не сомневался. Выиграют динамовцы, у которых в воротах огромный Яшин, а тренером — Бесков. Когда они уступили при мне ростовчанам, кажется 0:1, после нелепого рикошета на первых минутах, я долго не мог поверить в случившееся. Как? Разве Бесков, Яшин, «Динамо» проигрывают? Не может быть!

Многие матчи стерлись из памяти, с возрастом это, оказывается, происходит легко, а тот холодный вечер запомнился. Впервые я расстроился из-за футбола. Из-за явной несправедливости. Как же так? «Динамо» — и проиграло... Я даже ужинать не хотел с горя.

\* \* \*

На выезды он всегда брал с собой доску — макет футбольного поля. Ее таскал резервный вратарь, и было ясно, он на поле не выйдет. У кого доска, тот и не выйдет. Как-то я набрался смелости

и спросил Константина Ивановича о доске, старой уже, заслуженной: что, мол, нельзя ли без нее? Константин Иванович не обиделся. Сказал, что нельзя, как же без доски-то? И тут же перевел разговор... на зайцев. Зайцы бегали у гостиницы в центре бельгийского города с полным олимпийским спокойствием. Большие такие, ушастые... Бесков сказал:

— Хорошо им тут, а? Никто не тревожит. Видишь, сидит?

И показал пальцем в темноту окна. Прямо под фонарем сидел задумчивый русак. У меня были заготовлены какие-то вопросы к нему — о составе, тактике, плане, — обычная лабуда, почему-то волнующая редакторов и болельщиков, но после заячьей темы говорить о чем-то постороннем уже не хотелось.

Бесков оценил это, он хитро улыбнулся то ли мне, то ли зайцу и не спеша зашагал к лифту. Мы с зайцем остались одни.

\* \* \*

Теперь частенько вспоминают о его редком даре предвидения. Ведь это он стал автором самой знаменитой в нашем футболе связки Иванов — Стрельцов, это он легко переводил нападающего в защитники, это он увидел в Ярцеве бомбардира под чудесный гавриловский пас... Об этом много написано, в том числе и в его книгах. Мне же вспоминается другая история.

Шествуя вокруг стадиона, Константин Иванович внезапно остановился. Повелительно и вопрошающе ткнул пальцем в молодого человека, моющего машину под палящими лучами солнца:

— Кто такой? Как фамилия? Где играет? — И, видя непонимание со стороны начальника команды, уточнил: — Вот этот... С голым торсом... У машины.

Начальник чуть сконфуженно разъяснил:

— Так это, Константин Иванович, Толя Волосов... Он у нас в клубе экономикой занимается. Вот...

— Экономикой? Жаль. Хорошая заготовка для защитника пропадает. Фактурный у нас экономист...

\* \* \*

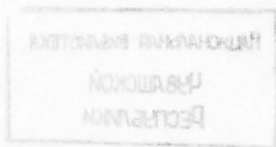
Бескова часто упрекали в диктаторстве, в резкости, в излишней строгости к футболистам. Упрекая, не понимали, что это диктатор творца. Творчество было присуще Бескову в высшей степени, отсюда его величие, его класс, отсюда — его высокое место в футбольной истории. Бесков, между прочим, личным примером доказывал, что не все в футболе определяется результатом. Киевская машина выиграла больше медалей, чем спартаковский ансамбль. Но мы-то, помня команды Лобановского, вздыхаем о командах Бескова... «Торпедо» шестидесятых, в котором есть и его, бесковская рука, разве много выиграло? Только два золота. А игра торпедовская — эталон...

Бесков был в нашем футболе не тренером, он был режиссером. А потому был и футбольный театр Бескова, были актеры, которых он нашел, собрал, объединил, сделал звездами.

\* \* \*

Подкупало его умение одеваться, выглядеть... К внешним атрибутам он относился с большим вниманием. Хорошо подобранная одежда, прическа, уверенность, с которой он держался на людях, отмечались не раз и не два. К Бескову не стоило подходить с глупым вопросом — отбрил бы без раздумий. К Бескову журналисту надо было готовиться тщательно, фамильярности он не допускал. Это сегодня тренеры готовы слушать любые каверзы на тему «как дела?». Бесков показал бы халтурщикам на дверь незамедлительно.

...Однажды вошли они в динамовский буфет вдвоем: Бесков и Владимир Федотов. В динамовский буфет для прессы посторонних тогда не пускали. Федотова кто-то окликнул, он отошел, и Константин Иванович остался один посередь зала. Пару секунд он стоял один и весело оглядывал столы, а потом к нему со всех сторон пошли, потянулись люди... Словно он поманил их чем-то... Ветераны здоровались с ним, но дышать старались в сторонку. Привыч-



120251

ка? Потом подтвердили — привычка! Бесков же... Не забалуешь... Как будто и не прошло десятилетий, как будто они все вновь под его началом. Некоторые, мне показалось, даже втянули животы, расправили плечи...

Картина! Он пробыл недолго. Он вышел, улыбаясь. Неприметно кивнул мне, мол, как же... помню... Приятно было, чего скрывать?

\* \* \*

Я много думал о нем, смотрел на него, по филатовской установке — издали, а в пору редких с ним встреч успевал запомнить ощущение важности, избранности. Ему не надо было казаться простым, он им никогда не был, ему важно было оставаться самим собой, и он, мне кажется, отлично понимал это. Он понимал свою значимость, он соответствовал ей, он не казался — он был значительным.

Его недруги, их было немало, в конечном счете меняли претензии на уважение. Один спартаковский болельщик признавался: «Ну, не люблю я Константина Ивановича... Что поделать? Ему от моей нелюбви ни горячо, ни холодно. Но вот уважаю его за то, что до него мы у «Торпедо» десять лет не могли выиграть, а с ним десять лет не проигрывали!»

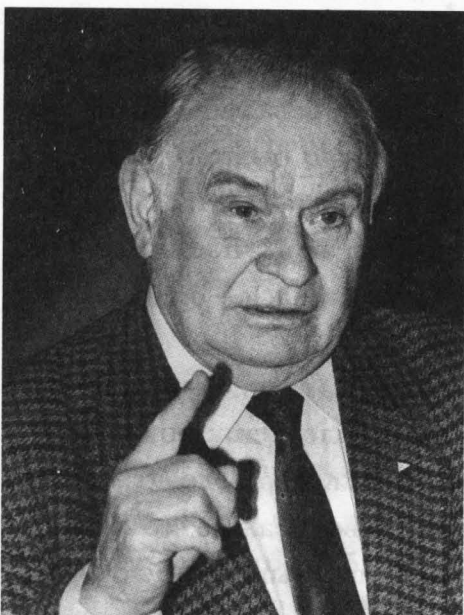
Поди попробуй теперь заслужить такую нелюбовь у болельщика...

Между делом я расспрашивал Мудрика, Маслова, Гаврилова, Хидиятуллина, Добровольского, да многих — не осталось ли обиды у кого из них на Константина Ивановича? Мало ли? И все, будто сговорившись, вспоминали свои ошибки, промахи, понимали его из сегодняшнего дня, каялись, хотя отлично знали, что разговор — так, не для прессы. Говорили, что на его месте сами поступили бы так же.

\* \* \*

Больше всего нашему футболу не хватает идей. Интеллекта. Преданности этим идеям. Константин Иванович Бесков потому и называл сегодняшний футбол каким-то ненастоящим. Любопытно, что Йоханн Круифф тоже поругивает современный футбол за идейную пустоту.

... Знаю, не все согласятся, но для меня Бесков был и остается победителем. Такое было тогда поколение — готовое побеждать.



*Бесков Константин Иванович родился 18.11.1920 в Москве. Центральный и левый полусредний нападающий. Тренер. Заслуженный мастер спорта СССР, 1948 год. Заслуженный тренер СССР, 1968 год. Начал играть в 1935-м в Москве в юношеской команде Таганского ПКиО, одновременно в клубной команде завода имени Н.С. Хрущева, затем в клубной команде завода «Серп и Молот» — 1937 год. В «Металлурге» — 1938–1940, «Динамо» — 1941–1954 (обе — Москва). В чемпионатах СССР провел 231 матч, забил 104 гола. Чемпион СССР (1945, 1949). Обладатель Кубка СССР (1953). Участник и*

*один из героев триумфальных поездок «Динамо» М в Великобританию (1945) и Скандинавию (1947). Капитан команды «Динамо» — 1950–1951. Выдающийся мастер современного футбола. Один из лучших футболистов послевоенной поры. Игрок исключительного комбинационного дарования. Умел остро и результативно сыграть в завершении атаки. Владел поставленным ударом с обеих ног. Главный тренер «Торпедо» М (1956), ЦСКА — 1961–1962, «Зари» (Луганск) — 1965, «Локомотива» — 1966, «Динамо» — 1967–1972, 1994–1995, «Спартак» — 1977–1988, «Асмафала» — 1991–1992. Тренер и главный тренер сборной СССР — 1963–1964, 1974, 1979–1982, олимпийской сборной — 1970, 1975, 1980. Старший тренер ФШМ — 1957–1960.*

Под руководством Бескова «Спартак» стал чемпионом СССР – 1979, 1987, вторым призером – 1980, 1981, 1983, 1984, 1985, третьим призером – 1982, 1986. «Динамо» М было вторым призером чемпионата СССР – 1967 и 1970, вторым призером чемпионата России – 1994 и обладателем кубка России – 1995. Под началом Бескова сборная СССР стала вторым призером Кубка Европы – 1964, олимпийская сборная – третьим призером финального турнира ОИ – 1980. В Кубке обладателей Кубков «Динамо» М первой из наших команд вышла в финал в 1972 году.

Награжден орденом Ленина, орденами «Знак Почета» (дважды), Дружбы народов, Отечественной войны, «За заслуги перед Отечеством». Лауреат премии «Стрелец» (за вклад в развитие отечественного футбола). Автор книг – «Игра нападающего», «Моя жизнь в футболе».

## Он так любил жизнь...

Таких слов, как «гений», «мастер», «король», она не употребляла. И соответствующих эпитетов тоже. Могла бы? Наверное. Валентина Ивановна Федотова рассказывала о муже, словно и не было повсеместно утвержденных признаний его избранности, долгих лет ее одиночества, словно совсем уже скоро, вот-вот, он вернется с работы и поспеет к ужину. Она рассказывала о прошлом так, как это сделала бы любая женщина, счастье которой осталось там, в том самом прошлом, завешанном для нас мифами и легендами книжных полуправд. Она и по сей день жила в нем и не скрывала этого. Могло ли быть по-другому?

Расшифровывая свои записи, сделанные в тени их с Григорием Ивановичем дворника «генеральского дома», я уже не сомневался: иначе быть не могло. Они были счастливы, и любовь всей страны к Федотову-футболисту не смогла помешать, разбавить, подавить их любовь друг к другу. Так получилось, что Валентина Ивановна рассказывала о любви... Как жаль, что дополнить ее рассказ было некому...

## У САМОВАРА Я И МОЯ МАША

— Пойдите, в каком это классе я училась тогда? 1936 год... Ну конечно, в восьмом. Между прочим, в Ногинске, откуда мы с Гришей родом, спортом тогда вся молодежь увлекалась. Вот как-то после легкоатлетических соревнований (а я хорошо тогда выступила, несколько первых мест взяла) собираюсь домой и слышу: музыка в школе играет. Петр Лещенко поет: «У самовара я и моя Маша...» Поднялась в зал, народу полно, вдруг подходит ко мне молодой человек, предлагает присесть на его место. Застенчиво так. Ну, конечно, тут же, на вечере, подружки мне все о нем рассказали.

Григорий Федотов, здешний, уже известный футболист. И пластинки, кстати сказать, его были. А он подошел и вежливо попросил разрешения проводить меня до дома. Вот так мы с ним познакомились. Он тогда за «Металлург» выступал и после каждой игры приезжал на свидание. Потом мне Борис Андреевич Аркадьев, смеясь, рассказывал: «Ну, Валя, бывало, после игры Федотова не найдешь. Только с поля ушли, все еще водичку пьют, синяки рассматривают, а Гриши след простыл. Я брови хмурил и вопрошал у ребят: «Что, опять убежал к своей «школке»?!»

Помню, приезжает однажды расстроенный: «Валя, меня в армию призывают, Аркадьев в ЦДКА зовет». Очень ему не хотелось из команды уходить, ребята, говорит, такие хорошие. Но это был его первый и последний переход, а ведь кто только не звал...

## **ЗВОНОК В ДВЕРЬ**

Собирались мы с ним хорошо провести отпуск, к морю поехали. Трудный был год — 1952-й, разогнали ЦДСА, ходили слухи о возможных арестах известных спортсменов. Гриша уже не играл, определенного положения не имел. Кажется, вторым тренером его хотели назначить, не помню точно. Настроение, словом, не из лучших. Он все происходящее близко к сердцу принимал, не мог иначе, и вот однажды — звонок в дверь. Чужой звонок. Открываю: двое в штатском стоят. «Собирайтесь. Вещи не берите. Да, вдвоем». Какие там вопросы в то время?

Сажает в самолет, летим в Москву. На аэродроме ждал нас черный автомобиль... И оказались мы вскоре прямехонько перед очами Василия Сталина. Стол накрыт, и пошли уговоры — перейти Грише в ВВС старшим тренером. А он улучил минутку и шепчет мне: «Будут чего предлагать — не соглашайся!» И точно, отзывает меня Сталин в сторону. «Валя, — говорит, — я вам свою дачу подарю, поспособствуй». Вот ведь когда время шло незаметно: то ли бежало, то ли едва плелось. А Гриша ни в какую. А ведь кто только тогда в ВВС не перешел... Последнюю фразу Василия до сих пор пом-

ню от слова до слова. Слушал он, слушал, молчал, а потом как жахнет кулаком по столу: «Ну, ступай, черт! Если бы я тебя так не любил, как безумно люблю... Езжайте отдыхать, а передумаешь — позвони, слышишь? Дача — твоя».

## МЫ С ТОБОЙ И ТАК ПРОЖИВЕМ

Не выносил он подарков с чужого стола. И щепетильность эта с ним от рождения. Бывало много раз, перед очередным приемом после победы в чемпионате или Кубке, подбежит, улыбнется и скажет тихонько: «Валечка, будут они разное предлагать. Не бери ничего. Мы с тобой и так проживем. Ладно?» А когда стали у всех после смерти Сталина подарки отбирать, Гриша смеялся: «Вот видишь, а у нас и взять-то нечего». Бессребреник был, даже популярности своей стеснялся. Всегда, помню, идет, голову в плечи втянет, лицо к земле опустит, ворот пиджака поднимет, шапки-невидимки только и недостает. Стеснялся известности. «Боже сохрани, Валя, чтобы тебе, как жене Федотова, какие-то привилегии... В магазине там или еще где...» Кто мне только не советовал — копить, откладывать, отложить на потом, не могло этого получиться. Мы с ним иначе жили, не загадывая и не откладывая, может, потому, что очень любили друг друга, не ссорились никогда. За 17 лет — ни разу.

## РУССКИЙ ИВАНУШКА

Запомнилось мне то выражение французской прессы. (Именно так считала Валентина Ивановна — «французской прессы». В действительности это слова Льва Ивановича Филатова, недавно ушедшего от нас патриарха отечественной футбольной журналистики. — П.В.). Подходит к нему очень. Ведь Гриша, как на поле, так и в жизни, совершенно не умел отмахнуться, огрызнуться в ответ, словно и не знал вовсе, что такое злоба. Переживал все глубоко в себе, вида не показывал, что больно. Вы про его руку знаете?.. При-

вез он меня в Москву после эвакуации, открывает замок квартир- ный, толкает дверь рукой, а сам морщится от боли. И во сне она у него часто болела. А случилось это еще до войны. Он шел на верховой мяч, поданный с угла, прыгнул, а защитник схватил его за кисть и резко вниз дернул. Унесли Гришу с поля, а того костолома судить хотели. Но Гриша против был, мол, не хулиганство это, так, в горячке игры. А руку так и не смогли толком вылечить. Про ноги я уж не говорю, на них живого места не было.

...После очередной игры ребята часто у нас собирались. Обсуждали матч, ужинали. Валя Николаев в кухню зайдет, спросит: «Что, Валя, неужели все съели? Ну, поджарь нам тогда яичницу из двадцати яиц. Глазунью, а?» Жарю и слышу, кто-то Гришу спрашивает: чего он в таком-то моменте сам-то не забил, зачем уступил другому? «Да молодой же он, ему этот гол нужнее», — сколько раз я такой ответ слышала.

Вообще он в компании особой разговорчивостью не отличался, но если говорил, то все сами собой замолкали. Хорошая та команда была, да и в целом умели тогда люди дружить... Брат мой, Георгий Жарков, популярный торпедовский игрок, в Грише души не чаял, хотя вначале, должна признаться, был против нашего брака, считал, что мы очень разные. Средний брат мой, Василий, Гришу просто боготворил. Сейчас эти слова вышли из употребления, да? Но так было, именно так, а не иначе. Василия, кстати, все звали «майором». Знаете, почему? Он, проходя службу в армии, одно время был на сборах вместе с армейскими футболистами. И вот, сидя на лавочке после тренировки, видят ребята незнакомого старшину. Тот с деловым видом спрашивает: кто, мол, тут у вас старший? А Григорий Иванович вполне серьезно на Васю показывает и говорит: «Вот — товарищ майор». Старшина, конечно, навтыяжку, ребята — в смех.

Помню, Вася однажды забил ЦДКА прямо с углового. С тех пор Гриша над ним частенько подтрунивал: «Василий! Слышишь, майор? Я тебе тысячу раз мячик на корнер поставлю, ни разу в ворота не попадешь». Сколько раз «Торпедо» с ЦДКА играли, Жарковы

выходили против Федотова, но разве мог кто-то помыслить о договорной игре?! Разве мы знали, что придет время и люди опустятся до такой низости?

## СМЕРТЬ

Из Тбилиси его привезли Старостины. Команда была за границей, а его не взяли, ходили слухи, что собираются снять с должности второго тренера. А в Тбилиси направили молодых игроков посмотреть. Вошел он — и в ванную, всегда после любой поездки так поступал, за чистотой, здоровьем следил очень тщательно. Даже мнителен был, чуть холодный ветер подует, тут же шарф ищет горло укутать. Раздевается, а сам в зеркало смотрит.

Вижу — бледнеет на глазах. Как снег белый стоит. Я собралась за аллохолом сбегать (у него часто в те годы печень болела), а он взмолился: не уходи! И врача запретил вызывать.

Я потихоньку к соседке — «Скорую» вызвала, сына Володьку (ему 14 было) в аптеку отправила, грелку приготовила. Мы все тогда вирусным гриппом переболели, а Гриша за нами ухаживал. Ну, думаю, теперь у него началось. А у него ноги холодные, пот выступил. «Скорой» в помине нет. Побежала я врача по дому искать, потом шприц, лекарства. Пришла, а он не дышит уже. Потом кто только не приходил, да ни к чему было. В истерике только и запомнила слова кого-то из армейских начальников: «Эх, Валентина Ивановна, не знаете вы, сколько интриг в последнее время вокруг Гриши плелось. Берег он вас, не говорил...»

Не могла поверить, что он умер. Приехал, вошел в дверь и умер. Потом уже вызывал меня Гречко, официальный диагноз показывал, говорил, что одно легкое у Гриши совсем оторвалось...

Я знала только, как ему в последнее время было плохо. Так и стоит перед глазами: смотрит он в газету, будто читает, а она вверх ногами раскрыта. И накануне сон мне приснился. Вхожу я в бассейн и вижу — на дне мужчина лежит. А рубашка на нем Гришина, новая.

Он так просил меня не уходить, просил, пока говорить мог.

Однажды самолет с футболистами ЦДКА вдруг потерял управление, возникла угроза катастрофы. Григорий Федотов достал из кармана пиджака ручку, вырвал из блокнота лист бумаги и торопливо начал писать ей прощальное письмо. Потом этот случай вспоминали с улыбкой, как с улыбкой вспоминали неожиданно произнесенное (после четырех лет знакомства) и немедленно принятое приглашение в загс, как тепло вспоминали первое свое жилье на улице Машиностроения, полученное с легкой руки самого Лихачева, как вообще вспоминается счастливое молодое прошлое.

Прикоснувшись к нему, я узнал о жизни чуть больше, чем знал ранее. И фотография из семейного альбома Федотовых кажется мне удивительно знакомой, близкой.

*Федотов Григорий Иванович родился 29.03.1916 в поселке Глухов Богородского района Московской губернии. Центральный и левый нападающий. В 1938–1949 годах выступал за ЦДКА. Первым в отечественном футболе забил более ста голов – 163. Трехкратный чемпион СССР. Вошел в символическую сборную СССР за 50 лет. Награжден орденом Трудового Красного Знамени. В «Клуб Г. Федотова» включаются футболисты, забившие более ста мячей. Выдающийся мастер, самородок отечественного футбола.*



## Один из нас

Цепкая детская память сохранила картинку: мы смотрим футбол с «Динамо». Старенькая «Нева» еще показывает, но звука уже нет, мы именно смотрим, смотрим и молчим, болея за тех, кто играет в темном — на самом деле в синем, но тогда телевизор представлял синее темным, — мы молча болеем за тех, кто играет в темном с белой буквой «Д» на груди.

Лишь в последние пятнадцать минут матча нарушается тишина дома. Дядя берет с полки новенький приемник «Гиалу» и включает «Маяк». Радиокомментатор, торопясь, захлебываясь, частя, излагает фрагменты встречи, которую мы смотрим. Ему надо поспеть к настоящему, происходящему на поле теперь, надо изложить главное из того, что прошло, и успеть «передать микрофон» в Тбилиси, Киев, Ташкент и вернуться вновь на «Динамо» — и все это не раздражает, а, наоборот, веселит, включает в радостную атмосферу футбольного праздника и разбавляет такую трудную, долгую для меня тишину торжественным восклицательным повтором: «Яшин! Яшин!! Яшин!!!»

Дядя закуривает извечную «беломорину», не спеша выдыхает синее облачко в сторону окна и тихо говорит пронзительному комментатору: «Ну... Лева есть Лева...»

И мы, я уверен, все соглашаемся, соглашаемся молча: «Лева есть Лева. О чем уж тут говорить... кричать — тем более».

Но комментатор не слышит, он продолжает репортаж, он продолжает расставлять восклицательные знаки: «Яшин! Яшин!! Яшин!!!»

Я запомнил тогда, что все, абсолютно все в нашей большой семье, относятся к Яшину одинаково. К Яшину относятся так, словно и сам он — один из нас, один из тех, кто не живет в этом старень-

ком, деревянном, построенном сразу после войны доме, но который вполне мог бы здесь жить и когда-то уйти, уехать, как уходили, уезжали другие, — работать, воевать, выживать, возвращаться.

Или не возвращаться совсем. Никогда. Не возвращаться, но быть, оставаться здесь, с нами, со мной, в последнем письме, фотографии, рассказе.

Я понял, что Яшин — один из нас, и если старшие его зовут Левой, то потому только, что одного из моих дядей звали именно так, и никакое это не пижонство, не подчеркивание близости с великим и знаменитым на весь мир вратарем, я понял, что в таком обращении к нему нет ни капельки фальши, я понял, прочувствовал это тогда, когда любая фальшь отчего-то ловится сразу.

У нас в доме его почти не хвалили, не выделяли на обязательном разборе игры, не удивлялись взятому намертво трудному мячу — и поначалу меня это задевало. Ведь хвалили за какой-то там пас красавца Аничкина, отмечали, что вот Маслов опять закрыл самого опасного нападающего соперника, восхищались голом Численко с лета, а про Яшина вроде и забывали.

Забывали, а он не пропустил! Как же так?! Но скоро я понял причину, я разобрался в ней сам, хотя вряд ли мог тогда сформулировать, сложить ответ простыми словами.

Яшин был настолько своим, что особо хвалить его не полагалось. Он хорошо выполнил свою работу, что ж в этом удивительно-го? Разве в нашей семье, в нашем доме может быть иначе? Разве кто-то из нас может позволить себе работать спустя рукава? Работать плохо? Вот стыдобища была б...

Яшин, другими словами, работал хорошо, работал так, как только и было положено, и слова благодарности на это не тратились.

Ведь не хвалят же бабушку за вкусный обед, не хвалят папу за выращенные с кулак помидоры, не хвалят и меня за отметки... вернее, хвалят, но так, спокойно, как за само собой разумеющееся.

«Старайся сделать хорошо, плохо само получится» — так гово-

рили в нашем доме, и Яшин вполне мог произнести эти слова. По крайней мере, он им вполне соответствовал.

Когда я впервые попал на «Динамо», Яшин показался мне огромным. Огромным, спокойным и добрым. Огромным — потому что пущеный мяч всегда летел туда, где стоял Яшин. Он и не падал почти... Спокойным — потому что не было в его движениях никакой суеты, и все, что он делал в воротах и у ворот, он делал уверенно и, казалось, неторопливо. И голос его, летевший над стадионом, никак нельзя было принять за крик, нет, это был именно голос уверенного в своих силах человека. Добрым — потому что он подавал руку упавшему в штрафной противнику, похлопывал его по плечу, не спорил с судьей, а своих уважал, выбивая, а чаще выбрасывая им точно в ноги.

При этом — а я наблюдал за ним очень внимательно — Яшин оставался в тени. Он не был самым заметным на поле, он не привлекал внимания, он не делал ни одного движения на публику, что нет-нет да и позволяли себе остальные.

Мне было восемь лет, и я окончательно убедился в том, что Яшин — наш человек. Пожалуй, в тот свой первый поход на футбол ничего другого я и не заметил. С кем играли и какой был счет — напроочь не помню. Помню, что забивало только «Динамо». Но не это, видимо, было для меня тогда главным. Как раз главное я усвоил.

С тех пор он стал для меня и близким, и далеким одновременно. Но при этом подчеркнуто своим. Когда мы ехали на вокзал, добираясь до родного дома, и мама показывала мне на большую, солидную, желтую многоэтажку, говоря: «В этом доме живет Яшин», — я чувствовал в ее словах тепло, словно живет здесь не лучший голкипер страны, человек из легенды, а... например, мой дядя, с которым лично по каким-то причинам мне познакомиться пока что не удалось.

А когда приезжал из Самары (по-другому он этот город никогда не называл) дядя Сережа, успевший до войны погонять за «Дина-

мо» в русский хоккей с теми, кто стал великими и про кого мы теперь читали в газетах, — всякий раз оживала в нашем доме одна история. История «открытия» Яшина.

Они были на «Динамо» вместе — дядя Сережа и мама. Они были молоды тогда, и вратарь, вставший вдруг в ворота любимой команды, был молод и никому не известен. Кажется, он даже пропустил мяч между рук. Вообще стоял неуверенно, в публике смеялись, подтрунивали над новичком. Не злобно, но действительно, ведь «Динамо» всегда славилось вратарями.

Смеялась и мама. Смеялась, пока не услышала от сидевшего рядом брата: «Подожди, Анна. Пройдет время, из него очень хороший вратарь выйдет. Увидишь...»

И смешивались во мне с этим дядиным точным приговором какие-то неясные слова о том, что вот если бы не война, как знать, не играл бы и он где-то там среди них, великих, на знаменитом динамовском поле. Как знать... Он не любил говорить о прошлом, обрывал себя. Но и в недосказанности сквозило что-то, что приближало ко мне далекую фигуру Яшина, далекую, но не чуждую.

Теперь я знаю — истории подобного рода ходят, живут едва ли не в каждой семье. Но разве меркнет, умирает от этого знания история нашего дома? Наоборот. Она перешла уже в следующее за мной поколение.

Сдержанность, присущая Яшину, присущая дому, в котором я рос, сдержанность времени не позволяла мне равняться на него, Яшина. Недопустимо было — играть, как Яшин, невозможно. В личные кумиры он не помещался, не помещался — и все тут! Я знал: похожим на Яшина быть нельзя, подражать ему невозможно. Яшин — единственный, и другого Яшина в мире нет и не будет.

Но надо учиться у Яшина, молча и никому ничего не говоря, учиться. Учиться терпеть, учиться работать, учиться той естественности, с какой жил настоящий Герой Советского Союза. Размышляя так или почти так, я еще несколько раз успел увидеть его в воротах.

И лишь однажды при мне динамовцы проиграли. Я был до того удивлен, что помню детали. Ростов забил гол на четвертой (!) минуте, точнее говоря, забил не ростовчанин — ростовчанин попал в ногу динамовского защитника, и вот уже от этой ноги Яшин пропустил... «Динамо» почему-то не отыгралось.

И Яшин, как мне показалось, вскоре перестал выходить на поле. Или выходил изредка, не всегда. «Динамо» без Яшина меня почти не интересовало. «Динамо» стало исчезать, Яшин остался.

Он и не мог куда-то исчезнуть, он был слишком нашим, слишком своим.

И, мечтая стать вратарем, я не мечтал никогда играть, как Яшин. Я равнялся на Кавазашвили, на Банникова, не на Яшина. Самой смелой мечтой было получить из его рук приз — приз лучшему вратарю. Он вручал потом такие призы, призы розыгрыша «Кожаного мяча», и его показывали по телевизору уже не с динамовского поля, а с поля далекого Луганска. И я искал на карте город Луганск.

И поступать «во вратари» я поехал в «Динамо». На другой край города, в какой-то неведомый и почему-то водный стадион... Втайне я рассчитывал, что мне повезет и экзамен будет принимать сам Лев Иванович.

Мы так долго ехали по жаре, после школы, без обеда, так долго искали футбольное поле, так долго готовился я к этому дню... А оказалось, что нет там не только Яшина, но и приема в школу. Завтра он есть, а сегодня почему-то не принимают. И сказано это было таким равнодушным тоном, с таким небрежным кивком тут же отворачивающейся головы, что мне захотелось плакать с досады. И я тут же объявил маме, что ни в какую школу поступать уже не хочу, а хочу есть. И мама неизвестно чему обрадовалась, и мы стояли в булочной у высокого стола и ели невкусный бутерброд с плавленным сыром, запивая его невкусным, да еще теплым кофейным напитком. Это в жару-то! И голова болела, прямо раскалывалась.

Дорога домой показалась коротче.

\* \* \*

Значок с его росписью и датой прощального матча я, конечно, купил. Позже откуда-то добыл и программку. А на стадион — не стремился, не потому что знал — трудно, почти невозможно попасть, просто я не любил грустных фильмов. Особенно если финал знаешь заранее.

Этот финал был для всех нас очень тяжел, и я не помню его, как должен бы помнить. Помню только, что все вместе у старенького телевизора мы не собирались, смотрели отрывочно, каждый по себе, и уж точно ничего не обсуждали.

Обстановка праздника и скромного по тогдашним меркам ажиотажа показалась мне насквозь фальшивой, искусственной, и сам Яшин вызвал какие-то неуместные в отношении к нему ранее жалостные чувства. Думалось, что ему тяжело присутствовать там — на родном стадионе, думалось, что про себя он рассуждает так: «Лишнее это все... Зачем?... Спасибо, конечно...»

И жалость, точнее сказать, сострадание к нему осталось во мне надолго. Осталось, хотя я вновь не смог бы выразить эти чувства словами.

Яшин играл — и был лучшим, лучшим в стране и в мире, он был для меня определенным, ясным, он был кем-то! А тут он стал... никем. То сидел на лавочке рядом с тренерами родного «Динамо», то открывал ежегодные футбольные календари заметками за своей подписью, в которых были такие слова, что я даже сомневался, Яшин ли их пишет на самом деле, то выступал с краткими комментариями в футбольной передаче, то награждал кого-то, то ласково журил...

И выглядел он в своем всегда солидно сшитом и хорошо сидящем костюме одиноким, отличным от окружающих его людей. Он был в порядке и... не в порядке, он улыбался в экран тепло, но с грустинкой, неуловимой, но видной мне грустью.

С такой же, но постоянной философской грустью в глазах смотрел на окружающий мир грузчик из магазина «Свет», что распола-

гался по соседству. Грузчика звали Генрих Федосов. Когда-то, в другой своей жизни, он играл вместе с Яшиным.

Он уже не был бывшим футболистом «Динамо», он был грузчиком. А кем ощущал себя Яшин?..

Порой мне казалось, что Федосову живется легче, чем Яшину. Если только слово «легче» уместно употребить, говоря о расколотой на две половинки жизни.

Яшина, я постепенно понимал это, ставили в пример. В пример школьникам, спортсменам, футболистам. А он вроде бы и не желал быть примером. Говорил скованно. Заметно стеснялся. Робел на трибуне.

Спустя время Владислав Третьяк покажет себя в этом качестве куда как выигрышнее. Но Третьяк из другого поколения. В моем доме любили Третьяка, но никому не пришло бы в голову причислять его к разряду своих.

А вот за Яшина мы продолжали болеть. Когда с ним случилась беда, тяжелая операция, потеря ноги, все мы, даже потерявшая вкус к футболу мама, переживали. Переживания эти выливались в воспоминания и почему-то совпадали с мыслями о родных, о тех, кого уже нет с нами.

...Единственный номер еженедельника «Футбол», который я храню в деревянном, построенном сразу после войны доме, посвящен памяти Льва Яшина. Этот номер лежит рядом со стареньким приемником «Гиала». Им давненько никто не пользуется. Но мой племянник любит спрашивать меня о вратарях, любит копаться в старых футбольных справочниках, и я надеюсь когда-нибудь показать ему дом, в котором жил Лев Иванович Яшин. У нас его звали Левой, и было это очень давно.



*Яшин Лев Иванович. Родился 22.10.1929 в Москве. Вратарь. Выступал в «Динамо» М с 1950 по 1970-е годы. Пятикратный чемпион СССР. В сборной СССР – 80 матчей. Чемпион Европы и Олимпийских игр. Бронзовый призер чемпионата мира 1966 года. Обладатель «Золотого мяча» (1963). Выдающийся мастер отечественного и мирового футбола. Удостоен многочисленных правительственных наград. В 1988 году награжден орденом ФИФА.*

## Под знаком Стрельца

Однажды мне предложили написать краткую биографию Эдуарда Стрельцова.

Я почему-то согласился. Хотя вспомнил, что моя последняя краткая биография была посвящена столетию табачной фабрики «Дукат». А первая — богу ацтеков — Кецалькоатлю.

Словом, краткие биографии создаются в силу принуждения и вспоминаются без удовольствия.

Кроме того, тема Стрельцова показалась мне слишком личной для предложенного жанра.

Однако я согласился.

Но краткой биографии не получилось. Получились листочки из записной книжки. Несуществующей, надо признаться, книжки.

К читателю, возможному критику, у меня одна просьба. Вернее, напоминание. Краткую биографию Стрельцова я сочинить не пытался.

В этом вся штука...

\* \* \*

От кого-то, уж и не помню от кого именно, в раннем детстве услышал его фамилию — Стрельцов. Именно по фамилии, без имени, уважительно и строго звали его в нашем доме. А футболом в нашем доме болели с довоенных времен. Болели исключительно за «Динамо».

Обстоятельств не помню, но скорее всего эту фамилию я услышал от дяди. В конце концов, ведь это я — семилетний пацан первым в семье стал вдруг болеть за «Торпедо». Нуждался же я в некотором просвещении!

Так неприметно вошел в мою жизнь Стрельцов и сопровожда-

ет по сию пору. Ненавязчиво так, неприметно, вроде и нет его, а вдруг — стоп, стоп, вот он, рядом... Помалкивает: думай, мол, сам, разбирайся...

И в самом деле пора.

\* \* \*

Во дворе мне сказали, как отрезали: «Стрельцов — футболист хороший, а человек — плохой! Потому что сидел в тюрьме. А у нас просто так людей не сажают. У нас не Америка, там чуть что — сразу! Особенно, если негр!»

Дома я поставил вопрос ребром — как же так? Ведь футболисты — лучшие люди на земле, разве их могут сажать в тюрьму? Неужели соврали? Вообще-то в нашем дворе ребята хорошие...

Ответили как-то уклончиво, как обычно не отвечали. Но подтвердили — в тюрьме сидел. За преступление. Отсидел. Вышел. И снова играет. Причем лучше всех. Остальное узнаешь потом, когда вырастешь. Сейчас важно хорошо учиться.

Я понял, что с «Торпедо» и Стрельцовым вышла несправедливость. Ошибка вышла. И стал болеть за команду еще сильнее. Хотя по телевизору ее показывали не так уж и часто. «Спартак» куда чаще! Но «Торпедо» у него, бывало, выигрывало, и я понимал: Стрельцов всех сильнее. И плохим, стало быть, быть не может. Сильный — он всегда добрый, так нас учили и в школе, и в кино, и в книгах.

\* \* \*

Никита Симонян любит вспоминать такую историю. Разбор полетов в «Спартаке» после неудачного матча с «Торпедо».

Тренер, обращаясь к защитнику: «Что же ты, милый, Стрельцова-то не закрыл? Вот он и положил нам свои два. Они вон как Симоняна из игры выключили!»

«Обижаете, — возражает в сердцах расстроенный защитник, — Симоняна и я бы выключил».

\* \* \*

В пионерлагерях мое поколение училось жизни. Там про всякие «глупости» рассказывалось просто и без затей. А иногда и показывалось. Наш пионервожатый Саша — брат известного полузащитника Киселева из «Спартака», любимец местных женщин и герой очередного матча против деревенских. У него настоящие бутсы с шипами.

После утреннего кросса и купания голышом в холодном еще пруду он рассказывает нам про Стрельцова. Произносит страшное слово — «изнасилование». Мы уже знаем, что это такое... В его глазах горечь, слова он цедит медленно, будто сплевывает: «Все беды от баб... дочь министра оказалась отсюда — и шухер... Прокурор старался от души...»

Вечерами, тайком, слушаем Высоцкого. «Плюс пять мне сделал прокурор...» Казалось, что про Стрельцова.

\* \* \*

В Доме кино была премьера фильма о Стрельцове. Людей было много. Я запомнил вдову — всю в черном — и мать-старушку. Когда ее назвали, она поклонилась присутствующим в пояс. И по ее лицу текли слезы.

Фильм был, как и положено, сентиментальный. С экрана говорили много и как-то очень убедительно. Тема — Стрельцов был очень добрый и незащитный. Играл не хуже Пеле. Словом, елейности хватало. Не потому ли сидевший рядом организатор ветеранских футбольных матчей вдруг вспомнил:

— Летели как-то играть. Туда он по трапу еще сам зашел. А обратно — мы его заносили. Три дня в номере не просыхал. Дверь открывал только тому, кто в магазин бегал.

Без злобы всякой сказал. С грустью. Я посмотрел на него, а он смутился, покраснел и уставился в экран. Все кадры живого Стрельцова были известны. Их слишком мало, кадров. О Высоцком, кстати сказать, немногим больше.

\* \* \*

Мой отец совсем не болел за футбол. Если я приставал чересчур долго, отшучивался: «Как не болею? Болею. Кто там сейчас слабее? «Зенит»? Вот за него и прибалываю. За слабого. Сильный, он и так разберется».

И все-таки я уговорил его пойти на Стрельцова. Одного меня в «Лужники» еще не пускали.

Было холодно и дождливо. Голов не было, и народ ругал Стрельцова тихо, но настойчиво. Я боялся, что и отец скажет что-нибудь типа: «Ну и что же твой Стрельцов?»

Но отец молчал. Может, он понимал мое состояние? Не знаю. Не спросил. А теперь и не спросишь.

Играли, между прочим, с «Араратом», который стоял на вылет.

\* \* \*

Эту историю любят вспоминать в кулуарах. В газетах она, понятное дело, не обнародовалась.

Футболист «Торпедо» продал матч. То есть взял деньги и обещался не забивать одной южной команде. Об этом никто не знал, но потом узнали. Узнали свои.

— Ты пойми, почему мы тебя выгоняем, — сказал ему Стрельцов. — Мы тебя не потому выгоняем, что ты деньги взял. А потому, что ты с ребятами не поделился.

Футболист перешел в другую команду и выступал там неплохо.

\* \* \*

«Картошка», как и стройотряд, являлась обязательной в вопросах получения высшего образования. И, на мой взгляд, это было совсем не лишним.

Малознакомый преподаватель неожиданно встрял в наш разговор о Стрельцове. Перекур затянулся. Кандидат наук, поблескивая на солнце очочками и поминутно их протирая, изложил свою вер-

сию стрельцовского сидения. Он слышал ее от достойных людей, входящих во многие кабинеты без стука.

Даже в поле он излагал, понизив голос.

Оказалось, Стрельцов получил так много — 12 лет — вовсе не потому, что... А потому, что на суде брякнул: «Зря я в Англии не остался. Предлагали же!»

Так что сами понимаете... Мы понимали. Но недоверие у меня лично осталось. Оно усилилось, когда выяснилось, что доцент страшился «картошки» и хотел сделать из нас «рабочую аристократию».

\* \* \*

Однажды мы с приятелем переживали творческий кризис. Его усиливали жара и похмелье.

Вечерело, а спортивная полоса в ежедневной газете не сдана. Дежурный редактор заглядывал в нашу комнатку уже в седьмой раз.

И тут приятеля осенило. Он ткнул в календарь:

— Завтра день рождения Стрельцова! Разделимся...

Мы разделились и в первый и последний раз в жизни написали заметку за двумя подписями. Наш Стрельцов был разным, но он был живым. По сию пору я думаю о нем так, как думалось в тот жаркий день.

Между прочим, приятель мой вспоминал о том, как он не взял у него интервью, как почувствовал, что, находясь рядом, в одной компании, за рюмкой чая, подло и нехорошо оказаться вдруг на пару часов журналистом, он просто слушал его, старался запомнить и поднимал рюмку вместе с ним.

Мой приятель легко «разговаривал» наших профи, тех, что в Канаде, с клюшкой. А вот со Стрельцовым... Диктофон показался чужим и лишним. И об этом не стоило сожалеть, и ему удалось это выразить. Звали приятеля Миша Быков.

А вскоре, часа через два (!), позвонил Михаил Гершкович. И за-

говорил о Стрельцове. Вернее, о памятнике, который почти готов.

Готов он мог быть много раньше, но загулявший рабочий обиделся на весь мир и крушил кувалдой все, что попало под руку. Попал и Стрельцов, бронзовый, но попал.

\* \* \*

Памятник на Ваганькове открывали год спустя. В день рождения. Который почти совпадает с днем смерти. Батюшка освящал, снимали белую холстину, возлагали цветы. Торпедовцы, динамовцы, цеэсковцы, спартаковцы... Все. Поминали. Солнце било в глаза и мешало нашему фотокору работать. Но он хорошо знал свое дело.

\* \* \*

Презентаций книги юриста Н. о деле Стрельцова было несколько. Я побывал на одной из них. Официальный зал. Портрет Стрельцова в углу. Речи. Шампанское и фрукты. У входа почему-то раздавали значки команды «Торпедо-ЗИЛ». Входишь, а в ладони значок. Здраваться неудобно.

Я полистал книгу. Писать юрист не умел. Попробовал представить здесь, в зале, живого Стрельцова. Не смог. Благородство авторов и исполнителей никак не вязалось с человеком в пропотевшей футболке под девятым номером.

Шампанского я пить не стал. Книгу подарил знакомой — весьма далекой от футбола. Зато читающей «Мегаполис» и разные там «Сов. секретно». Вот значок сохранил. Красивый.

\* \* \*

Вообще я заметил, что любителей покопаться в гробу у нас более чем достаточно. В Америке есть целое подразделение в журнальчике — «разгребатели грязи». Но там разгребают грязь еще живущих людей.

У нас — гуманнее. И здоровее. У нас копаются исключительно в Царстве Мертвых.

Газетный заголовок — «Кто заказал Эдуарда Стрельцова?» — убивает читателя наповал.

Я, хоть и не читаю газет, и то сломался. Купил. Ознакомился. И что же? Вновь возвышенность, благородство, реабилитация и ... НКВД. Или КГБ, не важно. Состряпали дело Стрельцова, организовали поездку на дачу, подложили специально обученную даму. Зачем? А чтобы обескровить профсоюзную команду «Торпедо». А заодно и профсоюзную команду «Спартак», потому что Татушин и Огоньков играли в «Спартаке». И тоже были на даче. И к ним тоже подвезли специально подготовленных дамочек.

И все ради побед «Динамо» и ЦСКА! Несмотря на приближающийся чемпионат мира, в котором впервые выступает сборная СССР, где центрфорвард Эдуард Стрельцов — один из лидеров команды. Как, впрочем, и Огоньков с Татушиным.

Кусочки уголовного дела... Что-то про анализы спермы... Сальные подробности «отдыха на природе». Полученные синяки и снятая одежда.

И конечно же — продолжение следует! То есть не забудьте купить и следующий номер нашей газеты!

Мне представляется, Эдуард Анатольевич Стрельцов потугам всех этих «благодетелей» вряд ли обрадовался бы. И это еще мягко говоря.

Да и не посмели бы они при нем-то, живом, не посмели бы.

Наши борцы за правду уже разоблачили убийц Есенина. Вычислили убийц Маяковского. Теперь вот взялись обелить Стрельцова, не спросив ни у кого: а нуждается ли он в вашей реабилитации?!

\* \* \*

Знакомый журналист со стажем слушал-слушал благородного юриста со товарищи, а потом шепнул мне:

— Брехня это! Изнасилования там и близко не было. Он с той

бабой давно знаком был. А она его оженить хотела. Мне один футболист рассказывал, когда жил у меня. Ничего этот юрист не знает...

\* \* \*

Бывший защитник «Динамо» и сборной страны Эдуард Мудрик вспоминал:

— Собрались ветераны сборной на какой-то показательный матч. То ли в Донецк, то ли в Вологду. Собрались на вокзале. Смотрим, все на месте, кроме Стрельцова. Он живет рядом с вокзалом, но мы волнуемся: вдруг забыл?

Звоню из телефонной будки:

— Эдик, через полчаса поезд!

— Помню. Но еще рано.

За пятнадцать минут до отхода его все нет. Звоню.

— Эдик, 15 минут осталось!

— Еще рано, — слышу невозмутимый ответ.

Вот уже 5 минут остается...

Кричу в трубку:

— Эдик! Пять минут! Пять, понимаешь?!

— Уже поздно, — спокойно отвечает Стрельцов.

Истории Мудрика похожи на анекдот. Но, как ни странно, они не придуманы. Разве что самую малость...

Мудрик знает сотни таких историй. Собери, издай — книга выйдет на загляденье. Правда, многие рассказы утратят стиль на письме. Хотя рассказчик Мудрик — потрясающий.

\* \* \*

В нелепом, на мой взгляд, телевизионном ток-шоу в течение целого года определялся лучший отечественный футболист XX века. Участвовали известные в прошлом игроки и тренеры. Не обошлось без журналистов и спортивных чиновников. Бобров или Фе-

дотов? Яшин или Хомич? Стрельцов или Блохин? И так далее — имен, повторяю, хватило на целый год.

В конце концов, главный приз достался Стрельцову.

Если бы Эдуард Анатольевич был жив, думаю, за призом бы не пришел. Он знал, что такое слава, он знал, что такое жизнь. Побрякушки его вряд ли интересовали.

\* \* \*

Недавно мне позвонил журналист со стажем. Поинтересовался, нельзя ли опубликовать его материал в газете? Тем более — ему вот-вот 60 исполняется. Юбилей.

Я горячо поддержал:

— Конечно, — говорю, — мемуарчик какой-нибудь...

Он принес четыре страницы. Три из них были посвящены Васе Уткину, который не знает, кто такой Стрельцов! И не стесняется заявлять об этом с экрана.

Я позвонил автору и говорю:

— Вы об этом уже писали! Три года назад. Именно в нашей газете.

— Ну и что? С тех пор ничего не изменилось. Ни во мне, ни тем более в Уткине! Стрельцова не знать!

Я напомнил о мемуарчике.

— Какой мемуарчик, когда люди Стрельцова забыли!

И в трубке раздались частые, как брань, гудки.

\* \* \*

На Автозаводской площади большое движение. Переходить ее надо с умом. Или на светофор.

Человек с Востока, в мятых брюках и кепке, не спешил делать ни того, ни другого. Ему гудели, а он в затылке чесал. Словно и не подвергался опасности, а стоял где-нибудь на скале в полном одиночестве.

Я предложил кепке помощь, и мы оказались на тротуаре. Но он и здесь продолжал размышлять. Наконец обратился ко мне:

— Слушай, дарагой, где здесь дэньги на памятник Стрэльцову собирают? Я из Баку спэциально приехал.

Я показал ему на корпуса ЗИЛа, где размещался тогда торпедовский футбольный клуб. А заодно поинтересовался: откуда такая любовь к москвичу, торпедовцу, который ведь и «Нефтчи» забивал?

— Да пусть бы он и тэперь забивал! Такого игрока на руках надо носить, как дэвушку! У нас тоже люди играли — Банишевский, Маркаров, но Стрэльцов — он... Они все как дети перед ним, понял, дарагой?

С его слов выходило, что именно в Баку Стрельцов провел свой первый матч после зоны. Неофициальный. Товарищеский. Потому что люди из Баку хорошо попросили.

Я потом рылся в архивах, опрашивал знакомых футбольных статистиков. Подтверждения бакинского матча — не нашел. Но памятник Стрельцову на стадионе «Торпедо» стоит.

А машин на Автозаводской площади стало еще больше.

\* \* \*

Онкологический центр на Каширке виден издалека. Несмотря на старания архитектора, от здания веет чем-то мрачным. Стрельцов умер там.

Михаил Гершкович вспоминал:

— Пришли мы к нему поздравлять. Знали, что ему плохо, что надежды нет никакой, но день рождения — есть день рождения. Рая, жена его, взяла Эдика за руку, подняла ее, в наши поочередно протянутые ладони положила. «Эдик, ребята пришли к тебе, поздравить». Он глаза прикрыл: мол, понимаю. Узнал. А может, нам просто хотелось в это верить?

Минут десять побыли в палате, говорили что-то бодрое и не-нужное. Ну что в таких случаях говорят...

Утром, часов в восемь, я позвонил Раисе Михайловне и услышал: «Умер Эдик. Ночью умер...»

\* \* \*

Недалеко от Каширки — Варшавка. Варшавское шоссе. Там, где однажды нашли умирающего молодого красивого мужчину. Как оказалось, Валерия Воронина. Убитого неизвестно кем. Убийца не найден. Умирал Воронин в тех же краях, что и Стрельцов.

\* \* \*

Поразительно, что на всех фотографиях, что мне довелось видеть, Стрельцов спокоен, умиротворен. Никакой истовости, напряжения в лице, никакой муки.

Да и привычного теперь оскала радости тоже в нем нет. Никакого сверхторжества и триумфаторства.

Словно и не было матча, боли, победы. А была просто жизнь.

Без показного героизма и дешевой патетики.

\* \* \*

Ежемесячник «Торпедо» издавали два веселых человека. Саша и Юра. Они были и редакторами, и заказчиками, и наборщиками, и курьерами. А также продавцами тиража.

Параллельно они боролись с завистниками.

Казалось, они знали о «Торпедо» все, ведь каждый новый номер получался пригожим, читабельным и свежим, как мамин пирог.

Продавали они его где придется — у завода, на стадионе и на Ленинградском вокзале. Там приходилось бороться за место с другими торговцами и торговками. В этой борьбе им здорово помогал портвейн.

Однажды я встретил их там, как раз в период борьбы за место под солнцем. Принял липкий стакан — символ недолгого мира. И говорю:

— Знал бы Стрельцов, что номер его памяти продается среди бомжей, воблы и семечек...

Юра подумал, прикурил и закончил:

— То есть среди народа. Для которого он и играл. Значит, все нормально.

Стоит ли говорить, что я остался вместе с ребятами и уехал на последнем поезде метро?

Номеров вышло около тридцати. Лучшие из них — именные. Посвященные Воронину и Стрельцову.

Затем у клуба кончились деньги, и ежемесячник «Торпедо» стал раритетом.

\* \* \*

Когда мы, наконец, станем чемпионами мира по футболу? На этот вопрос некоторые ветераны отвечают:

— Да мы бы ими стали в 1958-м! Если бы Эдика не посадили, да не убрали Огонькова с Татушиным! Всех бы порвали.

\* \* \*

В конце тридцатых годов в нашей стране жило много испанцев, эмигрировавших от Франко. Один из них работал на заводе и дружил с моим дядей. В шестидесятых большинство из них вернулось на родину. Дядин друг уехал в Бильбао.

Иногда от него приходили поздравительные открытки. В них, между прочим, он спрашивал: «Как там Стрельцов? Недавно ваша сборная играла у нас, а его почему-то не было».

Не думаю, чтобы дядя отвечал на столь невинный для испанца вопрос. Не думаю.

На моей книжной полке стоит деревянный игрушечный камин из Бильбао. Как память об Испании. Как память о том вопросе. Как память о дяде. Как память о Стрельцове.

Как его звали, этого баска? Я снова забыл спросить.

\* \* \*

Никита Симонян часто вспоминает эту историю.

— 1956 год. Мельбурн. Мы — олимпийские чемпионы. Получаю золотую медаль, но к радости примешивается укол совести — Стрельцову-то медали не дали. Не полагалось тогда. Давали только тем, кто выступал в финале. Получалось несправедливо: он играл все матчи, а на последнюю игру тренеры выпустили меня.

Подхожу к Эдику, говорю: «Эдик, эта золотая медаль не моя. Она твоя. Ты ее заслужил. Можешь взять ее себе». Эдик отказывается наотрез, обижается даже. Я отступил, но, когда плыли обратно на теплоходе «Грузия», вновь к нему подхожу. А он рассердился: «Еще раз предложишь мне свою медаль — обижусь!»

...Интересно, что в некоторых книжках к рассказу Симоняна добавлялась одна деталь. Стрельцов в ответ говорит более старшему товарищу: «Бери, бери. Я еще молодой, еще выиграю».

\* \* \*

Владимир Дерябин, бывший в шестидесятые капитаном одесского «Черноморца», душа-человек. Про себя лично, как ни упрямый, ничегошеньки не расскажет, зато про других — пожалуйста!

Как-то ехали с ним в Одессу. Спросил Дерябина про Стрельцова. Тот вспомнил такой момент:

— Играли у нас, в Одессе. Наш защитник Юра в раздевалке перед матчем клятву дает: не пропущу Стрельца! Мы только усмехнулись... Играем, значит... А Юра, надо сказать, парень могучий, приклеился к Эдику, как репей, то по ногам молотит, то за майку держит. Ну, Эдик будто не замечает. И вот проспали мы комбинацию... Кто-то ему на ход кинул по центру. Стрельцов, только-только пассивный, вялый был, — как рванет! Юра оторопел, за ним во весь дух! Стрельцов по дороге двоих, как детей, обыграл и к штрафной! Тут Юра наш изловчился и сзади ему на шею как прыгнет! Чистый Тарзан. А Стрельцов даже бега не замедлил: врывается в штрафную и — не дожидаясь вратаря — с размаху в угол. И гово-

рит Юре: «Слезай, что ли, приехали...» Нельзя было его удержать, невозможно.

Дерябин осенью умер. Так и не рассказав о себе.

\* \* \*

Известный тренер Владимир Сальков играл за донецкий «Шахтер» защитником. Персонально против Стрельцова — такое у него было задание, если «Шахтер» встречался с «Торпедо».

— Вот Стрельцов с мячом, приближается к штрафной, замахивается бить по воротам. Я реагирую на замах. Он сразу меняет решение, видя, что я перекрыл ворота. Делает новое обманное движение, но я и на него успеваю среагировать. Но и оно оказывается ложным. Я понимаю это, видя, что он делает третий финт, понимать-то понимаю, но уже лежа на траве, координацию потерял! Народ смеется на трибунах, а мне не до смеха. Я пытаюсь и лежа ворота закрыть, как амбразуру телом, ползу по траве. А он, видя, что удар может прийтись мне в спину, забирает мяч и мимо меня, лежащего, тихонько так катит мяч в дальний угол! Вратарь у нас тогда был приличный, но, наблюдая эти ложные его замахи, готовился к сильнейшему удару, а тут — прямо застыл как вкопанный.

Я многих нападающих до и после видел, но чтоб вот такой гол сотворить... Фантастический талант. Талантище. И это ведь в 66-м году было, после стольких лет заключения.

\* \* \*

Владимир Маслаченко, прекрасный голкипер и профессиональный комментатор, сказал о Стрельцове, мне кажется, лучше всех: «Стрельцов — это футбольный Шаляпин».

\* \* \*

Впервые в футболке «Торпедо» он вышел на поле 4 апреля 1954 года в Харькове. Это был первый тур очередного чемпионата стра-

ны. Паренек, которого скоро будет знать вся страна и которому еще не исполнилось 17 лет, отыграл неполный второй тайм. Он вышел на замену под двенадцатым номером. И забил мяч на 70-й минуте. 3 мая его впервые увидели москвичи. «Торпедо» играло с «Локомотивом» и победило — 1:0. Этот единственный мяч забил шестнадцатилетний Эдуард Стрельцов.

26 июня 1955 года он впервые играл за сборную. Против шведов, в Стокгольме. И забил три мяча!

\* \* \*

Как-то на стадионе «Торпедо» по трибунам прошелестело: «Стрельцов, Стрельцов!!!» Я долго искал его глазами. Они никак не хотели останавливаться на лысоватом здоровом дядьке в коричневом пиджаке.

Он сразу же сел и стал для меня невидим. Он не ждал ничего, моего в том числе, внимания. Это я понял годы спустя.

\* \* \*

Кто-то спросил его: играл ли он там, на зоне? Он ответил, что только однажды. И рассказал о том матче так:

— Нас вывезли на пятый лагпункт, километрах в трехстах от Кирова, в тайгу. Кругом решетки, решетки, проволока и... охрана, охрана, охрана, аж в две шеренги...

Единственное в своем роде описание футбольного матча. О себе самом, об игре не сказано, заметьте, ни слова.

\* \* \*

Отбывал он точно по приговору — на тяжелых работах: лесоповал, узколейка в тайге, химзавод, строительство домов.

Он не сломался там, а потом — здесь — не любил вспоминать о прошлом.

\* \* \*

Последний раз перед тюрьмой забил столичному «Спартаку». Забил гол, и встреча 2 мая 1958 года завершилась вничью — 3:3. За восемь последних игр забил 5 мячей.

\* \* \*

В его письмах оттуда (некоторые — опубликованы) про тюрьму очень мало. Вообще, если б не знать, что они из зоны, читатель и не догадался бы ни о чем.

Вот человек уехал работать. Работает. Ему тяжело, но это с непривычки, привыкну, будет полегче. А в целом все нормально, главное, вы там следите за своим здоровьем, обо мне не волнуйтесь...

Пишет он в основном матери, Софье Фроловне, и если просит о чем, то добавляет: если трудно, тогда не надо. И главное, он словно забыл, что был знаменитый на всю страну футболист. Он словно и не знал об этом.

\* \* \*

Литература о Стрельцове поразительна. Она вроде бы есть, но ее как бы и нет.

Сложно найти книгу об отечественном футболе, в котором бы не упоминалось его имя.

Однако и книг, посвященных собственно Стрельцову, очень мало. О Бекхэме пишут куда чаще.

Особняком стоит творчество спортивного литератора Александра Павловича Нилина. Нилин был дружен с Ворониным и Стрельцовым. Дружен в течение многих лет. Естественно, что он мог бы написать о них не просто тома — собрание сочинений. И Нилин действительно написал о Стрельцове несколько книг.

Но они, мне кажется, уступают другим его книгам, не отмеченным столь близким и столь теплым отношением к герою. Давно замечено: рассказать о том, кого хорошо знаешь и любишь, сложно.

Лично мне больше всего нравится книжка Нилина о Бескове. Зато Бесков был ею недоволен и даже сердит на автора.

\* \* \*

Мне хотелось бы привести здесь литературный отрывок, посвященный Эдуарду Стрельцову. После долгих сомнений я остановился на Аркадии Галинском, замечательном футбольном журналисте, уже покинувшем этот мир.

Не выходит больше и газета, откуда этот отрывок взят. Она называлась «Советский спорт плюс восемь».

Судьба Галинского — не из простых. Один из самых талантливых из пишущих о футболе, он подвергся незаслуженным гонениям, травле. Его пытались изгнать из футбола за то, что он показывал его таким, каким он был. Он не рисовал лубок, вот в чем дело.

Когда Аркадий Романович умер, его вдова принесла нам в редакцию последние, не опубликованные доселе статьи. Они поразительно успевали за временем.

Итак, слово Галинскому. Он оказался свидетелем возвращения Стрельцова в большой футбол после пяти лет заключения.

\* \* \*

«В конце июля 1963 года мне позвонил в Киев заместитель редактора отдела футбола «Советского спорта» Александр Вит (в ту пору я был заведующим украинским корпунктом этой газеты) и спросил, не хотелось ли бы мне съездить на недельку в Одессу, чтобы передать оттуда отчет о матче сборной клубов Москвы (а фактически — сборной СССР) с олимпийской командой Японии? Вопрос показался мне странным. Во-первых, почему на недельку, если требовался отчет об одном-единственном матче? Во-вторых, сколько-нибудь серьезной борьбы в нем быть не могло, а в «Советском спорте» для соревнований подобного рода отводилось обычно несколько строк сугубо статистической информации. Отчего я и ответил Виту, что справиться с этим заданием сможет в Одессе

любой начинающий местный журналист. Но Вит засмеялся и сказал, что матч с японцами состоится 31 июля, а 25-го в Одессу прилетит, чтобы сыграть в тот же день товарищескую встречу с «Черноморцем», московское «Торпедо». В составе же последнего впервые после пятилетнего перерыва выступит Стрельцов!»

Прервем здесь автора для ремарки. Общеизвестно, что Стрельцову долгое время не разрешали играть. Что огромную роль здесь сыграл Вольский, в ту пору парторг ЗИЛа. Он будто бы напрямую выходил с просьбой о Стрельцове в верха партии!

Но! Как видим, руководители спортивной прессы тоже не могли или не хотели сообщать о предполагаемом выходе Стрельцова на поле. Пусть и в товарищеском матче! Здесь и подвернулся Галинский. Киев — политическая периферия...

\* \* \*

«...В Одессе, в раздевалке «Торпедо», сидел, зашнуровывая ботсы, уже не юноша с открытым светлым нежным лицом и симпатичным русым коком над высоким лбом, а грузноватый, сильно лысеющий мужчина. У юноши были красивые длинные сильные ноги, теперь же ноги Стрельцова напоминали колонны. Он поднял голову, внимательно посмотрел на меня и несколько напряженно поздоровался. Я сказал: «Эдик, все будет хорошо!» Он ответил: «Я надеюсь». В футбольной раздевалке говорить много не принято, мы условились побеседовать в автобусе — торпедовцы после матча вылетали в Москву вечерним рейсом. Ужинали футболисты практически всухомятку, уже в самолете. Стрельцов, рассказали мне, есть не мог.

О том, что одесская публика имеет возможность увидеть 25 июля 1963 года игру Эдуарда Стрельцова, местное радио сообщало в тот день несколько раз. «И свыше сорока тысяч зрителей, пришедших на стадион, не ошиблись в своих надеждах, — писала газета «Черноморская коммуна». — На 12-й минуте счет был 2:0 в пользу гостей. Центрфорвард «Торпедо» Э. Стрельцов дважды заставил голкипера «Черноморца» Б. Разинского вынуть мяч из сетки. Пер-

вый гол Стрельцов забил со штрафного, а второй мяч направил в ворота ударом с хода — столь же сильным, сколь и неотразимым».

«Первый гол Стрельцов забил со штрафного...» Это волшебство мне не забыть. Мяч был положен примерно метрах в восемнадцати от ворот и почти прямо против них. Одесситы выстроили стенку, прикрывая левую от голкипера сторону. Арбитр, как обычно, суетился, делая вид, что намерен отодвинуть игроков на положенные девять метров. В конце концов метрах в пяти от мяча стенка пятиться перестала. Стрельцов разбежался и ударил. После чего мяч исчез из поля зрения. Где же он? Судья побежал к воротам. И тут, наконец, все увидели мяч. Он лежал в сетке у левой стойки. Но ведь мяч над стенкой не пролетал! Значит, он каким-то образом ее обогнул — сбоку, снизу? Ах, так вот почему и московские, и одесские игроки, когда мяч был вынут из сетки, буквально облепили Эдика...

Я видел тысячи забитых мячей, сотни из них описывал в отчетах подробно, но этот гол поражает воображение и поныне. После матча, в автобусе, прошу Стрельцова объяснить мне происшедшее. Его рассказ я записал по возвращении в гостиницу, и этот текст привожу далее дословно. «Одесситы, — говорит Стрельцов, — стенку построили неважно, поскольку дальний от вратаря угол был не совсем закрыт. Я подумал, — говорит он, — бить надо туда прямо, с подъема, а главное — быстро, как только судья отойдет. И уже стал разбегаться, когда стенка сдвинулась и закрыла стойку, видно, Радзинский подсказал. Словом, шансов никаких, но не останавливаться же! Вот на ходу и решил резать по самому краю мяча и как можно сильнее, да стопу «навалить» покруче. Ну и еще, наверное, подфартило: может быть, стенку они все-таки не дотянули».

\* \* \*

Галинский не был бы Галинским, если бы, навестив через несколько дней сборную, не сказал в полный голос: «Стрельцов в Одессе сыграл потрясающе!»

У игроков и тренеров — пауза из «Ревизора». Все же знают, что играть Стрельцову — запрещено! Но это в Москве, Одесса же — вольный город.

Первый официальный матч за «Торпедо» Стрельцов провел только два года спустя. 15 апреля 1965 года. В Баку.

Так что к пяти годам заключения добавились еще два года отлучения от футбола на воле. Семь лет вне футбола!

Он забил в 26 матчах 12 мячей, «Торпедо» стало чемпионом страны!

... Не про этот ли матч 1965 года вспоминал тот бакинец с Автозаводской площади?

\* \* \*

Как тут не привести лаконичный отзыв легендарного Григория Федотова. Отозвав как-то Стрельцова в сторону, Григорий Иванович только и сказал: «Я сам играл, но как ты играешь...»

Что ответил Стрельцов — неизвестно. Но он ответил Федотову игрой. Два мастера мирового класса «разговаривали» на поле.

В быту они были людьми скромными и витийством не отличались.

\* \* \*

Эдуарда Стрельцова невозможно представить себе в другой команде. Только в «Торпедо».

«Завод! — как говорили сами футболисты о команде. — Куда мы без него?»

Теперь эти времена в прошлом.

\* \* \*

Угловой Лобановского вошел в поговорку. Все знают, что мяч, пущенный долговязым рыжим нападающим киевского «Динамо» от бокового флажка, зависал в воздухе и аккуратно укладывался

под дальнюю штангу. Коронный удар этот Лобановский шлифовал на каждой тренировке.

Неповторимый удар — такое бытовало мнение.

Однажды разговор этот возник на торпедовской базе в Мячкове. «Неповторимый удар», — сказал кто-то.

«Да ну? Так уж неповторимый?» — улыбнулся Стрельцов и направился с мячом на угол поля. Тщательно установив мяч, Стрельцов словно задумался, поглядел вниз, на ворота, опять на мяч и, отойдя на несколько метров, с короткого разбега пробил. Мяч завис над пустыми воротами — и опустился в угол у дальней штанги.

До этого Стрельцов никогда угловые не пробивал. Принципиально не любил отправлять мяч туда, где партнеру еще предстояло за него побороться.

\* \* \*

У меня, видевшего его мальчишкой, осталось, как теперь кажется, верное впечатление. Вот он — один, могучий, опытный, все наперед знающий, а кругом остальные — ученики. Талантливые и не очень. И соперники — злые и не очень. Что интересно, и зритель такой же.

Я слышал, как освистывали его! И орал: «Бегай!» И мне это не нравилось, и я не орал вместе со всеми. Потому что не знал, но чувствовал — и в стойке его в центре поля что-то таится пока неизвестное.

А потом — мяч, движение, одно, другое, пас, — и все белые футболки с черной буквой «Т» на груди мельтешат, как снег, и кто-то свободно выходит на вратаря...

\* \* \*

«Словарь любителя футбола» продавался в газетном киоске. И стоил 56 копеек!

Сумма для меня — огромная. Заполучить ее у родителей — задача почище алгебраической. Кроме того, я боялся, что книжка, на об-

ложке которой футбольный мяч как спутник облетает землю, вот-вот будет распродана. И я останусь ни с чем.

Но мне повезло, и вскоре я вооружился клеем, чтобы заняться ее ремонтом. Странички разлетались от внимательного чтения. Книжечка была издана провинциально — в Ростове-на-Дону. Но в ней было все! От истории Кубка Англии до режима питания игроков в калориях.

Вот что в ней было написано в разделе «Удар пяткой».

«Удар пяткой — отбрасывание мяча назад партнеру. Футболист при этом как бы перешагивает бьющей ногой через снаряд и резко отталкивает его пяткой.

Особенно эффективен этот прием вблизи ворот соперника, так как он всегда неожиданен для защищающихся. Нападающий делает вид, будто собирается пробить по цели или дать кому-нибудь из партнеров впереди или сбоку, а сам отбрасывает мяч пяткой назад. Это застаёт обороняющихся врасплох и может привести к взятию ворот».

Стрельцов, как мастер именно такого паса, не назван, хотя он буквально рисуется при чтении. На той же странице помещен рассказ про «Удар через себя», где аккуратно добавлено, что «у нас этим приемом хорошо владели Ниязбей Дзяпшиа и Гиви Чохели».

Книжка выпущена в 1970 году, так что я не обижался за молчание о торпедовской «девятке». Теперь — не обижаюсь тем более.

\* \* \*

В 1974 году выходит книжка Константина Есенина «Московский футбол». О Стрельцове Есенин говорит так:

«Заслужив спортивную славу, Стрельцов, однако, этой славы не выдержал, и в 1958 году случилось так, что «Торпедо» пришлось с ним расстаться. Но это не деморализовало коллектив».

И через пару страниц:

«Несколько сезонов бывший центр нападения «Торпедо» выступал в заводской клубной команде, наблюдал «большой футбол» с трибуны. Это обогатило его игру...»

Теперь эти слова режут слух! Оказывается, вот что обогатило Стрельцова... Сидение на трибуне и матчи за заводскую команду. На игры которой — Константин Сергеевич не мог не знать об этом — ходила вся Москва. Думаю, и Есенин ходил.

Но иначе тогда о Стрельцове и писать-то было нельзя. Вот нельзя — и все.

Правда, стоит добавить, и маститый Лев Иванович Филатов, и знаток всех футбольных цифирей Константин Есенин были преданными болельщиками «Спартака». Но не «Торпедо». Отношения этих команд на поле всегда были перпендикулярными.

Вот и в более поздних книгах своих (а их немало) Лев Иванович о Стрельцове рассказывает, но сквозь зубы, столько же, сколько, допустим, о Родионове или Банишевском...

Эдуард Стрельцов забил в ворота «Спартака» 8 мячей.

\* \* \*

Оценивая отечественных нападающих, Николай Петрович Старостин оставляет на долю Стрельцова лишь колорит. И ограничивается банальным: «Тебе много дано, с тебя много спрашивается».

Правда, книга была написана Н.П. Старостиным давно. Брат Андрей любил в сердцах бросить старшему: «Ничего ты, Николай, в футболе не понимаешь!»

Режим Эдуард Стрельцов нарушал. О чем искренне признался тренеру сборной СССР Михаилу Якушину: «Вы уж освободите меня, могу подвести вас...»

Но по части нарушения режима Стрельцов напоминает Джорджа Беста. Или Марадону. И по таланту они где-то рядом. «Непьющие люди в футбол не играют», — по сию пору любят повторять футболисты.

\* \* \*

Вадим Никонов, которого я очень любил и за которого болел отдельно, говорил мне:

— Да разве я играл? Я в основном учился играть у великих. Мне повезло, я у профессоров учился.

Под профессорами Никонов понимал Стрельцова, Иванова и Воронина.

Юрий Тишков рассказывал:

— Никонов научил нас многому. Порой самым простым вещам, неожиданно простым, до того простым, что сам бы никогда не додумался. К примеру, пас своему, если на тебе сразу несколько соперников висят и голову поднять некогда. Значит, на гетры смотри. Гетры, они ведь разные. Кати на свои — и порядок!

Никонов, игравший, кстати сказать, под восьмым номером в честь своего кумира Валентина Иванова, в свою очередь, заметил, что премудрость про гетры перенял от них — профессоров — от Стрельцова и Иванова.

\* \* \*

Когда о Сереже Шустикове заходила-загуляла недобрая слава любителя «отдохнуть», я с тревогой спросил его отца, заслуженного торпедовца Виктора Михайловича Шустикова, не пропустившего ни одной тренировки и сыгравшего за «Торпедо» больше всех — 427 матчей, о сыне, тот неожиданно для меня ответил:

— А чего? Я сыном доволен. Голова светлая, все видит на поле, соображает. Да и с мячом... Может. Мне еще когда про него Эдик сказал: «Голова светлая!» А он таких вещей просто так не скажет. Ни по дружбе, ни по чему другому... Гуляет? Так это пройдет.

Виктор Шустиков был дружен со Стрельцовым. Именно он приехал встречать его, когда срок Стрельцова закончился.

\* \* \*

Тандем Иванов — Стрельцов был лучшим у нас в футболе. Причем дело даже не в забитых ими голах — за сборную и за «Торпедо». Дело в глубине понимания игры, в интуитивном чувстве — где в тот или иной момент находится партнер.

Ни Иванов, ни Стрельцов не могли похвастаться тем, что кто-то еще понимает их лучше, чем они оба-два. И уж тем более никто не мог заменить кого-то из них.

Хотя рядом с ними играли выдающиеся мастера. И в «Торпедо», и в сборной.

Константин Иванович Бесков, который, кажется, и поставил их вместе в 1956 году, вспоминал:

— На установке, которую я проводил перед матчем с динамовцами, в центр нашего нападения был назначен Иван Моргунов. Перед ним была поставлена задача: перемещаться и уводить за собой центрального защитника динамовцев Константина Крижевского, который, как я мог предположить, станет опекать Моргунова персонально и вплотную. Значит, уводить в сторону, передвигаясь параллельно линии штрафной площади, в непосредственной близости с ней. А в освобождающуюся таким образом зону центрального защитника динамовцев в нужный момент должны были врываться либо Иванов (если Моргунов уводит Крижевского влево), либо Стрельцов (если Крижевский выманен направо). Наш замысел удался: Крижевский неотступно преследовал Моргунова даже без мяча, тандем Иванов — Стрельцов выполнил свою задачу «засады», и торпедовцы выиграли.

Следующая встреча — с ЦДСА. Там в центре обороны играл Анатолий Башашкин, который, как правило, сочетал персональную опеку с игрой в зону. Вряд ли, думал я, Башашкин оставит свою зону без присмотра ради «держания» Моргунова, тут нужен более опасный форвард. Поставлю-ка я в центр атаки Эдика Стрельцова. От него Башашкин далеко отрываться не станет, значит, будет уходить со своего центрального поста, а туда сможет «наведаться» Валентин Иванов.

Так мы и сделали. Башашкин действительно не отходил от Стрельцова, который исправно заманивал его то в одну, то в другую сторону от центра обороны ЦДСА. И на освободившееся пространство сразу же вырвался Иванов. У него было минимум два

сто процентных момента, Валентину не повезло, а то бы счет был 2:0...

Так, с легкой руки Бескова получился неповторимый тандем Иванов — Стрельцов. Или Стрельцов — Иванов. Они и забивали вместе, и гуляли вместе.

Знаменитая история о том, как они опоздали на поезд, в котором уезжала сборная, как догоняли его на автомашине и как, догнав, каялись и обещали искупить делом и искупили, забили, кажется, на двоих три мяча, общеизвестна.

И все же в жизни большими друзьями они не стали. Но относились друг к другу тепло, по-товарищески. Известно, что голос Стрельцова был отмечен тогда, когда решалось — передавать ли команду молодому тренеру Валентину Козьмичу Иванову или искать поопытнее. Стрельцов поддержал Иванова, чья долгая тренерская судьба знала немало счастья.

\* \* \*

Валентин Козьмич сотни, наверное, раз вспоминал Эдуарда Стрельцова. Устно и письменно. На собраниях и на турнирах, на открытии памятника и на кладбище, среди друзей и среди журналистов, дома и на работе, по телевизору и в кино.

Это нелегкая доля. Иванов справлялся с ней очень достойно. Но — так мне казалось почему-то — главного о Стрельцове он еще не сказал. Или не обобщил в какую-то большую и важную главу-воспоминание. И, рассказывая о нем, Иванов всегда собирался с духом — это чувствовалось, — внимательно относился к каждому своему слову и даже жесту.

Смерть Стрельцова он переживал тяжело. Я помню его лицо на похоронах. Измученное и скорбное.

Однажды я брал у него интервью, и по делу мы поговорили быстро, а у него была пауза, и он никуда не спешил.

Я спросил, не подумывает ли он о новой книге. Заметил, что те-

перь можно сказать куда больше, чем позволялось ранее. Иванов усмехнулся:

— Да кто ее теперь издавать будет? И продавать тоже? Теперь же всюду предоплата, а? Да и нужна ли она кому?

Я думаю, что любая искренняя книга мемуаров очень нужна. Про футбол таких книг почти нет.

\* \* \*

Как-то спросил Игоря Чугайнова, тоже тренировавшегося у Стрельцова:

— Что же вы такие закрытые люди — футболисты? Про это — нельзя и про то — нежелательно! Крепостные прямо...

— А ты как думал? — хохотнул он в ответ. — Мы и есть крепостные. Футбол-то игра — командная, может, слышал? Все одной ниточкой связаны...

\* \* \*

Стрельцов заканчивал выступление в 1970 году. В том же году заканчивал выступать Лев Иванович Яшин. Стрельцов играл на месяц дольше Яшина. Правда, у него не было никакого прощального матча.

26 сентября в «Лужниках» «Торпедо» проиграло минчанам 0:1, и последний матч Стрельцова смотрело всего-то восемь тысяч зрителей...

На похоронах Льва Ивановича кто-то обратил внимание на то, как плохо выглядит стоящий у могилы Эдуард Стрельцов.

Да и он сам, видимо, чувствовал... И ушел совсем скоро, следом за Яшиным, как выходил вслед за ним на зеленый ковер стадиона в матчах за сборную.

Они ушли в вечность.

Для меня они были и остались очень большими. Очень, потому что я был тогда маленьким.

\* \* \*

Когда говорят, что вот жаль, что Стрельцов совсем неизвестен на Западе, я не понимаю...

Вот и Пушкин там тоже не очень известен.

Зона Стрельцова — Россия, здесь его знал каждый и любили его как своего, русского, мастерового, не очень счастливого.

А кто в России был особенно счастлив?

\* \* \*

В прошлом футболист разных команд, поигравший и в первой, и в высшей футбольной лиге, Александр Ткаченко нашел литературную стезю. Или она нашла его.

Ткаченко стал поэтом и писателем.

Беспощадная по правдивости его книга «Футболь» не имеет аналогов. Причем, я думаю, не только в России. Естественно, что реакция на книгу была различная. Но все соглашались в одном: ничего похожего о футболе они никогда не читали.

Вот один отрывок из воспоминаний Ткаченко. Он не вошел в книгу.

«Банька не только примиряла футболистов. Помню, как-то Эдик Стрельцов лежал на мраморной плите, положив под голову распаренный веник, и массажист встряхивал его мышцы. Подходили защитники, которые накануне вставляли ему на всю растрату и сзади и спереди, так что Эдик только охал. Смотрели на его бесконечные синяки на теле и извинялись. А Эдуард великодушно отмахивался от них: да ладно, мол, мужики, все нормально, дело житейское. В московском «Локомотиве» тогда играл на позиции центрального защитника Олег Чиненов. В бане подошел он как-то после игры к Стрельцову, обнял его и говорит: «Эдик, я тебя обожаю, извини, пожалуйста, ради бога, врезал тебе нечаянно, не хотел!»

Эдика любили, но и били в игре нещадно, но он был добродушным и всем все прощал».

\* \* \*

Кажется, Валентин Козьмич Иванов вспоминал о том, что Эдик мог и не простить. Если подло, в открытую, били товарища.

Он заступился за своего и был удален вместе с грубияном. Терпеть, видя, как бьют товарища, не смог.

А когда стали намекать, пора уж тебе, уходи, просить о себе тоже не мог. Ушел, и все...

\* \* \*

Анатолий Папанов — большой русский актер — болел за «Торпедо». Об этом не все знали, как все знали почему-то, что за «Торпедо» болеют Арканов и Ширвиндт.

Мне кажется, многие киногерои Папанова чем-то напоминали Стрельцова. Или они — Стрельцов, Папанов — были чем-то схожи. Большие, красивые русские люди. Не суетные. С талантом от бога.

\* \* \*

Валерий Воронин, отвечая на какую-то анкету, на вопрос о партнерах ответил так:

«Уважаю партнеров, понимающих тебя без слов. Этим качеством выгодно отличались Иванов, Батанов, Маношин. Было бы превосходно, если бы партнеры научились понимать Стрельцова так же, как он понимает их...»

Об исключительном созидательном таланте Стрельцова, проявившемся в 60—70-е годы, у нас написано бесконечно мало.

Валерий Воронин, один из самых интеллектуальных футболистов своего времени, в одном предложении выразил и величие, и одиночество таланта.

\* \* \*

Любопытно, что Стрельцов плохо бил пенальти. Статистик Юрий Кошель подсчитал: Стрельцов бил пенальти семь раз. Забил

три, причем один из них — с повторного удара. Четыре раза вратари отражали его удар.

И тем не менее он забил 115 мячей. А «Торпедо» за те годы, что выступал в нем Стрельцов, — 490. Каждый пятый мяч — на счету Стрельцова!

\* \* \*

Рассказывают на манер анекдота, что Брежнев в ответ на обращение к нему многочисленных ходоков, страдающих, что Стрельцову все не разрешают играть в чемпионатах СССР, сказал: «Я не понимаю. Отсидевший в тюрьме слесарь может вернуться к станку. А почему футболист не может вернуться к своему главному делу?» И Стрельцов вернулся.

Или: версия о роли министра культуры Фурцевой в деле Стрельцова. Она якобы мечтала познакомить с ним дочь, на что подвыпивший молодой форвард ответил: «Не-е, я свою Алку ни на кого не променяю...» Стрельцов говорил о своей первой жене, которая подала на развод сразу же после суда.

Рассказывают о том, что Стрельцов долго-долго не хотел читать книгу Иванова «Центральный круг», где о нем была специальная глава, которая называлась так: «О человеке, который был сильнее всех на поле и слабее всех за его пределами».

Герои всегда обрастают мифами, было ли это на самом деле, не было ли — так ли теперь важно?

\* \* \*

Вот признание о своих самых первых шагах в команде Валерия Воронина:

— Я вижу их одних: Иванова и Стрельцова. А меня для них нет. Они не видят меня в упор. Эдик — рассеянно-добродушно, Иванов — категорически. Кто не играет так, как он, для него не существует. А кто еще играет так, как он? И возможно ли так сыграть?

Я хочу это понять. Я стараюсь не обижаться. Тем более кричит он не на одних только младших, начинающих. И на старших — для него нет разницы. В команде есть он и Стрельцов — остальные не в курсе дела.

\* \* \*

Михаил Гершкович остался недоволен моей реакцией на создание команды «Торпедо-Лужники». Я критиковал, в частности, новое название команды.

Гершкович для убедительности прибег к ненормативной лексике.

В ответ я сказал:

— Михаил Данилович, не думаю, что Эдуард Стрельцов приветствовал бы продажу команды за бесценок. И уж тем более не оценил бы новое название...

Гершкович со мной не согласился. Но в значительно более корректной форме.

Позже Сергей Шустиков говорил: «Торпедо» есть «Торпедо». При чем тут какие-то «Лужники» с черточкой?»

Название через год поменяли. То есть вернули старое.

\* \* \*

Дмитрий Пасынский из тех, кто зарывает талант в землю. Его своеобразное умение мыслить на бумаге было отмечено самим Филатовым. Дима по праву считался одним из лучших, если не лучшим среди молодых футбольных журналистов.

Однако горячее желание руководить заставило Пасынского переквалифицироваться в футбольного чиновника.

В устной речи Пасынский словно наверстывает то, что не успел сделать в редакции. Например, выдает тему: отчет о матче глазами водителя пожарной машины, что всегда стоит на беговой дорожке. Или — публиковать диалоги с тренерской скамейки. Без купюр.

Пасынский знает то, что творится в футболе. И то, что скрывается за этим понятием. Поэтому он молчит. То есть не пишет. Его советы и наблюдения активно используют коллеги. Я в том числе. Как настоящий творческий человек, Дима не жаден.

В ответ на мою просьбу вспомнить что-нибудь о Стрельцове, он незамедлительно, но обстоятельно рассказал следующее:

— Первые профессиональные уроки футбола я получил у Алексея Корнеева, игрока «Спартака» и сборной страны. Мы занимались в Сетуни, стадион «Искра». Однажды, по случаю какого-то праздника, там был устроен матч между мужской командой «Искра» и сборной ветеранов Москвы. Конечно же, я сидел на трибуне и смотрел во все глаза.

Так вот, среди ветеранов мне запомнились трое: Маслаченко, Шестернев и Стрельцов. Маслаченко — сухой, подвижный, подтянутый — заметно выделялся среди товарищей. У тех уже появились животики, двойные подбородки. А Маслаченко был такой... плейбой, хотя этого слова мы тогда еще не знали. На контрасте с ним смотрелся Альберт Шестернев. У него уже и лысина намечалась, но он руководил всеми и вся, жестом, взглядом — и его все слушались. Трибуны вздыхали: «Алик... Алик!» Он недавно завершил выступления за ЦСКА. И Стрельцов. Рывка, дриблинга у него уже не было, но зато был фирменный пас пяткой. За игру он отдал 3—4 таких паса, причем два из них прошло. Как сейчас помню, он получал мяч и выдерживал паузу. Кто там набирал ход в свободную зону, он не смотрел. Но пас метров на 10—12 он делал именно тогда, когда было нужно его сделать. Партнер, во-первых, уже был на ходу, но не в офсайде, и, во-вторых, пас был удобен, он шел прямо на ногу. Пас этот сразу отсекал нескольких защитников, он выводил партнера на оперативный простор.

Позже, когда я читал о знаменитом стрельцовском пасе, мне уже объяснять было ничего не надо. Я его видел и запомнил. Поразительно, но на партнера он не смотрел...

\* \* \*

Как-то мы сидели на лавочке с поэтом и футбольным журналистом Сергеем Шмитько. Как водится, говорили о литературе и футболе, о Бунине, стихах и офсайдах. Во дворе, наискосок от нас, в углу футбольной площадки лежал мячик, я так и сказал: «Мячик лежит...»

Сергей Николаевич кивнул: «Вот именно, мячик... Так и Стрельцов всегда говорил — мячик... Не мяч, а именно мячик...» И привел характерную для Стрельцова историю. Эдика, уже ветерана, пригласили на какое-то спортивное чествование районного масштаба. По дороге, в трамвае(!), великий футболист занервничал:

- Понимаешь, я забыл дома удостоверение...
- Какое удостоверение? — удивился спутник.
- Удостоверение заслуженного мастера спорта. На столике лежит, в прихожей.
- Ну и что? — недоумевал провожатый.
- А вдруг не пустят? — выдохнул Стрельцов.
- Вот в этой фразе весь Стрельцов, в этом «а вдруг не пустят?» вся суть его характера, — резюмировал Шмитько.

\* \* \*

Книжка близится к заключению. К последней точке. Как не предоставить слова Эдуарду Анатольевичу?

Итак, Эдуард Стрельцов. «Вижу поле».

«...Теперь можно сказать, что лучше было бы совсем не играть, чем играть за дубль. И «ахилла» бы не порвали.

Главное, ведь глупо порвали. Сколько меня прежде ни били на поле, как и всех, впрочем, нападающих, я редко жаловался — судьба. Но в дубле я не был опасным форвардом. Не разжигала меня совершенно игра на таком уровне. Играл без большого азарта...

И вдруг, пожалуйста, играем с дублем московского «Динамо», и Никулин — защитник, чья грубость никому не в новинку, но здесь

то мог бы, кажется, укротить себя — подкатывается под меня. Да так, что я прямо вскрикнул от боли.

«Ахилл» — травма из тех, после которых часто и не возвращаются в футбол. А еще вот в таком странном для себя качестве — и без травмы списывают...

Пока лечился — операция, конечно, и прочее, — я почти успокоился. Такой уж характер — верю, что хорошее со мной еще случится, хотя сколько раз в этом обманывался.

«Торпедо» к тому же играло тогда очень средненько. И я поверил, что вернусь и снова придусь ко двору.

Теперь-то я понимаю, что надежды практически не было — и лучше бы мне не возвращаться.

Мне намекали, а я не понимал. Я привык играть в футбол — привык, вернее, жить футболом. И даже про тренерскую работу не хотел слышать. Сгоряча я бы тогда перешел в другую команду и еще бы поиграл. Конечно, правильно, что руководство заводское со всей настойчивостью отговорило меня от такого шага. Мы — те, кто играл в большой футбол, — не себе одним принадлежим. Я многим обязан автозаводу, «Торпедо», и совершенно правильно, что жизнь моя и дальше оставалась с ними связана.

Я не хотел никому показывать своих переживаний. Держался неестественно бодро, хотя все неестественное мне — нож острый...

Кузьме, как видно, мое независимое от нынешнего положения в команде поведение скорее всего надоело. Он-то в свое время ушел безо всяких, а я вот резину тяну.

За дубль я больше играть не стал. Перед сборами звонил Кузьме: «Мне в Мячково приезжать?» — «Как хочешь...»

Миша Гершкович единственный спросил: «Зачем ты уходишь, Анатолич?»

Мне приятно было, что именно он, игрок в расцвете лет, не понимает: почему я ухожу, не доиграв...

Но больше мне уже нельзя было оставаться при таком положении.

Я тихо-спокойно, как мне кажется, ушел.

В мире футбола ничего не изменилось без меня. А столько мне всего разного в разные годы было говорено: какой я необыкновенный, как же будет без тебя...

А вот так».

\* \* \*

Раньше у стадиона «Торпедо», на заборе, висели жестяные футболистики в разных маечках, согласно командным цветам. Табличка первенства лесенкой такой получалась. После игры тут собирались люди, беседовали, курили, спорили. Фанатов еще не было никаких, и милиция со стадиона людей не торопила.

Мне запомнился спор двух старичков — спартаковца и торпедовца. Первый долго-долго, взхлеб говорил и на забор показывал: «Спартак» стоял куда выше «Торпедо». Второй долго молчал, стряхивал пепел в сторону. И сказал только одно: «Зато у нас есть Стрельцов!» Развернулся и пошел к шашлычной.

\* \* \*

Я подавал мячи на матчах дублеров. Тогда на «Торпедо» играли только дублеры, и трибуна была только одна.

Иногда нас прогоняли, потому что приходили ребята из торпедовской футбольной школы. Иногда — нет, видимо, они с кем-то играли.

Мы старались отличить и запомнить тех, кто попал сегодня в дубль, но вообще-то играет за основу.

На матче дублеров «Торпедо» и «Динамо» запомнился Ларин. Он бил так сильно, что штанги гудели. Мы в буквальном смысле дрожали и пригибались от ларинских зарядов. Но Стрельцов все одно бьет сильнее — утешал себя я.

\* \* \*

Мой племянник болеет за «Торпедо».

Иногда мы вместе ходим на стадион, где уже нет жестяных футболистов, но есть две трибуны, подогрев, милиция и фанаты.

Камень на месте будущего памятника Стрельцову заинтересовал племянника.

— А кто это — Стрельцов? Расскажи! — попросил он с настойчивостью десятилетнего человека.

Вот я и рассказываю. По памяти. Без архивов и специально организованных встреч.



*Стрельцов Эдуард Анатольевич родился 21.07.1937 в Москве.*

*Нападающий. Заслуженный мастер спорта СССР. Начал играть в команде завода «Фрезер» — 1951. Выступал за московское «Торпедо» — 1953–1958, 1965–1970. 222 матча, 100 голов в чемпионатах СССР. Чемпион СССР — 1965, второй призер чемпионата-1957, третий призер чемпионата-1968.*

Лучший бомбардир чемпионата СССР 1955 года (15 голов в 21 матче). Обладатель Кубка СССР 1968 года. Лучший футболист СССР 1967 и 1968 годов. В списке «33 лучших» – 6 раз (№ 1 – 4 раза). Чемпион Спартакиады народов СССР 1956 года в составе сборной Москвы. В сборной СССР провел 39 матчей, забил 25 голов (1955–1968). Участник Олимпийских игр 1956 (1-е место), участник отборочных турниров чемпионата мира 1958 года, чемпионата Европы 1968 и Олимпийских игр 1968 года. В чемпионатах мира (отборочный этап) – 5 игр, 2 гола, в чемпионатах Европы (отборочный турнир) – 5 матчей, 1 гол. В «Клубе Григория Федотова» – 143 гола. Один из талантливейших советских форвардов за все годы: высокое индивидуальное мастерство удачно сочетал с умением организовывать коллективную игру в атаке. В 1971–1990 годах – тренер детской футбольной школы московского «Торпедо». Кавалер ордена «Знак Почета».

## Козьмич

Встреча предполагалась какой-то полуконспиративной.

Болтали разное: будто бы известные в прошлом игроки Кавашвили и Понедельник затевают что-то против Колоскова и будто бы Иванов, только-только смещенный торпедовским внезапным бунтом, поддерживает мятежников. А те, в свою очередь, предлагают ему в случае победы пост главного тренера сборной.

Начальство требовало от меня сенсации. А также позиции по всем вопросам. С позицией было совсем плохо, ее не было у меня — позиции-то.

И вообще я Иванова побаивался. Насмотрелся с трибуны... Переулочек у «Кропоткинской» я едва одолел: ноги вязли в снегу и не слушались. Пошлет он меня куда подальше, вот и вся сенсация... Непременно пошлет. Что я, не знаю, что ли? Я же с детства на «Торпедо» хожу.

Что было дальше — сплошной туман. Подъезд какой-то холодный, темный, сердце бухает — бух, бух, бух. А он — неожиданно веселый, ловкий, улыбчивый, в распахнутой дубленке: «Интервью? Замерз, что ли? Ну, пойдём, посидим в машине».

Клянусь, первый раз в такой машине сидел! Век бы не вылезал: тепло, мягко, воздушно и бензином совсем не пахнет. «Ниссанка», — пояснил Иванов, — не моя, нет, жены, у нее заслуг больше, понял?»

Ничего я толком не понял, но его дружелюбное тыканье ободряло, спрашивай, мол, раз пришел. И чего-то я спрашивал, заглядывая в блокнот, и что-то он мне отвечал вполне серьезно, и это что-то было потом напечатано и вызвало даже сочувствующие отклики, и я страшно гордился тем, что знаком теперь с Ивановым, что не оплошал, хоть и не добыл ни сенсации, ни позиции: ведь

про сборную он сказал весело, но веско: «Чепуха!» — и снова завернул на торпедовскую тему, «про завод», а я пытался записывать за ним, но получалось плохо, потому что мешало волнение. Волнение и восторг.

Теперь можно признаться: как я написал то интервью, прямо не помню! Сумрак за окном — помню, появились звезды — помню, тепло было — помню, очень хотелось курить... А вот что я там спрашивал, хоть убей! Видимо, автомат какой-то сработал, раз Иванову понравилось: «нормально», сказал он по телефону.

А запомнилось и никогда уже не забудется вот что. Смягченный его дружелюбием, я вдруг вспомнил и рассказал ему, как готовился стать вратарем «Торпедо», как я был готов помочь любимой команде, как пришел на прием, уверенный в успехе, и как злой дядька-тренер заставил меня гонять, так как играли совсем без ворот.

«Как фамилия?» — неожиданно рявкнул Иванов, рявкнул так грозно, по-настоящему, словно время сместилось, словно это вчера я месил песок на торпедовской «коробке», и все можно поправить, а того, кто лишил команду классного вратаря, примерно и по делу наказать.

Конечно, этот момент не вошел в интервью, но он сказал мне о Козьмиче куда больше, чем все интервью о нем, что я читал, включая мои собственные, коих со временем накопилось немало.

Между прочим, работая над материалом, я перечитал некоторые из них. И остался глубоко недоволен собой. Во всех этих опубликованных разговорах Иванов представлялся каким-то уж очень серьезным, деловитым, правильным и едва ли не скучным... Я понял, что не смог его разговорить и что сам он не хотел этого, отстраняясь от ненужного ему сближения с прессой и держа дистанцию, как бы утверждая: «А-а, корреспондент! Ну, за вами, родимыми, глаз да глаз...»

И сколь это присуще было самому Иванову, столь же присуще было это и старому доброму торпедовскому государству в государстве, что, приезжая всякий раз в Мячково, я чувствовал, как каж-

дый встреченный кустик и тот поет вслед: «А-а, корреспондент приехал? Тут главное — бдительность».

Извечное футбольное радушие к гостю присутствовало, но, чувствовал я, радушие радушием, а бдительность бдительностью. Она виделась во всем: в приглашении к обеду (повар), кратком осмотре базы (врач), приглашении на тренировку (второй тренер), организации обратного транспорта (начальник команды). Одного тебя не оставляли ни на минуту, забота и контроль двигались рядышком, рука об руку.

Сам Иванов, казалось бы, не замечая меня, вдруг использовал появление на базе чужого для решения некоторых педагогических ситуаций.

К примеру. Раннее, по моим понятиям, утро. Морозец. Игроки неспешно тянутся к полю. Им предстоят рывки и пробежки без матча, затем кросс. На траве иней. Холодно. Большинство угрюмо молчит. Я располагаюсь за ближайшими деревцами, откуда все видно, и с наслаждением от смолистого воздуха закуриваю. И слышу. Иванов:

— Чегой-то ты так далеко устроился? Куришь? Ну и что? У нас тут все малость курящие... Кроме меня. Меньше двух пачек за день никто не выкуривает. Так что смело давай поближе, нечего в лесу прятаться.

И, видя, как оживают лица игроков, меняет тон и дает задание. Они работают, но я, расположившись на бровке, продолжаю ощущать насмешливые взгляды: «Вот папа и писателю вдул...»

Или. Обед: вкуснейший борщ, салат, здоровенный кусок мяса с картошкой. Посаженный за командирский столик, я блаженствую и... теряю контроль. Иванов ведет тихий, доверительный разговор, он обсуждает с помощниками тренировку, критикует одного из футболистов за лень. Черт дергает меня за язык, и я встречаю:

— Валентин Козьмич, я помню, он и в «Асмарале» у вас никуда не спешил. Вы его на замену выпускали, проигрывали, а он минут пять бутсы зашнуровывал...

— Глеб!

— Это уже Иванов. Это уже не тихо! Это на весь зал! Это все слышат!

— Глеб!

— Да, Валентин Козьмич?

— Тут говорят, ты и в «Асмарале» такой неторопливый был...

— Да кто говорит?

— Да уж говорят!

— Ну... Будем встречаться, разговаривать...

Аппетит у меня сразу теряется. А присутствующие, включая Глеба, напротив, довольны и едят с аппетитом.

На обратной дороге в автобусе Иванов окликает задумчивого полузащитника.

— Гена!

— Что, Валентин Козьмич?

— У меня вот кипяtilьник сломался. Починить сможешь?

— Обязательно. Если чертежи есть.

Автобус смеется, улыбается и Иванов. После трудового дня у всех должно быть хорошее настроение. Включая корреспондента. Тем более что вел он себя прилично, лишних вопросов не задавал.

К прессе он относится настороженно, не доверяет ей: «Я помню, взяли мы одного журналиста с собой в поездку. Вот он нас нахваливал: «Хорошо играет «Торпедо», ах, хорошо играет «Торпедо». Мы, правда, тогда неплохо играли. Но потом стали играть хуже. А он словно и не замечает! И продолжает нахваливать: «Ах, «Торпедо», ай да «Торпедо». Я еще подумал: жаль, мы всех журналистов не можем в поездку взять!»

Очень негодовал, когда слышал: «Торпедо» опять играло на результат».

— Это же верх неграмотности! Такими заявлениями вы там вообще хотите футбол угробить! А кто не играет на результат? Кто? «Милан»? Или там «Барселона»? Или «Спартак»? А то подходит один ко мне перед матчем: «Какие ЧП у вас в команде есть, Валентин Козьмич?» Видал, ЧП ему подавай! Да еще перед матчем! Ну,

после, конечно, читаю: «Скучный был матч». А по-моему, скучных матчей вообще не бывает.

Однажды попал к нему в дом — и обомлел... В зале на стене висела картина, писанная маслом. На ней — молодой Валентин Козьмич. Я до того удивился, что спросил очень даже невежливо:

— Как же... портрет... смотрит... ведь мешает... жить?

— А? Привыкли уже. Не замечаем, — отмахнулся Иванов, и я сразу понял, поверил — не замечаем, привыкли, не удивляться же часам или там вазе. Попробовал представить. Свой портрет. Красками в полстены. Каждый день. Не смог.

В тот день он был ласков необычайно, сварил кофе («кофе я варю, как никто в Москве») и радовался, что мне нравится, разрешил курить прямо на кухне («дыми уж, что с тобой делать!»), предлагал коньяку и в ответ на мой отказ засмеялся: «А мне теперь можно, я теперь пенсионер. Давай, не стесняйся, успеем еще с твоими вопросами...»

Но вопросы его волновали, особенно те, что касались завода и где ходило мнение, что Иванов — изменник, и он, горячась, подробно отвечал на них, возвращался еще и еще раз, когда диктофон был уже выключен, и я чувствовал, как тяжело ему дается разлука с заводом, и понимал, что Иванов в команду вернется, хочет вернуться, что очередная, пусть и почетная, отставка неприятна ему, и он всячески стремится не показать этого, рассказывая о внуках, которых и в самом деле очень любит.

Давным-давно меня задевало и огорчало то, как он выходит к бровке и честит своих игроков на полстадиона. Теперь меня огорчало, что в ответ на его «указания» футболисты столь же яростно что-то орали в его сторону. Раньше мне хотелось как-то заступиться за них, теперь мне хочется защитить его, Иванова.

Консерватизм футбола требует наличия в нем постоянных величин, Иванов — одна из них в нашем отечественном футболе. Однажды коллега из политического отдела с недоумением спросил у меня: «А что, Иванова опять сняли?» И когда я ответил утверди-

тельно, без раздумий заметил: «Ну, это ненадолго. Куда они денутся без Козьмича?»

И, уходя, бросил в пространство: «Ивановых в России много, а вот Козьмич — один».

Попробуйте возразить. Не получится. Хотя Иванов уже не тренирует...



*Иванов Валентин Козьмич родился 19.11.1934 в Москве. Правый полу-средний и центральный нападающий. Заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер СССР. Олимпийский чемпион и чемпион Европы. В «Торпедо» — 1952–1966 годы. В чемпионатах СССР — 124 гола. Тренер и главный тренер «Торпедо» с 1967 года. Награжден многими правительственными наградами. Один из лучших нападающих страны за всю историю. Под руководством В.К. Иванова столичное «Торпедо» выиграло золотые медали осеннего чемпионата 1976 года, трижды выигрывало Кубок страны.*

## «Торпедо», которое мы потеряли

...Я представляю, как он писал мне письмо, так отчетливо и точно, словно присутствовал при этом.

Вот он попросил у школьницы-внучки пару листочков из тетради. Вот поискал и нашел в дальнем уголочке шкафчика пузырек с фиолетовыми чернилами, наполнил ими потрескавшуюся в трех местах, но еще годную авторучку.

Поглядывая рассеянно в окно, с трудом и не спеша изложил то, о чем долго думал. Прерываясь, вспоминал себя — молодого, полного желаний и сил, спешащего на стадион.

Зябко поежившись в меховой безрукавке, которую носил дома почти не снимая, закурил папиросу и на оставшемся чистом листочке принялся рисовать.

Получалось плохо, но он не оставлял начатого, хотя бы потому, что знал — лучше у него и не выйдет.

Нарисовав, взял желтый карандаш и раскрасил.

...Вот он, его рисунок, передо мной: холмик земли с могильным крестом посередине. Короткая подпись: «Торпедо» Москва. 1924—1996».

\* \* \*

Почему осенью прошлого года я зачастил на «Торпедо», которое безнадежно падало с почетного шестого места? Почему я шел на матчи, которые ничего не решали? Почему я упорно откладывал разговор с Козьмичем, хотя Иванов на вопрос мой об интервью выдал неожиданно ласковое: «В любое время. Для тебя — в любое время».

К чему, впрочем, лукавить, финиш прошлого года для «Торпедо» получился интересным, захватывающим, тут тебе и будущий

чемпион «Спартак», тут тебе и оставшееся без медалей «Динамо»... Такие матчи пропустить было нельзя.

Но я-то, повторяю, ходил на все осенние матчи, игравшиеся на Восточной.

Ходил, словно ощущал расставание. Потерю. И, не совру, вспоминались мне почему-то в те дни похороны Стрельцова.

\* \* \*

...Дождь, пустынные улицы и очередь к нему, спускавшаяся угрюмо и молча, с Восточной трибуны, к домику под правым черным табло.

Дождь не стихал, и очередь не уменьшалась. Мужики курили в рукав и поминали тихо, без мата.

А в единственном в те времена близком к «Торпедо» кафе плакала пожилая буфетчица. Плакала и вспоминала, как приходил он, молодой и веселый, с Валеркой и Сашкой, чтобы выпить за тогда молодое ее здоровье «Гымзы».

И уговаривал налить, потому что жарко.

Эти последние двести метров до Эдика она пройти не смогла. Не смогла, хоть убейте, видеть его таким.

А мы все слушали и курили. На улице в этот день курить было плохо.

Люди стояли к нему и молчали. Здоровались коротким кивком. Каждый вспоминал свое, каждому было что вспомнить.

Даже мне.

Вот я, совсем еще маленький, вижу: толстый лысоватый дядька в белой футболке, которая ему вроде мала, стоит, стоит на газоне, а все почему-то только ему и кричат. Они кричат, а он будто не слышит. А когда мяч у него, все вдруг как замельтешит белым! И рев! Гол!!!

Или позже: земляная площадка – там, где сейчас парк. И народ, уходящий с «Торпедо», вдруг передумал идти к метро и прилип

весь к чугунной ограде. Протискиваясь вперед, слышу: «Стрелец! Мальчишек тренирует...»

Я спускался вместе со всеми и считал мокрые асфальтовые ступени. И не хотел видеть его таким. Мертвым.

У домика, на котором электрическое табло, тесно. Подъезжают автобусы. Невдалеке, прямо на краешке поля, поминают. И плачут. Поминают и плачут. Очень много женщин, никогда не видел столько на стадионе.

Пришел домой и записал в книжку: «Умер Эдуард Стрельцов. Июль 1990 года».

\* \* \*

Если сказать, что слова «Торпедо» Москва» составляли всю мою жизнь, то получится вычурно и неправдиво.

Нельзя же в самом деле сказать так о данности — доме, дожде, настроении, книгах. Есть что-то показное, выпященное в формулировке.

Другое дело — штрихи.

Вот мы с ребятами идем записываться в футбольную школу «Торпедо». Нашего лучшего забивалу — берут! Берут. А меня — нет. Дядька в рыжих линялых штанах знать не хочет, что я, именно я, и никто другой, лучше всех стою на воротах! Он заставляет всех бегать, а бегаю я плохо. И водиться почти не умею. И ворота зачем-то маленькие — хоккейные...

Сколько раз я потом, уже большим, угрюмым от матчевых предчувствий гражданином, бывал на «Торпедо»... И всегда, обязательно, всегда (!) смотрел на то песочное поле.

Уж и боль прошла, и понимание правильности случившегося пришло, а все одно... Смотришь.

...А несговорчивый сантехник, небритый, в тяжелых ботинках, недовольный всем, а особенно моими кранами в кухне! Как преобразился, как просиял он, узнав, что я могу провести его на «Торпедо» бесплатно. Играли, кажется, с тбилисцами.

Или билет в третий сектор. Его надо было брать заранее, но не очень заранее, потому что «очень» — это когда ни одной кассирши в фанерной будке, когда все закрыто, словно завтра не приезжает в Москву «Штутгарт».

А братики Савичевы! А слухи про их уход в ЦСКА!!

Набравшись смелости, выпаливаю одним духом, столкнувшись с ними после проигранного матча: «Правда уходите?» И Юрка, злой, с черной мокрой еще шевелюрой, бросает не глядя: «Уже бежим. Не видишь?»

До того, пока сам не увидел, как Слава Чанов берет «Космос» в ларьке у метро, не верил, что футболисты — курят.

Слышал. Читал. Но не верил.

Про Вадима Никонова я и говорить ничего не буду. Пожалуй, именно он, как теперь понимаю, научил меня хоть чуть-чуть разбираться в футболе. Своей игрой научил. Игрой против «Спартак», против «Динамо». Против тех, что были заведомо сильнее нас. Но у нас — зато — был Никонов!

Его удар головой по воротам Бразилии я помню до сих пор.

И от всего сказанного, да и несказанного тоже, формировалось, ложилось на душу чувство близости, причастности к команде. Чувство полноты жизни.

Нет. Фанатом я никогда не был и, признаться, не понимаю, что это такое. Напротив, другие игроки и другие команды нравились мне очень, и если они обыгрывали наших по делу, то я учил себя понимать — почему это произошло. Университеты у жестяной лесенки футболистов, что висела у ворот стадиона, кружили голову, рождали вопросы, но — учили.

Учили и трогали, как трогают осенние листья, светящиеся от фонарного блеска в лужах стадионных аллей, как волнуют и уносят в прошлое строгие башни Симонова монастыря, как беспокоит все то, что называется родиной.

В моих записях много субъективного. И я не хотел бы это скрывать.

Ведь именно на моих улицах можно было увидеть того, кто вчера собрал все восторги трибун. Ты шел за хлебом (батон и половинка черного — 22 копейки, без сдачи), а кумир шел в стекляшку, кафе «Фантазия», шел, чуть склонив голову к земле. Чтобы не узнали?

Именно на моих улицах ходили великие — с помятым лицом и одеждой.

Для нас, для меня великим тогда был каждый из тех, кто играл за «Торпедо». Приткнуться к компании, послушать, что говорит бывший игрок, да если еще такой балагур и остролов, как Анатолий Соловьев, — высшее наслаждение. Вот он смотрит за кутерьмой в штрафной площадке, где одно неумелое движение накладывается на другое, и белый кругляш после немыслимых рикошетов мечется по штрафной как ошпаренный. «А мяч-то жив?» — серьезным голосом вопрошает Соловьев.

Хохочу вместе со всеми.

Сколько их было, таких эпизодов...

\* \* \*

Потом, став много старше, я осознал уникальность, единичность торпедовской истории, то, что Иванов с горечью определял словами: «Заводская команда, кому мы еще нужны?» Напрямую, из разговора с футболистами, уяснил для себя отдельность, неповторимость торпедовского лагеря, команды подлинно народной, рабочей, своей.

С определенного времени жупел «народности» был искусственно и умело прицеплен к другой команде. Но это совсем другая история.

Плеяда последних торпедовцев, тех самых, с которыми Валентин Иванов мечтал побороться за союзное «золото», совпала по времени с моими журналистскими опытами.

Шустиков, Тишков, Чугайнов, Чельцов, Ульянов. А еще —

Пчельников, Гришин, братья Савичевы, Агашков, Ширинбеков. А еще...

Да, с этими игроками можно было натворить дел и в Союзе. Дел натворили, да только не тех.

И вслед за тем разлетелись они из родного гнезда в разные стороны и по разным причинам.

...Когда продали в Испанию Серегу Шустикова, я почему-то понял: «Торпедо» кончилось. Не потому, что ушел лучший. Не потому даже, что ушел человек с такой торпедовской фамилией. Не потому.

Просто это был символ. Символ падения. По крайней мере, мне так казалось тогда.

А впрочем... Я знаю шестиклассника, который мечтает о торпедовском шарфе и команду из «Лужников» называет «Торпедо».

Может, он прав?

Допускаю. Его «Торпедо» еще впереди, мое, к сожалению, в прошлом.

Выбрав для себя лет с шести команду «Торпедо» Москва, я горжусь, что не изменял ей, и не могу понять тех, которые теперь делают вид, что команда жива, команда есть, команда осталась.

Нет, мой корреспондент прав: команда «Торпедо» Москва, рожденная как «Пролетарская кузница» в 1924 году, умерла в 1996-м.

И на вопрос: «За кого ты сейчас болеешь?» — я ответить уже не могу.

Разве что тривиально, по-журналистски: «За людей». За футбол в целом.

\* \* \*

В 96-м из пишущих за «Торпедо» болело всего-то четверо. Эдуард Фриммерман, Володя Ергаков, Ваня Тимошкин да я. И у каждого находились убедительные слова и выражения, объясняющие его выбор. Фриммерман и Ергаков перекинулись к «Лужникам», мы с Ваней остались при ЗИЛе. То есть ни с чем.



Не хотелось объяснять тогда мой выбор. Не то что нечего было сказать, а вот не вмещались ни в какие суждения, ни в какие взрослые размышлизмы острые воспоминания детства: старые тополя во дворах по дороге на Восточную, там еще бились первые автозаводские фанаты с превосходящими милицейскими силами, стеклянный «гадюшник», забитый сигаретным дымком и народом с утра, и ветераны, которых пускают без очереди и достают откуда-то чистые пол-литровые кружки, особенно смачные на фоне банок и обрезанных пакетов из-под молока. С них свисает густая пена... Ветераны прячут глаза и протискиваются в угол. Клубный автобус на площади, зеленым по серому вяжется надпись — «Торпедо», и улыбчивые молодые парни с тяжеленными одинаковыми сумками... И билетик в заветный третий сектор, купленный накануне.

... А считал я, что раз нету денег на игру в высшей лиге, то и обманывать нечего. Снимайтесь, идите вниз, начинайте сначала. Тоните, как тонет «Варяг», и вас поймут, не оставят, не бросят. При чем тут какие-то «Лужники»?

Когда в 1997 году автозаводский кораблик вдруг начал восхождение, я уже поостыл и понимал — так не бывает. История не по-

вторяется. И все же я прибаливал за зилловских бедолаг, особенно за Шустикова, особенно за Никонова.

Настоящие торпедовцы играют за ветеранов. Не отрекаюсь...

\* \* \*

Тогда, в 96-м, мой коллега, покуривая в тишине серенького, невзрачного, пустого буфета, в присущем только ему чеканном стиле выдал: «А ведь главный итог чемпионата страны уже известен. У нас больше нет команды «Торпедо». Когда-нибудь мы все поймем, что потеряли».

Добавлю: он-то всегда болел за другую команду.

## Они были главными

Зимние вечера созданы для воспоминаний. Воспоминания хороши тем, что принадлежат только тебе. А значит, не надо притворяться серьезнее, чем ты есть на самом деле.

На мой вкус, одно воспоминание стоит десятка интервью. Конечно, если эти воспоминания опубликованы.

### ПАЛ ФЕДРЫЧ

Вы можете считать по-иному, но я-то уверен: ходи Бышовец хоть двадцать лет по берегу озера, что в Удельной, на зенитовской базе, никто тонуть так и не соберется! Не судьба. Это Павлу Садырину предназначено — быть единственным за столетнюю российскую футбольную историю тренером, который спас утопающего.

И никакая это не случайность. Я, например, легко представляю себе, как все там получилось. И веселое, мокрое лицо Пал Федрыча вижу так отчетливо, словно сам был тем мальчиком, которого Садырин спас.

Для кого другого случай на озере и в самом деле случай, для Павла Садырина — лишь звено в цепи его никогда не прекращающихся приключений.

Вспоминается такая история. Господин Аль-Халиди, выпускник МГУ и удачливый бизнесмен, организует светские футбольные рауты в штаб-квартире своего детища — «Асмарала». Где теперь «Асмарал» и сам господин Аль-Халиди, рассказывать никому не нужно, но, замечу, кормили там очень вкусно. Малость душновато, потолочки по-восточному низкие, курить за столиками не разрешалось, но кормили от души. Что было, то было. Публика собиралась избранная, журналисты строго по списку, командовал пара-

дом лично Владимир Перетури́н, придумавший «электрический стул», на котором восседал тот или иной почетный гость, отвечающий на вопросы остальных собравшихся.

Павел Садырин, только-только назначенный главным тренером сборной России, естественно, угодил туда одним из первых. Он был в полном порядке: позади чемпионство в ЦСКА, первые удачные отборочные игры, взаимные признания в любви и уважении с игроками.

Мне запомнилось, как он говорил тогда о легионерах.

— Повезло, — улыбался Садырин, стопроцентно уверенный в том, о чем говорил. — Мне повезло. Ребята собрались отличные, их не надо учить играть в футбол, они все умеют. Взрослые, солидные люди. Я думаю, что проблема легионеров — проблема надуманная. Ее, как из мухи слона, сделали некоторые из здесь присутствующих... Эти ребята — профессионалы, умеющие играть в футбол. Главное для них, чтобы платили исправно. Если это есть, то с ними нет никаких проблем. Повезло мне, я же говорю.

И плавно перешел к чему-то иному, считая тему исчерпанной. Не прошло и года, как ни о чем другом, кроме легионеров, Садырин и говорить-то не мог...

Но говорил опять же по-своему: «Я рад за журналистов, этот конфликт в сборной изрядно увеличил ваш гонорар, и я, если буду делать дома ремонт, могу не только стены, но и потолок оклеить вашими статьями о сборной. Так что я за вас сильно рад».

Слушая его уже на иных званных вечерах, которые, впрочем, по-прежнему вел Владимир Перетури́н, я вспоминал о своих редких приездах в сборную, в Новогорск.

...Вот идет по коридору только что приехавший из Испании Игорь Корнеев. Весь в достоинстве и степенстве. Навстречу Садырин. Дружески обнимает Корнеева за шею, прижимает к груди, хлопает по плечу. Корнеев, напряженно улыбаясь, с оглядкой на нас, журналистов, выкарабкивается из садыринских объятий... Садырин прячет недоумение, он, как Максим Максимыч из повести

Лермонтова, не ожидал такой холодности от Печорина-Корнеева, своего цеэсковского игрока.

Покидаю базу поздним вечером. У ворот машина. Из машины вываливается изрядно отдохнувший на воле Дмитрий Радченко...

Накануне вылета в США Садырин объявил в Новогорске карантин. Для журналистов вход на базу был воспрещен. Я приехал туда потому только, что капитан команды артистов Юра Давыдов убедил меня в том, что их товарищеский матч с руководством сборной запланирован заранее. Как разрядка. Пауза между тренировками. Мы с фотокором Валерием Скоковым собрались в один миг.

Оказалось — не ждали... И пока артисты решали проблему с Юрием Семиным и Никитой Симоняном, мы с Валерой скромненько стояли на улице. У парадного, так сказать, подъезда. И вдруг! На балкончике первого этажа вырастает Садырин. Оглядывается, как в хорошо известных фильмах про разведку. «Артистов нет?» — бросает нам и, не дожидаясь ответа, перелезает через балкон! И рысцой до машины! Профессионализм Валеры сработал, я думаю, автоматически: он щелкнул камерой как раз в нужный момент — Садырин штурмом берет балкон! «Молодец», — успел заметить Садырин и был таков.

Комментарии? Без комментариев.

...Первым, кого я встретил в аэропорту Сан-Франциско, был Садырин. Я не удивился, с нашим рейсом летела в Америку его жена. Я прямо-таки онемел от другого, от его слов, начатых, как обычно, с места в карьер, без разбега, когда одно незаконченное предложение удивительным образом переходит в другое, которое тоже отнюдь не заканчивается...

— Это что там опять про меня написали... В вашей сраной «Комсомолке»? Какое еще интервью... Я не давал! И вообще, что вы себе позволяете, когда меня нет? Приеду — разберемся и...

Я сумел выдать, что не работаю в «Комсомолке». Но он, кажется, не услышал.

Я подумал: «Через три дня — игра с Бразилией, а он о какой-то газете думает...»

А?!

Однажды брал у него интервью. Он попросил принести показать, прежде чем напечатают. Я принес материал на футбол, играли ЦСКА и «Локомотив». В перерыве отдал ему листочки, он сказал, что посмотрит, чтобы я подошел после игры. После игры я увидел его вместе с Семиным. Они дружески обсуждали матч.

— А пенальти не было!

— Был!

— Да не было!

— Чистый пенальти.

— А я говорю...

И так далее. Их жены стояли рядышком и молчали. Мне Садырин сказал: «Нормально. Я тут одно слово исправил. Смягчил». Потом, в пресс-центре, я разглядел садыринскую правку. У меня было: «Струсил». Садырин сверху приписал: «Сдрейфил». Смягчил, однако.

Только Садырин мог изобрести способ борьбы с послематчевыми пресс-конференциями: приходите и молчать. Исправно приходите и исправно молчать.

Только Садырин мог публично назвать матч Россия — Чехия на Евро-96 договорным.

Только Садырин мог за считаное число лет столько раз подниматься и падать, подниматься и падать, вновь подниматься и вновь падать.

Только Садырин заслужил на страницах газет фамильярно-уважительное — Пал Федрыч. Именно так и никак иначе.

\* \* \*

Как-то пробирались с ним по лужниковской джинсово-кожаной барахолке, и он легко уворачивался от колясок, ящиков, покупателей, продавцов. Я едва поспевал за ним и ориентировался на красную спортивную шапочку, которую в моем детстве называли лыжной.

При этом он что-то бурчал даже не мне, а себе скорее, под нос, и кое-что до меня долетало на поворотах:

— Понастроили... понавезли, понимаешь... Заторгуюемся вскоре... Не пройти к стадиону... Стыдобища... Никогда я на этот рынок не пойду, да и на другой тоже... Понаехали, не продохнуть... Во время-то, во страна... Эх, дожили до чего... А вот футбол все хотят высококлассный, да? Так он на рынке не продается, футбол-то...

На стадионе ему отвели комнатку как тренеру национальной сборной. Маленькую такую, без окон. После евроремонта. Садырин, мне показалось, со смешанными чувствами — горделиво, но иронически — бросил:

— Во, мой дом приемов! Располагайся, готовь свои вопросы. Опять небось про письмо спрашивать будешь?

Письмо-меморандум меня не интересовало, про него в 94-м уже переписали море бумаг, но Пал Федрыч не мог пройти мимо единственной волнующей его тогда темы и говорил много, страстно, обличительно и справедливо. Я кивал.

Он был откровенен тогда и одинок. Или потому и откровенен, что одинок? Нелегко было положить тот разговор на бумагу...

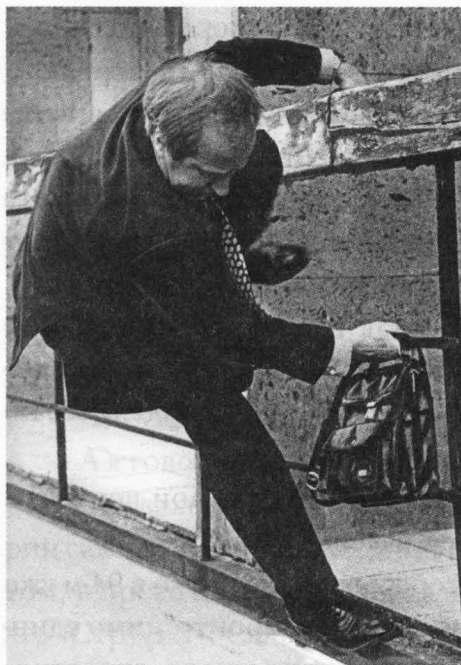
Садырин располагал к себе независимо от того, прав он был или не прав, симпатизировал ты его команде или нет, на каком посту он теперь находился или и не было у него никакого поста...

Из нынешних главных только Семин обладает схожей аурой. Так они и дружили — Садырин и Семин.

На его долю выпало все: громкие победы и нелепые скандалы, последнее «золото» СССР и первая российская сборная, заштатный Херсон и триумфальное возвращение в Питер.

Новое время он не принимал и не мог, мне кажется, принять до конца. Когда ему казалось, что он наконец-то многое понял, его подводили, обманывали, бросали, и приходилось начинать все сначала — по-старому, через труд, через работу. Работать Садырин умел:

— Я даже крестиком вышивать умею, мама учила, не то что нынешние. Привыкли на жизнь из автобуса глядеть...



\* \* \*

Вы можете относиться к нему как угодно, это ваше право, но вот ушел он с футбольного горизонта и... скучно.

Скучно без Пал Федрыча.

*Садырин Павел Федорович родился 18.09.1942 в Перми. Полузащитник, тренер. Выступал за «Зенит» (Ленинград). 333 матча в чемпионатах СССР. В качестве тренера становился чемпионом страны 1984 года («Зенит») и 1991 года (ЦСКА). Первый тренер сборной России. Участник чемпионата мира-94.*

## ОЛЕГ РОМАНЦЕВ

...И вот тут вошел Газзаев!

Я было поднялся к выходу, но Олег Иванович успокоительно взмахнул рукой с открытой ладонью: «Сиди, мол...» — и я остался на месте и был огорошен тем, что услышал, так как не понял ничего из услышанного. Они говорили на каком-то своем языке.

...Институт Склифосовского — не самое веселое место Москвы. Да и бывшая Колхозная площадь... Всегда перерытое Садовое кольцо...

Но после встречи с Романцевым мне хотелось петь и смеяться, как ребенку. Ни одной мрачной мысли! Подумаешь, грязь! Ну, толкнул кто-то на переходе. Ну, троллейбус битком...

И в голове разговор выстраивался сам собой, и приятно было вспоминать, как мы совпадали в отношении к Москве, к Высоцкому, Чехову. И не устал я ни капельки, а это много значит!

Обычно после серьезных разговоров с серьезными футбольными людьми — голова набекрень. От значимости события. А тут?

Сам Романцев... Чемпион, главный тренер, президент футбольного клуба «Спартак». Рабочий кабинет, офис, секретарша, охранники... А разговор — легкий, уважительный, с перекурком.

Нет, я и в самом деле напевал что-то, я был одухотворен беседой от и до и сразу решил, что в газете рядом с его фотографией надо поставить фотографию Антона Павловича, и это будет оригинально и ново.

С футболистом о литературе? Я, конечно, готовился, реверансы его чеховские читал, но думал — это так, к слову, преувеличено и раздуто.

Оказалось — правда. Читает Олег Иванович Чехова. Читает. И вопрос мой: «А вы выдавливаете по капельке из себя раба?» Он оценил, засмеялся, ответил что-то.

Одним словом, Романцев — простой и доступный человек. Зря мне говорили про его высокомерие. Вот мог бы взять и попросить выйти, когда Газзаев зашел...

А зашел он не вовремя. Я только-только спросил, что Романцев думает о фон Корене и Лаевском, на чьей стороне он, как вдруг — Газзаев. На рысях, «на минуточку», шустро, по-деловому.

Говорили они вполголоса, кажется, о сопернике, с которым «Спартак» уже играл, а динамовцам еще предстояло, но могли бы и не таиться, ибо я не понял ни одного слова!

Превращение состоялось! В кабинете сидел все тот же человек, все тот же Романцев, но говорил он на каком-то им одним понятном сленге, и тон у него был безусловно учительский, смачный, уверенный, тогда как Газзаев говорил коротко, с вопросительными интонациями и заметно уважал собеседника, как младший брат уважает старшего. Я ничего не понимал, но слышал, как свободно Романцев прерывал гостя и как почтительно обрывал свою фразу гость.

И когда Газзаев ушел, а с ним ушел и прежний Романцев, то разговор о литературе как-то не получился. Не нашел продолжения. Тогда я быстро забыл об этом и ушел от него счастливым, теперь же память сохранила лишь чудесное превращение Романцева из моего собеседника в собеседника Газзаева.

\* \* \*

...Спустя два года на интервью к нему уже трудно было пробиться. Его любили все! И все старались поговорить с ним. Да и пресс-атташе резвился вволю.

Я попал в Тарасовку по первому снежку, у «Спартака» сезон по традиции продолжался, и был неприятно удивлен тем, что в номер мы вошли втроем: Романцев, я и Леонид Трахтенберг.

Я как-то считал, что справлюсь и без пресс-атташе. Его присутствие меня сковывало. А его — нет! Пока я отхлебывал горячий кофе, предложенный Олегом Ивановичем, Леонид Федорович налетел, как вихрь. Он не только рекомендовал мне задать тот или иной вопрос, он начинал отвечать на них!

Я вопросительно посмотрел на Романцева. «Это мой друг», — к моему большому удивлению, сказал Романцев.

Друг, нимало не смутившись, продолжал пичкать меня советами. Я намекнул на то, что, видимо, получится интервью за подписью Леонида Трахтенберга. Только тогда он замолчал. Но из кабинета не вышел.

Разговор был рабочий. Я его не запомнил. На книжной полочке рядом с двумя-тремя книгами россыпью лежали таблетки в разнообразных облатках. Их было так много, словно в комнате кто-то тяжело болел...

Я был благодарен Романцеву за обратный путь. Спартаковский автобус гораздо комфортабельнее электрички.

\* \* \*

...Беседовать с человеком утром — занятие неприятное. Во-первых, сам еще спишь, во-вторых, поутру собеседник всегда куда-то торопится. Думает о предстоящем. По глазам видно.

Но раз назначено в десять утра... Я прибыл к его дому пораньше и долго перекуривал у подъезда, поглядывал на часы. Наконец поднялся, поднялся и увидел, что Олег Иванович проснулся с моим звонком.

Ну, хоть уходи обратно на мороз... Заспанный, уставший человек в синем халате... А ты тут приперся со своими вопросами.

Однако он пришел в себя ровно за три минуты. Но отвечал коротко, тяжело. Словно нес ношу, которую скорее бы сбросить. Я понимал его. И чувствовал себя неудобно.

Спросил, как ему Сименон, тот трехтомник, что я привез ему почитать в прошлый год в Тарасовку. Романцев ответил, что давно все прочел и что Сименон сродни Чехову. И вспомнил, что к двенадцати его ждут на телевидении и надо торопиться...

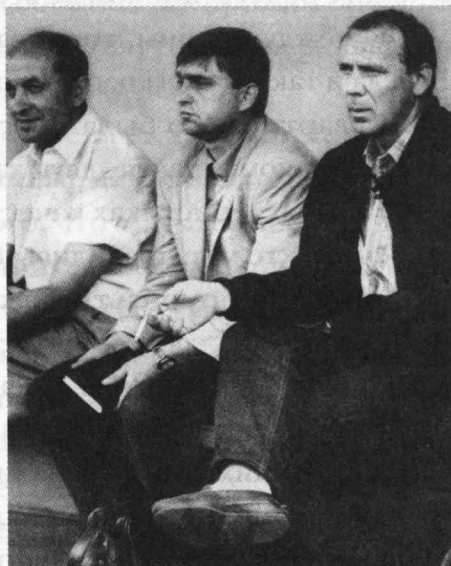
...Лишь однажды я видел его еще более вымотанным, говорящим что-то, но думающим о другом. Это было в Манчестере, после игры с немцами. Послематчевая конференция получилась такой же тяжелой, как и сам матч. Романцев был неузнаваем, и вопросов ему я лично не задавал.

Трехтомник Сименона, видимо, так и лежит в Тарасовке. Но я не в претензии: забот у Романцева с тех лет прибавилось, да и книги я со временем восстановил.

И хотя я так и не понял, кто ему ближе — фон Корен или Лаевский, кажется, догадываюсь, на чьей он все-таки стороне.

Впрочем, пусть об этом спросит Олега Ивановича кто-то другой.

*Олег Иванович Романцев родился 04.01.1954 в Рязанской области. Защитник, тренер. Выступал за «Спартак» (Москва), 165 матчей в чемпионатах СССР. Самый титулованный тренер России. Под руководством Романцева «Спартак» десять раз выигрывал золотые медали чемпионата страны (один – СССР и девять – России). Под руководством Олега Романцева сборная России выходила в финальную часть чемпионата Европы-1996 и чемпионата мира-2002.*



## БОРИС ПЕТРОВИЧ

Игнатьева я уважал заочно. Мои хорошие знакомые называли его только так: Борис Петрович. В их тоне присутствовало неизменное уважение, и я, будучи незнаком с ним лично, проникся симпатией к этому невысокому, обстоятельному и корректному, судя по многочисленным интервью, человеку.

Действительность превзошла все мои ожидания.

Я хорошо помню свои ощущения после встречи с ним. Во-первых, я был сыт, словно ужинал дома по какому-то праздничному случаю. По сию пору помню, как он угощал меня свиной отбивной с цветной капустой.

Подарил почему-то набор ручек от УЕФА. Я отказывался, а он говорил, что для хороших статей нужны хорошие ручки. Я отшутился привычно, сказав, что статьи — это для Толстого и Достоевского, а у нас — заметки. Но ручки с благодарностью взял. Никто из тренеров мне никогда ничего не дарил. Да еще при первой встрече.

Говорили как-то обо всем, приготовленные вопросы послужили предисловием к беседе, в которой хоть и преобладал футбол, но единственным не был; помнится, говорили даже о чем-то личном, о чем и с родственником не всегда говоришь.

И, между прочим, горячительных напитков не употребляли. Беседа и так шла легко, само собой как-то.

И квартира его была простенькой, обыкновенной, без излишеств. Знакомая такая «двушка».

И в характеристиках качеств многих футболистов мы сразу сошлись: те, кто мне нравились, были дороги и ему.

Добирался домой и тревожился: как и что излагать для газеты? Ведь разговор с людьми родственными, близкими в привычные рамки жанра не уложишь, как ни старайся. А тут именно такой разговор и вышел, и поел я от души. Даже в сон клонит...

С тех давних пор встречались мы часто, правда, обычно коротко, в компании, но это не меняло наших отношений. Я, по крайней мере, выделял его из остального футбольного мира и болел за не-

го, так как считал, что не его место быть вечно вторым, а то даже и третьим, пора тренировать клуб высшей лиги и желательно, конечно, московский.

И если в «Динамо» или «Торпедо» вдруг всплывала вакансия, то я, не сомневаясь, называл его имя в новом качестве и с удовольствием подмечал, что мое мнение многие разделяют. Или я разделяю их мнение, не важно.

Когда его назначили главным тренером сборной, я даже заволновался, словно меня вместе с ним назначили. Неприятно щекотнуло и осталось в памяти высказывание Садырина на сей счет. «Ну, раз он сам согласился...» — только и сказал Садырин, вроде бы приятельствующий с Игнатьевым.

А вот у него самого, у Игнатьева, с назначением этим добродушия в лице поубавилось. Он улыбался, но лицо оставалось жестким, и он вечно куда-то спешил...

Что оставалось? Оставалось не оказаться в числе прилипал, и я старался лишний раз не беспокоить, не звонить, не лезть с вопросами.

Он по-прежнему был популярен у журналистов, но его объяснения того или иного факта из жизни сборной воспринимались теперь иначе, казалось, что он оправдывается, тогда как раньше он объяснял трудности других — Романцева и Садырина.

И уж совсем грустно становилось у меня на душе, когда я читал отчеты о матче его команды, сделанные давно знакомыми с ним журналистами. В них было много того, что задумывалось Игнатьевым, но было мало того, что в действительности происходило на поле. И по мере того как дела сборной шли все хуже и хуже, расположение прессы превращалось в недоумение, а попытки объяснить происходящее чем угодно, но только не его ошибками, ошибками тренера, который так и не смог стать, по существу, главным, не могли не вызывать ничего, кроме раздражения.

Но все решал матч в Софии. Я ждал этого матча, как никакого другого, уж и не упомяну, чтобы я так сильно переживал за нашу ко-

манду. Редакция, увы, не сподобилась направить меня в Софию, и оттого переживания были особенно тягостными.

Наши проиграли. Игнатъев проиграл. Я проиграл. И пусть Крондл хоть сто раз будет Крондлом, но наша сборная вновь не показала достойной игры.

Владимир Маслаченко, с которым я беседовал только об этом матче, вынес тот же приговор. Крондл Крондлом, а игры-то у сборной нет...

Борис Петрович так отреагировал на мое интервью с Маслаченко: «Я не учу его комментировать...» Но я тогда считал, что прав Маслаченко, и мнения своего не изменил.

Затем Игнатъев проиграл итальянцам, но остался в сборной, потому что «ребята попросили...». Это уж было мне совсем непонятно, и своего мнения я решил не скрывать. Встречались мы теперь реже и пожимали друг другу руки молча, и я видел его взгляд. Это был взгляд в пустоту.

Он не понимал, что я проиграл вместе с ним. Он и не думал об этом.

...Что был за матч, я уже и не помню. Он сидел на трибуне двумя рядами ниже. Кто-то из общих знакомых весело заметил на какую-то его фразу: «Смотрите, Борис Петрович, а то возьмут и напишут, пресса-то рядом!» Он коротко обернулся и отчетливо произнес: «А что — пресса? Ей кто поставит, про того она и напишет». И отвернулся.

Возникла неприятная тишина. Других журналистов рядом и не было. Только я.

Ну и что бы вы на моем месте сделали?

Я скажу вам, что сделал я. Ничего я не сделал.

Я попытался смотреть футбол. Но кто там играл, так и не помню.

Борис Петрович Игнатъев родился 5.12.1940 в Москве. Полузащитник, тренер. Под руководством Бориса Игнатъева юношеская сборная СССР стала победителем чемпионата Европы-1988. Возглавлял сборную России в 1996–1998 годах. Ныне тренер в команде «Сатурн» (Московская область).



## А.Ф. БЫШОВЕЦ

Он всегда напоминал мне резидента вражеской разведки. В резидентах я разбираюсь, не сомневайтесь, раньше про резидентов много фильмов показывали.

Всегда в галстук и в пиджачной паре. Сдержан. Элегантен. Определенно нравился женщинам. А глаза-то — испуганные!

В самом деле — чего у него всегда такой испуганный взгляд?

...Разговаривал с ним после Швеции. И ушел с ощущением, что главное — конспирация, конспирация прежде всего. Никого, кроме нас, в кабинете не было, а он все оглядывался на дверь, на потолок, кивал и словно прислушивался к чему-то... Говорил тихо.

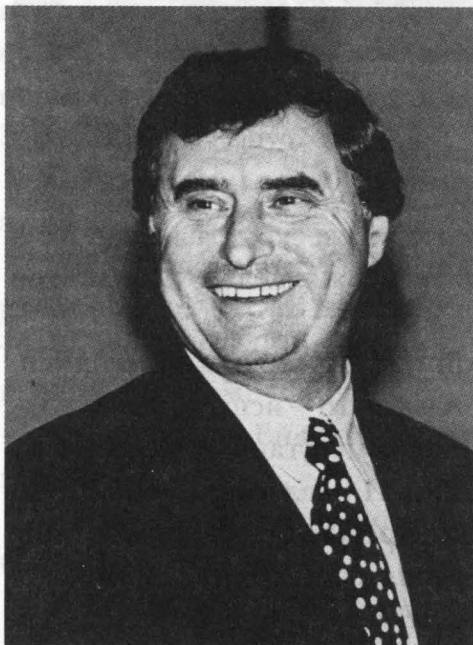
Коридоры Федерации полны народа: курят, кучкуются, окна хлопают. А он сидит абсолютно один. В тишине и при должности какого-то консультанта. И видно, что в мыслях уже далеко, а особенно далеко от Лужнецкой.

Сказал мне тогда, что тайну матча с шотландцами я еще услышу, что, мол, теперь не время, но что время придет, не пояснил, правда, когда именно.

Когда визировал материал по телефону, ужаснулся моей первой фразе. Фраза была такая: «У нас чучело тренера проигравшей команды по улицам не носят». А я так и знал, что он ужаснется.

Возвращения резидента не получилось. Его выкинули из сборной именно тогда, когда все более-менее приличные тренерские вакансии в российских клубах оказались закрытыми. Буквально день в день.

Тайна шотландского поражения теперь не очень волнует. Другая тайна представляется мне насущной. Почему у нас так не любят Бышовца? Почему? Ведь его последняя сборная обозначила только этот вопрос...



*Бышовец Анатолий Федорович родился 23.04.1946 в Киеве. Выступал за киевское «Динамо» – 139 матчей в чемпионатах СССР, 49 голов. Игрок сборной СССР, участник чемпионата мира-1970. Главный тренер олимпийской сборной СССР, выигравшей золотые медали на сеульской Олимпиаде 1988 года. Тренировал «Динамо» (М), «Зенит» (СПб), «Томь» (Томск), «Локомотив» (М), сборную России, сборную Южной Кореи... Последний успех А. Бышовца – выигрывает Кубок России вместе с «Локомотивом» – 2007 год.*

## Идеалист Папаев

Готовясь к встрече с ним, листал старые книжки, справочники, программки. Листал и предчувствовал будущий разговор: сумбурный, отрывистый, нервный, прыгающий по именам, датам, событиям. Разговор, который ох как трудненько укладывается на бумагу.

Трудненько, потому что всюду будут натканы флажки-ограничители: про это нельзя и про это не надо... По разным причинам — но не надо! Причем к его конкретным просьбам добавятся и собственные ограничители — и в самом деле не надо...

Даром ли в одной книжке так и было сказано: «Про одного Папаева спорили сорок минут...» И многоточие. Поди узнай теперь, как проходил спор Константина Сергеевича Есенина и Игоря Александровича Нетто.

И все-таки не поговорить с ним, не попытаться выразить наш разговор на бумаге я почему-то не мог. Видимо, виной тому мои предыдущие встречи с Папаевым. Встречи и разговоры еще в те старые времена, когда футбол был понятием культовым. И не только для меня одного.

Поспешая на стадион, на футбол, предвкушая игру только так остро, как ее предвкушаешь в детстве, я часто слышал со всех сторон: «Что, Папаев играет? Не играет?! Ура! Значит, есть шанс, значит, может, и выиграем!» Мнение это, выраженное по-разному, в тех или иных вопросах, восклицаниях, радостных, негодующих, сердитых, удивленных, крепчало по мере приближения к стадиону. Получалось, что я встречался с Папаевым, еще не видя его, не чувствуя в силу возраста папаевской значимости в команде.

Можно было б приврать, приукрасить, что, мол, уже тогда, в свои семь-восемь лет, сумел разглядеть спартаковского лидера, смотрел и выделял лишь его одного. Но... Этого не было. В детстве

запоминаются забивалы, вратари, берущие мяч в верхнем углу, защитники, бросающиеся в ноги, будто под танки.

Но я умел слушать, а вернее всего — верить услышанному. И если вдруг узнавал — не играет Папаев! — радовался. У моей команды появлялись шансы на выигрыш. Папаева-то нет!

Как ни странно, эти заочные встречи подготовили меня к пониманию футбола. В смысле есть на поле артист или его не предвидится. Такие слова, как «конструктор», «диспетчер», «художник», были выше моего разумения...

## МОНОЛОГ ПЕРВЫЙ

— Обо мне писать? Ну, чего обо мне писать, сам посуди? Кому я интересен? Без кокетства всякого говорю, веришь? Я — никто и нигде. Нигде я! В смысле большого футбола — я нигде, понимаешь? Обо мне же не пишут в скандальной хронике, значит, меня нет. На моей площадке — без изменений. Что писать-то?

Да нет, я всегда дома, я как в мини-футбол перешел, почти всегда дома, тут же тренировки одноразовые. Один раз в день. Ну, я, как пенсионер почти, всегда дома. Если только с бобиком куда погулять... И к телевизору, «Династию» вот смотрю, надо же красивую жизнь зацепить. Чего ты смеешься-то?

Знаки препинания в его речи расставлять тяжело. Они вроде не расставляются, упираются до последнего. Особенно точки. Ведь он как говорит? Словно идет на скорости между запятыми-защитниками, быстрее, быстрее, быстрее. Тормознет пустячным вопросом, словно по пути обыгрался, кинет пару народных слов — это сзади достали его, а он без щитков. Разыгрался с ближним — и дальше, дальше, дальше накручивать...

Просторная кухня ему мала, как тут усидеть на табуреточке! Папаев уже стоит, показывает финт где-то у мойки, а через пару секунд сдвигает брови, клонит седеющую голову, размахивает руками у окна. Я вспоминаю, как в прессе его ругали за передержку мяча. Пытаюсь что-то записывать.

Например, вот это:

— В «Факеле» у нас приличная команда была. Перегонцев, Забиняк, Никонов Вадик, Абрамов, тоже торпедовский, Елизаров в воротах, Муханов, еще Еськова не заявили, я тоже... И вот Елизаров съездил с олимпийкой в Париж на какую-то игру. А сам-то он из Кургана родом, здоровый такой...

— Он еще без перчаток стоял?

— Найти не могли сначала, наверное. Уж больно лапа здоровая у него. Так вот, ходит он после Парижа по базе, важный такой, сигаретку «Мальборо» в углу рта содержит. А мы его маленько подначиваем:

— Ну как там Париж, Толя?

А он так степенно, выдыхая дымок:

— Раздули...

У нас после этого в команде чуть что — «Раздули...».

А чего ты вопросов-то не задаешь? Ты меня прерывай, не стесняйся.

А прерывать, между прочим, не хочется. Таких вот футбольных историй у него — не перечесть. И люди в них — живые, не искаженные прихотями пера и судьбы. Живые, играющие в футбол, не задумывающиеся о скором неотвратимом завтра.

## МОНОЛОГ ВТОРОЙ

— Ничего у меня, кроме футбола, нет. И не было никогда. И не будет уже. Ты пойми, я не жалею, когда говорю — я неудачник. Я не востребован. Я не нужен. Судьба у меня быть белой вороной. Я не повышенный там какой-то, не идейный, но себя корить тоже устал: «Ну почему так, почему этак...» Я не претендую на многое, в великие я не лезу, просто поиграл в «Спартаке» немножко, поиграл кое с кем, знаю, что почем на этой поляне. Не знаю, как все это в газете выглядеть будет, кому нужно это все, но раз нет практической жилки, так это твой недостаток. Ну, не умею цепляться, не умею — и все. Сам знаю, вот здесь так бы надо подойти, вот здесь та-

кому-то улыбнуться, а... не могу — и все. Сидит во мне чуток этого самого достоинства. И фанатизм. Кроме работы, ничего не надо. Была бы работа. Счастье? Вот для меня лично счастье, когда ты целый, ноги здоровые, на площадку с ними, молодыми, выходишь — и ведь не худший, не худший! А если мы поработали, придумали что-то, а они, футболисты, после этой тренировки получше стали, прямо душа поет. И обыграли кого-то через футбол, через игру обыграли... Вот и все счастье. А копить, просить, умолять, в ноги кланяться — нет, не умею. Вот, понимаешь, и вылетел из обоймы. Вылетел, вылетел, чего там... Выпал из гнезда? Выпал. Ничего страшного. Мы еще поскребемся, мы еще перед смертью поупираемся. Был бы мяч — хороший. Я, знаешь, шучу так: «Без мяча и бразилец не страшен». Все дело в том, чтобы мяч контролировать. Вот чего добиться-то трудно.

— Про вас, Виктор Евгеньевич, такое выражение ходит: «Играл, играл Папаев в футбол, а даже и на машину не заработал». Что-то в этом роде...

— На машину? А кто особо заработал из моего поколения? Нет, есть такие, конечно. Но мне-то всегда как казалось: мое дело на поле показывать, а остальное приложиться должно. Как бы само собой. Надо о мастерстве думать, а не об очереди за машиной... Вот ее и не было у меня. Долго не было. А как я любил это дело! Ты и представить не можешь... Сунул после игры усталые ноги в кабину и поехал домой потихоньку. Отдохнул, поспал и на тренировку. Зачем она еще-то нужна?

А у меня как получилось? Тренировки в манеже, в Сокольниках, два раза в день. А я жил на «Юго-Западной». Вот так и ездил на тяжелых ногах туда-сюда, туда-сюда. По четыре часа на дорогу уходило: метро, трамвай № 4. Сейчас заставь кого-нибудь?! Сбегут тут же!

Ну чего ты все пишешь, подумают — жалуюсь...

Чего мне жаловаться? Вон Коля Осянин играл, как артист. Как артист играл, точно тебе говорю. Он бы на месте последнего защитника еще бы долго поиграть смог. А ведь тихо-тихо ушел. И где он теперь?

Сумерки за окном. Как и в его рассказах. Курилось все чаще, вопросы выдавливались все реже. Я знал, что именно так и будет. Вспоминал он и горячо, и отстраненно. Так же вел себя на площадке, там, в Испании, когда его «Дина» выигрывала у хозяев. И точно так же белел лицом. Именно там, в Испании, веселость Папаева показалась мне чуток вымученной, приобретенной.

## МОНОЛОГ ТРЕТИЙ

— Сейчас все поменялось: представления, ценности, границы. Разрыв времени произошел, согласен? Сейчас футболисты раскрепощенные, я рад за них... Но мы-то другие были. Даже после победы идешь в раздевалку, голову в плечи втянешь, сторбишься. Стыдно отчего-то радость показывать... Выиграли, ну и выиграли, хорошо. Какие еще объятия, прыжки друг на друга? Ни боже мой.

Я ведь и в «Спартак» поначалу идти не хотел из своего «Сокола» саратовского. А знаешь почему? Боялся! Боялся, и все тут! Из такой-то глуши — да в «Спартак»! Кто я? Витька Папаев? В Москву? Да я не смогу там! До того боялся, что вначале в «Кайрат» заявление подал, это потом уже меня Чапай уговорил. Ну, Николай Петрович Старостин, значит. Уговорил, как только он один умеет. Какие там переговоры, подъемные, условия?! И слов-то таких не возникло на языке. В состав бы попасть.

Это тоже мой минус, все я себя принижаю. Другие, на поляне посмотришь, ну, чистые лебеди, ничего такого не могут, а гусарят, гусарят — и глядишь, вышли в люди. А про меня разве так можно сказать? Я и элементарную торжественность на себя напустить не могу, кто я такой, чтобы пижонить? Это тоже ошибка моя, знаю, а уж измениться... не получается.

Но, между прочим, так иногда думаю про себя: мог бы и на этот уровень не попасть. Мать-природа футболистом меня не создала. Я — не быстрый (футболист, и не быстрый, представляешь?!), ширококостный... Правда, с мячом кое-что могу. Вот это я сразу понял, самому себе сказал: надо технику точить, надо с мячом на «ты»

оказаться. А тогда люди были, было с кого пример брать. Это тебе не сейчас, когда не поймешь, с какой ноги этот записной бомбардир ударить умеет!

Тогда с обеих умели, хоть Иванова возьми, хоть Нетто, хоть Сальникова. Уж о Пеле я молчу! Хотя он как говорил о себе? «Какой я великий? Я тоже иногда бью выше ворот...» Чувствуешь, да? А про сегодня Бонек здорово сказал: «Теперь играют ради денег, в первую очередь ради денег». Вот в чем дело-то! Ты не думай, я не дремучий какой, жить надо, выживать хотя бы, время тяжелое, но ты хоть маленько-то соответствуй своим требованиям. Ты поработай немножко, ты хоть десять процентов от того, что мы делали на тренировке, покажи... Ну ладно, опять я о своем поехал... Кофе подогреть? Кури-кури, проветрим.

В его рассказе впечатления тренера и впечатления игрока смешивались в единое целое. Постепенно преобладающей становилась нота несправедливости, существующая в этих обоих мирах и бьющая вроде бы ни за что ни про что по человеку, чужому среди своих. По человеку, не умеющему приспособливаться, договариваться, выбивать, просиживать штаны в благополучных присутственных местах.

В его рассказе умещалось и признание собственных ошибок, и непоколебимость когда-то определенных позиций. Причем происхождение этих самых позиций Папаев объяснить затруднялся. А понятия «нравственность» тем более не вводил.

Игроцкую важность в ответ на мои напоминания о болельщицкой щедрой любви отводил. Рассказывал больше не о победах, а о поражениях. О знаменитой победе над «Барселоной» с Круиффом во главе выразился так: «Да брось, а? Они только-только втягивались в сезон, а мы уже первый круг отыграли». Зато подчеркнул, что игра, значит, у «Спартака» была, что раз обыграли «Барсу», вылетать было вовсе не обязательно, что даже при существовавшей системе договорных и расписных матчей должны были остаться в лиге, не напори главный тренер и с составом, и с нелепым копированием киевских идей на инородной спартаковской почве.

По тому, как рассказывал, было видно: боль за 1976 год не утихнет в нем никогда.

А про свое тренерство говорил подчеркнуто иронично. От этого становилось еще больнее.

## МОНОЛОГ ЧЕТВЕРТЫЙ

— Если честно, не считаю, что пришлось тренером поработать. Так, какие-то попытки были. В основном в тех условиях, на которые никто не соглашался. Заведомо знал, что сторит. Ну, я себя к героям первых пятилеток не причисляю, просто считал, что надо учиться работать, ВШТ ведь закончил. Считал, что работа от всего спасет и выведет. Да и жить было надо...

И отовсюду я уходил. Сам уходил, когда понимал — все, ничего здесь не будет, ИМ это не нужно, ни о каком футболе здесь никто и не думает.

Рассказать? Это смех один! Смех сквозь слезы! Разговоры на уровне: «А мячи у вас есть?» — «Есть». — «Ну, раз есть, иду к вам».

И знаешь, ведь нигде ничего не взял. Нигде ничего. Мне все казалось, что на своем месте быть, работать в охотку с людьми, которым это тоже в охотку, — вот что главное. А чтобы ко мне машины добра направляли, чтобы от подарков рессоры гнулись — это уже лишнее, этого не надо. Другое дело, чтобы в тренерскую работу посторонние не лезли! Помнишь, как у Боника об этом сказано?! Ну просто в точку!

...Из Тулы, помню, уезжал:

— Вам, Виктор Евгеньевич, пряник-то тульский на дорогу собрать? К праздникам?

Вот ты смеешься! Не взял я их пряник и теперь тоже посмеяться могу... и о разрыве времен вспоминать. Пряники, понимаешь!

А в Кинешме?! Приезжаю: снега по пояс, мороз — сорок два, думаю себе: а тут хоть к маю растает? Тоже поднимал физкультуру снизу... Ничего, на девятое место выбрались, там сроду такого не было. Романцеву с его «Красной Пресней» один мяч уступили — 0:1

и 1:2, да и второй-то пропустили на 84-й минуте. Достоинно, словом, выглядели против Мостового, Кулькова и прочих...

А был еще воронежский и волгоградский периоды — неудачные, рвущие нервы. Было время юношеской сборной, когда утирали носы и голландцам, и итальянцам. Когда вырисовывалось вроде бы дело жизни.

Я им перед матчем что говорил? Я им говорил: «Ребята, по всяким там бытуслугам, всяким там шведским столам и прочим удобствам цивилизации они давно впереди. Нам их тут еще лет сто не догонять! Но вот в этом зеленом прямоугольнике, если вы мужики, надо свое преимущество показать. За счет футбола. Больше-то ничего не надо, понимаете?» И ведь показывали, приятно поглядеть было...

Я спросил его, не мог не спросить: и почему это те, кого выделяли трибуны, ну вот хотя бы Папаева, Никонова, Максименкова, словом, тех, кто определял игру, как раз и не видно на заглавных ролях?.. Я спросил его о закономерности. О закономерности неудач. Спросил, думал ли он об этом.

Оказалось, думал:

— Есть закономерность, наверное. Они ведь какие люди? Если что — отойдут... Бороться, цепляться не будут. И еще они тонко чувствуют фальшь... Такие вот у них недостатки для нашей реальной жизни.

... Его пес молча глядел на хозяина, положив морду на край стола. Казалось, он понимал оттенок разговора и не лез с расспросами, не сюсюкал.

Не думаю, чтобы пес чувствовал себя неудачником. Он наверняка знал, что в этой собачьей жизни главное — потерпеть...

Люди-то терпят.



Папаев Виктор Евгеньевич родился 2.03.1947 в Саратовской области. В «Спартаке» (Москва) – 1968–1973, 1975–1976 годы. В чемпионатах СССР 194 матча, 11 голов. Чемпион страны 1969 года. Обладатель Кубка страны 1971 г. В сборной СССР – 4 матча. Под руководством В. Папаева мини-футбольная «Дина» выиграла Кубок европейских чемпионов в 1995 году.

## Я был... Вадимом Никоновым

Для себя, внутри, в голове все это было сложено давным-давно.

А перенести на бумагу — не получалось как-то. Не строилось, не клеилось, не ложилось.

Я объяснял это тем, что его жизнь, прошедшая по моей неким пунктиром, вытесняется десятками, сотнями других жирно прорисованных линий, делает пунктир едва различимым, стирает его, как время стирает боль.

Роясь в кипах газет, журналов, фотографий (они и мешали, и помогали мне), я понимал — иначе рассказать о нем не смогу.

Я ведь не составляю футбольный справочник, где о Никонове шесть строк... Циферки, точки и тире — не помощники мне. Я не пишу официальную биографию.

Он был для меня слишком «моим», а значит, нечего рассчитывать на объективность. Он был слишком далек от меня, а значит, нет смысла упираться на последовательность изложения.

Договаривались мы о встрече — единожды, один-единственный раз, о других, ранних особенно, о других, более поздних встречах Никонов и не подозревал.

Встречи, мгновения, пунктирчики... Не они ли, подобно заботливо поставленным вешкам, притягивают к себе, зовут, волнуют, спасают?

Возвращаться — плохая примета? Смотря куда. И к кому.

\* \* \*

... Одной моей штангой была береза, и под эту штангу я бил чаще всего. Береза росла неровно, отклонялась в сторону, как бы желая прилечь на забор, поэтому при точном ударе мяч рикошетил в гамачную сетку — и получалось красиво.

В прямо поставленный отцом столб попасть было труднее. От столба мяч отскакивал неизвестно куда, а береза искусно подыгрывала, исполняла толстой корой «свояка» безропотно и не качаясь.

Старая была береза, хорошая.

Единственным моим партнером-соперником был забор, и я не очень переживал по этому поводу: лужайку со всех сторон окружали грядки.

Играть надо было аккуратно, технично, в касание. Я играл и комментировал происходившее. Играл технично, чтобы не отобрали мяч родители, и комментировал громко, чтобы соседи слышали: в завтрашнем матче «Торпедо» выиграет у «Спартака» — 4:3 и решающий гол забьет Вадим Никонов.

Матч покажут по телевизору завтра в 19.30, но мне и сегодня известно, и я не делаю из этого тайны: решающий гол забьет Вадим Никонов после углового. Головой, в левую от вратаря «девятку».

Нечего и говорить, что левой штангой была береза. Нечего и говорить, что удар этот я репетировал сотни раз, и когда он наконец получался, звучал финальный свисток.

Не раньше.

Конечно же, я играл и в Стрельцова, но он был слишком неповоротливым, слишком толстым, слишком непонятным для девятилетнего пацана; я играл в Воронина, но он вдруг исчез неизвестно куда, а потом как неожиданно появился, так неожиданно снова исчез (оказалось, что навсегда!), успев и запомниться, и понравиться; я играл в Гершковича, в Юрина, в Шустикова, в Кавазашвили...

Но лучше всего я играл тогда, когда я играл Никонова. Заметьте: Никонова, а не «в Никонова»! По крайней мере, очень старался, и оттого, может быть, выходило не лучше, а хуже. Но я повторял неполучившийся прием до тех пор, пока он не получался, или до тех, пока не звали домой, обещая отобрать мяч навсегда. Навсегда — это значит до завтра!

Впервые про Никонова мне сказал дядя. Бывало, он, тяжело опираясь на палку, выходил в сад, присаживался на лавочку, наблюдал за моей игрой, слушал мой комментарий.

Дядя, как и все в нашей семье, болел за «Динамо», болел с доверенной поры, но при этом к моему выбору относился спокойно, не приставал с глупым вопросом: «А почему вдруг «Торпедо»?» И вообще разговаривал со мной о футболе, как с равным.

Футбольные разговоры случались редко и продолжались недолго, и в такие моменты я был особенно счастлив. Дядя сказал мне, что в «Торпедо» — лучший из молодых сейчас Вадим Никонов, сказал, что из него может выйти толк и что он вовсе не удивится, если со временем Никонов будет играть за сборную.

А за сборную СССР, к моему огорчению, торпедовцы почти не играли! Играли спартаковцы, динамовцы, цеэсковцы, играли тбилисцы и киевляне... А торпедовцы — нет, и было обидно.

Так я впервые встретился с Никоновым, встретился без всяких кавычек, встретился, так как в игре я был им, я играл за него, за него в первую очередь. Иные встречи с Никоновым были невозможны, я прекрасно понимал это в свои девять лет; видимо, я был реалистом, предпочитая «Кавказского пленника» Льва Николаевича Толстого сказкам про Гудвина и Урфина Джюса.

Да и есть ли в детстве что-нибудь дороже игры? Я делил с ним то, чем мог тогда поделиться.

Любопытно отметить, что никаким таким фанатом его я не стал. Пожалуй, не только во времени дело — единичное, не массовое идолопоклонство существовало всегда. Тот же Никонов говорил мне, что сам был фанатом, собирал о «Торпедо» все, что мог собрать паренек, росший в шестидесятые на Семеновской площади Москвы. Вырезал, наклеивал в тетради фотографии своего кумира, кумира на всю жизнь, Валентина Иванова, и коллекция эта была главным богатством Вадика, учившегося в школе только на «хорошо» и «отлично».

Фанатизм, как теперь понимаю, напрочь перечеркивался укладом нашей семьи. А тогда я понимал, видел другое.

Чтобы купить дяде, а отчасти уже и себе, еженедельник «Футбол», надо было встать в шесть утра, не завтракая добежать до станции, скрывая робость, по-взрослому спросить «Кто последний?» у

кучки небритых, краснолицых и вечно опережающих меня дядек, дожидаться электрички, которая в 6.13, наблюдать, как выкидывают на перрон кипы газет, перевязанных бечевкой, с трепетом узнавать у старушки-киоскерши, что «Футбола» привезли сегодня только 12 штук, а «Советского спорта» — 29, лихорадочно высчитывать, сколько людей стоит до тебя, соображая, что двое отошли, но придут вовремя, хоть и с более красными лицами; надо было стоять прочно, чтобы пацаны постарше не вытеснили, не влезли вперед тебя, тем более что на это горазды и молодые, злые и красивые ранним утром тетки в шлепанцах и цветастых халатах с незастегнутой верхней пуговицей.

Надо было не проспать и встать по будильнику самому, когда дом еще спит, и это было самым трудным.

Внимательность при чтении дяди, его спокойная радость, если я справился, весь этот серьезный тон, которым говорила с тобой газета, — разве возможно изувечить ее, что-то там вырезать, пусть даже фотографию Никонова, запечатленного обычно в гуще игроков, в гуще жаркой футбольной схватки?

Читать было интереснее, чем смотреть блеклые, не очень четкие фотографии. Читать и бережно складывать в стопку. Про Никонова писали довольно много, но мне казалось, ужасно мало, мне казалось, несправедливо мало, потому что про других писали гораздо больше.

Про «Спартак» — точно больше, намного больше, и мне было плевать: какое высокое место занимает «Спартак» и какое, отнюдь не высокое, — «Торпедо».

Я не искал причин, я определял просто — нечестно, и все!

Со временем из газет и дядиных пояснений усвоил: Никонов в «Торпедо» — главный. Самый лучший. Можно даже сказать — единственный. Если кто и может забить, сделать так, чтобы команда не проиграла, так это он, Вадим Никонов.

Позже, когда он стал капитаном, я воспринял это как должное. Более того, чувствовал личную причастность к его капитанству. Словно и со мной посоветовались, посоветовались и решили.

Забавно теперь сравнить ощущения. Мне, болеющему за него и команду преданно, по-детски, с расстояния огромного, как расстояние между пятиклашкой и амбалом-выпускником, запомнилось: Никонов здорово играл всегда. Команда — далеко не всегда, а он всегда. Сам Никонов считает, что здорово играл только три года, три года играл в настоящий футбол, с 25 до 27 лет. До этого в основном учился, обыгрывался у великих, а потом пришла армия, она не могла существовать более без рядового Вадима Никонова, и футбол его медленно, но верно пошел под откос; 1975 год, как злой стрелочник, выбросил перед ним красный запрещающий флаг.

Мне казалось, что жизнь его — красивая, трудная и счастливая. Никонов определил ее другими словами: жестокая, интенсивная и короткая.

Возможно, он говорил о жизни игрока вообще. Я в детстве обобщать не стремился, взрослые все одно скажут иначе... Впрочем, и сейчас не стремлюсь.

Но одно я знал точно: торпедовцам в ЦСКА делать нечего. После ЦСКА я увидел — я был уже большой, — в «Торпедо» вернулся другой Никонов.

Но до этого, задолго до этого (детские годы катятся не спеша), был матч сборной СССР и сборной Бразилии. Матч был товарищеский, и я знал из газет, что Никонов приглашен в команду.

Приглашен на матч с самими бразильцами!

Если бы я мог, я поговорил бы об этом с дядей. Я не мог. Дядя умер.

Конечно, мне хотелось посмотреть на бразильцев. Конечно, мне хотелось, чтобы наши не проиграли, хотя бы не проиграли. Но — к чему врать! — больше всего я хотел, чтобы Никонов вышел, не просто вышел, а забил. И чтобы этот гол стал решающим.

Я уже не бил по мячу в березу, я не комментировал на весь сад, я был большим, а лужайка — маленькой. Однако за день и в день игры я был Никоновым, я воображал себя им на поляне «Лужников», я знал, что он забьет головой. Я даже знал, что забьет он, выйдя в самом конце на замену...

Все и случилось... И замена, под семнадцатым, кажется, номером, и конец игры, и изящный удар головой... Только не в верхний, а в нижний угол. И вратарь зачем-то взял, среагировал, принял.

И бразильцы выиграли — 1:0.

Как знать, не изменилась бы вся дальнейшая жизнь Никонова, забей он тогда? И не об этом ли думал он, когда я напомнил ему о Бразилии?

«Помнить-то помню, а что толку, ведь он взял...» — вот и все слова Никонова. За которыми последовал длинный, подробный рассказ о призыве, о городе Чебаркуль, о вызовах из Москвы по спецсвязи стрелка-регулирующего Никонова, о Тарасове и о Боброве...

Я слушал и дивился правильности его речи, не такой уж и частой спутницы футболиста. У Никонова она получалась живой и естественной, как естественен и логичен был переход на привычный пролетарски-футбольный сленг.

...А впервые вживую я увидел его на поле гораздо раньше. Настолько раньше, что никто из нашей семьи с полной уверенностью не может припомнить год. А я почему-то никак не хочу порыться в справочниках, дабы с легкостью определить и год, и число, и день.

Не хочу — и все тут. Видимо, потому, что не хочу расставаться с интонацией, чувством тех лет, принизить его сегодняшним, взрослым, а потому искусственным «исследованием».

Со стороны родителей — это был подвиг. С моей стороны — упрямство, помноженное на хитрость. Ведь это я, и никто другой, подговорил мою маленькую сестренку тоже «захотеть» на футбол, когда мама и папа придут с работы. Захотеть, несмотря на то что она никогда на футбол не стремилась (и, как выяснилось, не имела таких мыслей в дальнейшем), захотеть, несмотря на холод и дождь, зарядивший с утра.

Помню, я учел и то, что играли на «Динамо» и против «Динамо». Важное обстоятельство! В «Лужники» мы почти не ходили, нам казалось, что «Лужники» — это «край света».

Согласились они неожиданно легко! Хотя радовался этому только я. Особенно на стадионе, когда сестренка замерзла вконец.

Угнетало меня только то, что «синих» на поле было как будто больше, чем наших, игравших в белом, а совсем скоро в бело-грязном, от чего они, и без того робкие, жалкие, неуверенные, выглядели медлительными второгодниками, то и дело попадающими впросак.

Многих динамовцев я знал и по фамилии, и по номеру, и по фигуре, я уже бывал на «Динамо» не раз и не раз видел силу Яшина, Аничкина, Маслова, Еврюжихина, Козлова. «Своих» я знал куда хуже! Но — только не Никонова.

В тот очень холодный, черный с самого утра день, в дождь, который, по-моему, так и лил до глубокой ночи, я составил окончательное мнение о нем. Единственно правильное и бесповоротное, как и все детские мнения.

И как ни странно, именно тогда сложился у меня образ команды «Торпедо», впоследствии подтвержденный конкретными фактами, событиями, разговорами с людьми причастными, с людьми, чьему мнению я доверяю.

Для меня тогда Никонов был один. Ему противостояла целая команда, хорошая, сильная команда. А он был один, но, во-первых, обыгрывал многих, а во-вторых — сражался со многими. И то и другое для меня важно по сию пору. Футболист — тот, кто обыгрывает. Но и тот, кто может сражаться. Пусть даже в меньшинстве, при заведомом преимуществе противника. Никонов, повторю, и обыгрывал, и сражался. Он сравнивал счет тогда, когда «Динамо» готовилось забить нам второй, третий, четвертый гол.

Он сравнивал! Я болел молча, но тут возопил и прыгнул с поднятыми руками в низкое черное небо.

Я был настолько счастлив, что не очень расстроился, когда Еврюжихин электричкой, без остановок, пролетел по правому краю, кому-то там подал и этот кто-то забил победный гол.

Нет! Я, конечно, расстроился, но я понимал, что «Динамо» сильнее, я ведь почитывал еженедельник «Футбол» и уже знал, что значит — команда.

Да и вообще все мы знали тогда, что коллектив посильнее личности. С раннего детства знали.

А еще я не очень расстроился, потому что понял, как это здорово — быть на футболе именно в такую вот непогодь, слушать, к примеру, как малость выпивший пожилой дядька объясняет сержанту милиции, объясняет на всю трибуну: «Куда?! Куда ты меня тащишь? Я с сорок седьмого года за «Динамо»! Ты понял? С сорок седьмого!» И народ по соседству убеждает фуражку, торчащую из-под плаща: «Нормально все. Нормально. Холодно ведь...» И когда промокший сержант уходит один, кругом ликуют, а спасенный, обращаясь уже ко всем, взволнованно повторяет: «С сорок седьмого года я! Понимаете?» И все понимают, смеются и кричат ему, чтобы сел. И на душе почему-то радостно...

Потом я подрос и ходил на футбол один, ходил и понимал, что чего-то самого главного от Никонова я так и не дождался.

И когда он вернулся из ЦСКА и стал выходить иногда на замену, мне было грустно, и праздничное ощущение от футбола терялось.

Я даже хотел, я загадывал по дороге на матч, чтобы его не было в запасе. Или чтобы он играл от начала и до конца.

Никонов — и на замену? С трибун кричали обидное. Кричали ему. Но и мне — тоже.

На поле он был все так же красив. Но медлителен. И одинок, одинок, одинок...

Несколько лет спустя я шел к Велозаводскому рынку, я еще не знал, что он живет по соседству.

В подземном переходе навстречу мне двигался молодой мужик в сером неглаженном костюме, двигался слишком уверенно, слишком ровно, слишком, чтобы уверенность эта выглядела правдивой.

Рубашка как-то косо застегнута. Щетина. Взгляд внутрь себя. Я опустил голову и пошел быстрее. И потом долго, очень долго убеждал себя, что это — не Никонов. Что я обознался. И, кажется, убедил.

\* \* \*

Недавно видел его на «Динамо». Вадим Станиславович пришел помогать комментировать матч кому-то из РТР. Мы поздоровались, закурили, заговорили о том о сем.

Вдруг прямо на нас стремительно, делово, четко вышагивает человек — темное пальто до земли, воротник поднят, достоинство и успех — в каждом шаге. Веремеев?! Они коротко обнялись. Но разговор был кратчайшим. Рукопожатие — все... Торопится. «Просматривать игрокча прибыл, — объяснил мне Никонов. — Работают в Киеве люди».

Сам он не торопился, ему некуда было спешить.



*Никонов Вадим Станиславович родился 9.08.1948 в Москве. Нападающий, полузащитник, тренер. Выступал за «Торпедо» (Москва) — 1966–1975, 1977 (осень) — 1978, ЦСКА — 1976–1977 годы. 211 матчей, 43 гола в чемпионатах СССР. Обладатель Кубка СССР 1968, 1972 годов. В сборной СССР — 4 матча (1973). С 1986 года — тренер «Торпедо» (Москва). Тренировал «Торпедо-ЗИЛ», юношескую сборную России, ставшую в 2006 году чемпионом Европы.*

## Палыч

Помнится, его «Локомотив» вновь катился под откос высшей, тогда еще союзной, футбольной лиги. То есть шансы зацепиться вроде бы оставались, но для сведущих людей было ясно — счастливого совпадения результатов, зависящих от команды и не зависящих от нее, на финише не произойдет: не отдаст своего и солидарная украинская братва, не поможет и пресловутая столичная принципиальность. Ясно было — «пасынок» обречен, хотя говорить об этом вслух считалось не совсем этичным.

Однако мой первый главный редактор, приближенный к футболу посредством работы именно в могучей железнодорожной газете, считал иначе. Он требовал пространныго интервью перед последним и решающим боем.

Когда я отправился на задание, в кармане у меня вместо редакционного удостоверения лежал сложенный вчетверо листок бумаги с железнодорожной печатью. И все. Стоит ли говорить, что знакомством с Юрием Павловичем Семиным я похвастаться тогда никак не мог. Как, впрочем, и со всеми остальными людьми большого футбола.

\* \* \*

Предматчевый выход главного к тренерской скамейке — картина, достойная описания. Мне всегда казалось, что в эти тридцать-сорок секунд характер проявляется куда отчетливее, чем в десятке обязательных интервью, стоит лишь повнимательнее присмотреться, сравнить, оценить увиденное. Бесков — с его победительным, уверенным шагом, подбородком, поднятым вверх, беглым, едва заметным, коротким взглядом на трибуны. Садырин — в кроссовках, тренировочном костюме, в смешной шапочке, всегда в

компании, что-то говорящий своим помощникам. Романцев — тревожный, нахмуренный, с головой, вжатой в плечи. Элегантный, пластичный, уверенный в своей силе и красоте Анатолий Бышовец.

Семин выходит иначе. Он выходит один, совсем один, даже если рядом, чуть поотстав, двигаются помощники. Он не только ни на кого не смотрит, он не может ни на кого смотреть, так кажется потому, что он смотрит в землю. Руки в карманах развевающегося светлого плаща, ноги, словно налитые тяжестью, едва не ковыряют землю, встреченный на бровке камушек отбрасывается носком черного полуботинка. Семин углублен в себя, он пока словно бы без команды, которая вот-вот направится к центру поля. Так он добредает до лавки и опускается на нее, опускается, чтобы через минуту-другую стремительно приподняться и больше уже не садиться вовсе до самого окончания этого решающего матча.

Мне всегда думалось, что самые тяжелые минуты футбола для него — именно эти, предматчевые. Как для хорошего игрока, который испытывает мандраж потому только, что любая игра не может оставить его равнодушным.

Признаться, я постоянно завидовал фоторепортерам: наблюдать матч пусть поодаль, но все же рядом с тренерской скамейкой — это ли не зрелище? Порою происходящее на поле так пресно, знакомо, предугадываемо, а посмотришь на человека у бровки и поневоле начинаешь сопереживать если не команде, то ему одному.

Уверен, Семин из тех наших тренеров, для которых скучного матча не было, нет и не будет. Иначе стоило ли отдавать этому делу сорок два года из своих пятидесяти?

\* \* \*

Не настаиваю на верности наблюдения, но придерживаюсь его: поведение некоторых наших тренеров во время матча под стать искусной актерской игре. Вздымания рук к небу, препирательства с резервными судьями, вроде бы резкие, но короткие вы-

скакивания к бровке, пританцовывания и отходы широким генеральским шагом — есть во всем этом элемент актерства, заложенный и в самой футбольной игре.

Утверждаю: Семин не из таких. Ему попросту не до этого, его «театр одного актера» не репетируется, не режиссируется и не расположен к бисированию в угоду публике. Покажи Юрию Павловичу его два тайма игры в футбол по видео, он бы, думаю, удивился, засмутился, улыбнулся бы разок-другой. Находясь у бровки с 1982 года, он по-прежнему чувствует себя там, на поле, он продолжает играть и оттого, что играет он без мяча, вовсе не знает удержу в проявлении эмоций.

Искренность, нетеатральность его манеры очевидна. Кто, как не Семин, — чемпион по удалению с бровки? Кто, как не Семин, успевал вступать в диспуты не только с арбитрами нашими и чужими, давать советы не только своим игрокам, но и игрокам команды соперников? Кто, как не Семин (правда, давно), пытался что-то объяснить и стадионной милиции, видимо, не очень сведущей в делах футбольной справедливости?

Нет, Семин не провоцирует зрителя, не заводит команду, Семин просто не может по-другому. При этом он очень отходчив и готов принести извинения несправедливо обиженным. Об этом мне говорили футболисты «Локомотива» разных поколений. Именно разных, ведь в «Локомотиве» Юрий Павлович аж с 1986 года! Впору скандировать: «Семин — это локомотив!»

Сам Юрий Павлович свое постоянство объясняет просто: здесь он имеет полную творческую свободу. И эта фраза его тоже честна, жизненна, нетеатральна, она естественна, как все, что говорит и делает Семин.

\* \* \*

Естественность Семина подкупила меня с той первой встречи. Он не делал трагедии из того, что должно было случиться. Более того, он не ломал комедии передо мной, зеленым корреспондентом.

тишкой, но называл вещи своими именами. Наблюдая потом за ним и общаясь изредка в разных компаниях и ситуациях, я замечал: ни очевидные удачи (а их было много в последние годы), ни болезненные поражения (их тоже хватало) нисколько не поубавили в нем этой самой мужской естественности. И наоборот — не добавили ему ни капельки фанфаронства, нарочитой солидности, важности, выпуклости своего «я», которое так сильно во многих наших футбольных деятелях.

И прочитав, что Семин очень уважает Валерия Маслова, я обрадовался. В знаменитом динамовце, футболисте и хоккеисте, заслуженном мастере спорта, игроке сразу двух национальных сборных, я при первой же встрече ощутил спокойную уважительность мастера. И полное отсутствие суетливости в отношении к собственной величине.

Семин не говорит о себе как о талантливом психологе и педагоге. Но именно в его команде царит уважительное отношение к тренеру, конфликты в его локомотивском доме если и случаются, то гасятся внутри, без вселенского резанья правды-матки на первых полосах газет. В его практике — приглашения молодых, малоизвестных футболистов, которые вскоре не только верой и правдой служат команде, но оказываются на виду, приглашаются в различные сборные, переманиваются в именитые клубы, причем переманиваются с гораздо меньшим успехом, чем в те годы, когда сам Юрий Семин играл за «Локомотив».

Семина не так уж часто спрашивают о тактике. Однако именно его команда успешно играет с «Аланией» и «Спартакком», именно его команда заслужила похвалу от великого Трапаттони, похвалу за тактическую выучку, проявленную в матчах с самим «Ювентусом».

\* \* \*

Мне трудно себе представить, чтобы Юрий Павлович вдруг приказал команде не общаться с прессой. Или сам взял обет показательного молчания. Напротив, в последние годы именно Баков-

ка стала частым местом съемок футбольного ТВ, именно на локомотивской базе (сужу и по себе тоже) журналисты любят работать «с объектом». При этом никакого специально обученного пресс-атташе в команде пока вроде нет, как нет и серии запретов, примет, персон нон грата.

Вместе с тем записным добрячком Юрия Семина никак не назовешь. Сам слушал удивительную тишину Баковки в момент очередного разбора полетов, сам видел перекошенные досадой лица игроков, получивших от главного на орехи.

Однако именно к Семину с удовольствием едут за интервью, едут поработать и поиграть те, кто вроде бы уже наигрался и почувствовал себя лишним в когда-то родном клубе.

Показательно и то, что среди «особых» тренерских отношений, которыми переполнен нынешний сезон и которые существовали и будут существовать всегда, фигура Семина не значится. Напротив, уважительное отношение к «Палычу» и его команде присуще, по-видимому, всем российским клубам. А также спортивным изданиям, телепрограммам, мэтрам и новичкам футбольной журналистики.

\* \* \*

По моему скромному мнению, среди российских тренеров именно Семин первым обратил внимание на возрастающую роль физической подготовки футболистов. Именно Семин, причем уже давненько, постарался сделать упор на атлетизм, скорость, единоборства, отбор мяча в центре поля, то есть на жесткую, быструю, коллективную манеру игры, поставленную Лобановским в «Динамо» и сборной 80-х годов.

Другое дело, что исполнителей Семину было найти много сложнее, чем Лобановскому. Однако Семин в паре с Валерием Филатовым постепенно и последовательно решают и этот непростой в нынешних российских условиях вопрос. Более того! Именно они уже решили главный локомотивский вопрос: вывели команду с роли вечно прозябающего, второстепенного столичного клуба в

разряд клубов уважаемых, победительных и даже престижных. Сегодня команде не хватает лишь пары громких международных побед, все остальное преданные болельщики «Локо» уже получили. Зная Семина, не приходится сомневаться, что эти цели наверняка обдумываются им, и отнюдь не в философском плане.

Будучи игроком, Семин завоевал союзное «серебро» и Кубок; будучи тренером, он превысил эти достижения на уровне российском. Неплохие показатели, верно? Однако «золото» «Локо» — в особой цене.

\* \* \*

... С сомнением посмотрев на мои выдавшие виды джинсы и выслушав первые, отнюдь не бойкие слова, Юрий Павлович не спеша, обстоятельно ответил на все вопросы новоиспеченного корреспондента. И стал, таким образом, моим крестным отцом на ниве футбольной журналистики.

И я, встречаясь с ним то чаще, то реже, нет-нет да и ловил на себе недоуменный взгляд, происхождение которого долго не мог понять, определить. Теперь, мне кажется, понял.

Юрий Семин, человек раз и навсегда укоренившихся принципов, не испытывает доверия к джинсам. Попросту говоря, он их не любит. Видимо, джинсы для него — род рабочей одежды, которую принято надевать на сельхозработы, но никак не на праздник, каковым является для него футбол.

По крайней мере, я Семина в джинсах не видел ни разу. Мелочь? Не скажите...

\* \* \*

Не уверен, что главная, но одна из главных, располагающих к себе его черт — простота. Во всем она проявляется — в работе, официальном общении, в разговорчике свойском, в жесте, поступке.

Естественность, полагаю, не приобретенная, но внутренняя, от родителей и орловской земли перешедшая.

Вспоминаю короткие встречи с ним, разбросанные в пространстве и времени. Что их объединяет? Легкость общения. Признаюсь, всегда делил футбольных людей на две группы. С одними просто, от других устаешь. Семин — из первых.

\* \* \*

Пришел он в «МК» на «прямую связь» с читателями. Повод был — переход из «Локомотива» в «Динамо». К середине разговора растрогался чуть не до слез. Звонили и звонили люди с благодарностью за команду, им созданную.

А я думал — ругать будут. А они все — успеха желали.

Поклонница «Локо» каким-то чудом проскользнула в редакцию с огромным фанатским полотнищем в подарок. Семин, мне показалось, был искренно тронут, сказал, что повесит баннер на даче.

\* \* \*

Как-то иду у старого еще стадиона в Черкизове, на встречу с футболистом опаздываю. Вдруг окликают. Я и не заметил Палыча, что-то он в машине своей копался. А он машет рукой, мол, подойди. Подхожу. Протягивает мне темную бутылку. Оказалось, виски. Я отказываюсь, ссылаюсь на спортивный режим, говорю, дал слово тренеру... А Семин говорит: «Бери, бери, пригодится. Выход книжки отметишь...» Конечно, взял. «Джонни Уокер» и в самом деле пригодился какое-то время спустя. Главное: я, взволнованный, поспешил дальше, а он, я специально оглянулся, продолжал в моторе копать. Как ни в чем не бывало.

\* \* \*

В Штутгарте они проиграли, и тренер подошел к малочисленным тогда фанатам совсем невеселым. И они благодарили его. Ничего не спрашивали, а именно благодарили. За то, что команда билась. Тренер молчал, молчал, а потом легко так достал из кармана

пачку купюр, передал ближайшему не считая: «Возьмите на обратную дорогу, ребята...» Кивнул мне, мол, в автобус пора. Команда уезжала и смотрела сквозь окна на растянутое в ночи знамя с надписью «Локомотив». Барабанщиков у них еще не было.

\* \* \*

Его назначили в сборную, и я поинтересовался:

— Теперь важным будете?

— Почему?

— Закон сборной... Все меняются, бронзовеют...

— Да ну... Рано мне бронзоветь. Или поздно.

И я поверил ему. Вот это самое растянутое «да ну...» меня убедило.

\* \* \*

Лет десять лет прошло с того времени, как снимали о нем кино. Юбилей Семина! Я тоже что-то сказал под микрофон в кинокамеру. Но потом режиссер признался, что меня как раз вырезали. В расширенном варианте я был, а в коротком мне предпочли Маслова. Конечно, я не расстроился. Валерий Маслов! Да я за него болел с самого детства, и команда у них с Семиным была одна, я-то при чем?

Но вот приятно заглянуть в футбольный справочник 1989 года. Там он желает мне успеха в профессии. Семин — мой крестный отец в журналистике. Так уж вышло.

Семин Юрий Павлович родился 11.05.1947 в Орле. Нападающий и полузащитник, тренер. В чемпионатах СССР провел 280 матчей, забил 39 голов. Выступал за «Динамо» (Москва), «Спартак» (Москва), «Локомотив» (Москва), «Кубань» (Краснодар). Тренировал «Памир» (Душанбе), «Локомотив» М, «Динамо» М, сборную России. Ныне тренер «Динамо» (Киев). При Юрии Семине столичный «Локомотив» стал одной из сильнейших команд страны, дважды выигрывал золотые медали чемпионата России, четырежды Кубок России, дважды выходил в полуфинал Кубка Кубков.



## Цеховой мастер

Когда-то я должен был наконец познакомиться с ним, переговорить, взять интервью, называйте как хотите, именно должен, потому что я так долго болел за него, наблюдал по-болельщицки пристально, и наблюдения откладывались в памяти на годы, и он исчез из виду, но оставался со мной.

Вячеслав Чанов не был моим кумиром. Но принадлежал он к той вратарской школе, где воспитывали не кумиров, а мастеров.

Мастера этой школы не набивались на триумфаторство, личный выпендраж там был не в чести, там ценились надежность, непробиваемость и... незаметность.

Теперь можно смело сказать: из больших вратарей вживую, на стадионе, чаще других я видел именно Чанова. Так уж совпало. И я отлично помню, что, слушая биение сердца накануне очередной игры, прикидывая наши шансы и волнуясь — как там сегодня сыграет этот? — не ощущал никакой, ну ни малейшей тревоги за Славу (так фамильярно-уважительно звали его на трибунах), я был уверен в нем, я знал: Чанов не подведет. Это было настолько ясно, очевидно и просто, что об этом не стоило размышлять.

По соседству думали так же: «В воротах у нас порядок, вот кто забивать будет?» — то есть думали не о нем, о других. С ним, Чановым, было все ясно, и вот он не очень спеша занимал место в воротах, начинал потихонечку разминаться, и штанги словно суживались, подвигались к нему, и мы все переключали взоры на остальных — ну кто же из них забивать будет?

— Вячеслав Викторович, вы помните гол, пропущенный от Беланова, игравшего еще за одесский «Черноморец»? Немыслимый мяч с острого угла, опустившийся откуда-то сверху, в самую «девятку», с небес?

— Конечно, помню, очень хорошо помню. В самом деле немислимый гол. Мы сразу после игры с Белановым говорили, он намеревался передачу делать, подрезал, но мяч подпрыгнул и пошел по такой непонятной дуге, две петли в воздухе сделал и опустился за моей спиной... Как не помнить? Мы так и проиграли Одессе — 0:1. Если бы он ударил по мячу, когда тот на земле лежал, такого удара не вышло бы... Конечно, этот пропущенный мяч мне запомнился... Я вообще пропущенные мячи по сию пору помню, а уж тогда-то...

— Валентин Козьмич небось устроил разнос вам приличный?

— Нет, разноса особого не было... И пленку мы смотрели не раз, неповторимый удар был... Валентин Козьмич сам в прошлом прекрасный футболист, разобрался, что к чему. Он, конечно, мог пошуметь, но чтобы на личности переходить, такого не было. Да и потом, что он мне мог предъявить, барабанил я тогда без замен, работал прилично.

— Годы в «Торпедо», по сути, вершина вашей долгой карьеры, как вы считаете?

— Да, те годы сделали меня тем Чановым, которого знают и у которого и теперь берут интервью. Эти годы особенные для меня, хотя ведь до этого было десять лет в «Шахтере».

— В Донецке вы были, наверное, «приписаны» к одной из шахт?

— Верно. Сейчас я вспомню, кем назывался... Что-то типа мастер вентиляционного отсека, во как. Не было ведь такой профессии — футболист, считались мы инструкторами физкультуры. Ну и такие вот прикрепления тогда практиковались.

— А когда вы перешли в «Торпедо», тоже на ЗИЛе были кем-то оформлены?

— Нет, здесь уже все было чисто. Оклад, премиальные согласно существующей сетке. Как я знаю, цифры были у всех команд одинаковые. Согласно политике партии и правительства. Зимой мы поэтому очень чемпионата ждали: выиграем, премиальные получим, заработаем. А зимой что? Голый оклад. В мои времена в «Торпедо» оклад был что-то порядка 250 рублей в месяц. Самый высокий оклад был у игрока сборной — 300 рублей. Но это в «Торпедо», тут уже

подняли немножечко, в «Шахтере» зарплата моя была рублей 160—180. Когда я в «Торпедо» перешел, пришлось мне квартиру в Донецке сдать...

— Как сдать? Почему?

— Ну, существовал такой негласный порядок. Ты добровольно уходишь, клуб не препятствует, но и не одобряет твой переход, ты и должен все сдать, все-все. Квартиру, конечно, в первую очередь.

— Вас Иванов пригласил в «Торпедо»?

— Да, он. Агентов никаких не было еще, тренер решал... Ну, я ему очень благодарен. В «Шахтере» я вторым вратарем все же был, то играю, то не играю, первый — Юра Дегтярев... А уже 27 лет мне было, возраст... Так что, я считаю, успел на подножку вагона вскочить. В последний момент самый... Звали меня и в Киев, куда после брат Витя ушел, «Спартак» интересовался, «Зенит», но «Торпедо» настойчивее оказалось... У меня же семья, мне квартира нужна была, вот со второго раза они мне квартиру пообещали, и я перешел.

— А подъемные имели место?

— Подъемные? Конечно, они всегда существовали. Но их не стоит сравнивать с сегодняшними. Так, что-нибудь типа ежемесячного оклада твоего, на переезд как бы, на первое время.

— А приписки к заводу в Москве, значит, не было?

— Так я же говорю: мы были инструкторами физкультуры. В моей трудовой книжке значилось: «Инструктор физкультуры профкома завода ЗИЛ». А квартиру я получил небольшую, рядом с метро «Автозаводская», в доме этом многие торпедовцы жили. Потом уже, прошло время, руководство завода решило меня поощрить, дать побольше квартиру, тем более и постановление вышло, что игроки сборной приравниваются к профессорско-преподавательскому составу и имеют право на лишнюю комнату для отдыха. Так я переехал сюда, в Северное Чертаново.

— У вас здесь очень много книг. Причем, я вижу, большинство изданных еще в те, советские, времена.

— Да, книги я всегда собирал. Всегда мечтал иметь библиотеку. У меня теперь около трех тысяч томов. Куда же без книги?

— Не смеялись над вами коллеги? Мол, интеллигенцию разводит... Считается, если футболист, так обязательно карты...

— Никогда не любил карт, даже не очень-то умею! Вот бильярд уважал, теннис... А смеяться — никто не смеялся. Тем более в Москве. Это, может, в Донецке когда-то считалось, что футболист, значит, обязательно из народа, бедный на голову... Штамп, конечно.

— Раньше добыть хорошую книжку — целое событие! Тут время требовалось. Как же вы успевали?

— Так ведь у нас поблажки были. В команду привозили, в сборную... Опять же поездки. Я за границей, чуть свободное время, в книжный магазин шел. Чемоданы домой привозил. Как же без книг? На сборах, да и вообще, я без книги себя не представляю просто.

— Вячеслав Викторович, я наблюдал за вашей игрой долгие годы. Не помню, чтобы вы на повышенных тонах общались с партнерами, на судью наезжали. А ведь есть мнение, что вратари — самые нервные в футболе люди, что вратари — не такие, как все...

— Нервы горят, это точно. Матч заканчивался, и все, независимо от результата я до утра заснуть не мог. Знаете, была разработка немецких медиков, так они выяснили: игрок теряет за матч до трех килограммов веса, а вратарь — до четырех. А он вроде не бегаёт столько... В чем дело? Выплеск нервной энергии! Что такое реакция вратаря? Я всегда говорю: реакция — это выплеск нервной энергии. Ты вот растратился на игре, выплеснулся полностью, а надо восстановиться к новой. Не физически только, а психологически. Это трудно, очень трудно. Надо снова вобрать в себя разряд нервной энергии. Это все внутренняя работа...

А внешне... Мне слова Виктора Коноваленко запомнились, нашего знаменитого хоккейного вратаря. Он как говорил? Вот ситуация на поле, запара, трах-бах, защитники летят, мяч по штрафной ходит, караул! Ты отбиваешь, защитники поворачиваются, а у тебя морда керзовая, спокойная, ну и они успокаиваются...

— Коноваленко так и говорил: «керзовая»?

— Ну да. Так должно быть. У тебя морда керзовая, и защитники успокаиваются. Стоишь полностью невозмутимо, все нормально, пережили... А как иначе, запарок, неразберихи всякой у ворот всегда хватает. У меня любимое было: «Все, остановились!» Крикну, а это значило — хватит метаться, заняли позиции свои, начали снова. Ну, бывало ведь, не идет игра... И тут как приказ: «Все, остановились!» И по новой, спокойненько, по своим местам.

Да, вратари — особые люди. Вы можете говорить с разными вратарями, но упрека в адрес другого вратаря ни от кого не услышите. Это особый цех, и в любой ситуации они друг друга поддерживают. Даже при явной ошибке. Вот пропустил между рук, между ног, но вратарь вратаря никогда критиковать не станет. Это норма. Наоборот, поддержит коллегу. Я, в частности, когда меня о Филимонове и о том голе от Шевченко спрашивали, не имею права Сашу критиковать. Я природу ошибки знаю, и он знает. И все. Вратарь, считается, не имеет права на ошибку. Ну разве с таким подходом можно жить, как все? Конечно, вратари — особые люди. Об этом можно долго разговаривать, тема неисчерпаемая.

— Вы помните свой особенно неудачный матч?

— Неудачный? Да вот дебют у меня неудачный случился. Первый матч за «Шахтер», 68-й год, в Донецке против Орджоникидзе играли, теперь Владикавказ, значит. И проиграли — 1:4. Один мяч полностью мой был, один как минимум... Я игру помню, словно она вчера была.

— Вы не бросились неудачу в вине топить? Как свойственно молодости.

— Нет, не бросился. Разве это делу поможет? У меня с режимом проблем не было: шампанское впервые на своей собственной свадьбе попробовал... Не курил никогда. В четвертом классе затянулся — не понравилось. Так что... не бросился. В целом-то я, наоборот, репутацию выручалы приобрел. И в «Шахтере» так получилось, и в «Торпедо», когда пришел. Мы ведь там чуть ли не на вылет стояли. Две игры все решили. С Ростовом, помню, такая заруба

была... Осень, погода плохая, поле подмерзло, скользко... 1:0 выиграли, в высшей лиге остались. Не пропустил. При неудаче главное спокойно во всем разобраться, психологически успокоиться, проанализировать то, что случилось. Видимо, мне это удавалось, была во мне психологическая устойчивость, потому и пенальти получалось отражать.

— Странно даже, тот же Харин или вот Виктор Чанов вроде превосходили вас в прыгучести, а пенальти у них так не получались...

— И у Рината Дасаева, какой талантливый вратарь, а пенальти не шли у него. Странная эта штука — пенальти, сложная для объяснения. Как, что, почему? Но вот получались они у меня, что тут поделать?

— Мне кажется, что в советские времена вратари были мастеровитее нынешних. Нынешние вроде все то же делают, но чего-то им всем не хватает, все они как недоучены вроде... То в одном эпизоде недотянул, то в другом ошибся...

— Тут я, конечно, обязан согласиться. Уровень был выше в союзные времена. Главное, мне кажется, разобраться в причинах. Если коротко, то я вот расстраиваюсь, когда вижу: начали все перед собой мяч отбивать, не ловить, а отбивать, а потом уже накрывать. Мне отец как говорил? Мяч — это как хрустальная ваза, уронил, она и разбилась. Я думаю, дело в технике, в обучении технике. Нас в детстве за результат не ругали, а вот технику, к примеру, приема мяча ставили будь здоров! А теперь мальчик пару лет только потренируется, его за пропущенный мяч ругают, с него результат спрашивают. Ну он, бедный, и отбивает как попало, лишь бы не пропустить, лишь бы не ругали... Так нельзя! Потом. Игра очень усложнилась, быстрее стала. Отец нам с Виктором говорил: «Ну раньше, если подача с фланга, так можно закуривать, бычок о штангу тушить, а потом уж на перехват топать... А у вас, ребята, не до перекура совсем!»

А теперь-то все еще быстрее стало! Значительно быстрее!

При мне киевские передачи с фланга по уходящей от тебя тра-

ектории откровением были, мы их киевскими бананами за кривизну полета мяча называли, но теперь-то все так играют! Помните, как в прежние времена, вратарь частенько у границы штрафной площади оказывался и не ногами, руками играл. А при нынешнем темпе он, по существу, только вратарской площадкой командует, да и в ней попробуй успеть! Работа на линии ворот приобрела первостепенное значение. И всем этим премудростям надо в детских школах учить, а не доучивать в командах мастеров. Коротко говоря, нынешним вратарям не хватает классики, школы не хватает. Хотя ребят способных в нашей стране много.

— Вячеслав Викторович, мне всегда казалось странным, что, проведя лучшие годы в «Торпедо», вы работаете в ЦСКА. Как же так? И почему в 84-м вы из «Торпедо» перешли в «Нефтчи»?

— Я вот оглядываюсь назад, думаю, может, погорячился тогда? Почувствовал себя лишним? С другой стороны, жизнь не перепишешь, правда? Словом, у меня травма была, Валера Сарычев играл, Дима Харин дебютировал в последнем матче сезона. И намечалась у нас поездка в Марокко, сказали: поедут те, кто команде нужен. А меня не берут. Значит, не нужен? Ну я сгоряча и сказал — уйду. Раз не нужен, уйду. Как-то быстренько согласились... Я вообще заканчивать думал, а тут совершенно неожиданное приглашение из «Нефтчи». А что, говорю себе, поиграю, силы-то есть, поехал, если что, думаю, Алиев теперь в большой власти, не будут переходу препятствовать...

— Как? Вы и это просчитывали?

— Это за меня просчитывали! «Торпедо» чуть позже хотело меня вернуть... Выговор объявили даже. По партийной линии.

— За что выговор-то?

— Как за что? Ушел с завода без согласования с местной партийной организацией! Позже выговор сняли, конечно... В «Нефтчи», а потом еще и в ЦСКА, куда меня Морозов пригласил, хорошо работалось. Хвалили. Но, конечно, торпедовские годы особенные. Может, и надо было с Валентином Козьмичем тогда по-человече-

ски поговорить, не спешить, кто знает? Теперь-то у нас с ним отличные отношения, я ему благодарен: разглядел он во мне что-то, пригласил в «Торпедо». А сейчас... Не зовут туда, значит, не нужен, сам я не умею напрашиваться.

— Но квартиру все-таки не отобрали?

— Не отобрали, хотя голоса такие были, мне рассказывали. Вы про ЦСКА спрашивали, так там тоже все по-житейски получилось. Завершил я здесь в 87-м, 36 лет уже, по тем, старым понятиям, я и так что-то задержался в футболе, поехал в Западную группу войск за команду играть, тогда это можно было, армейцы к нам приезжали часто, общение продолжалось... А в 90-м пригласили меня в обер-лигу ФРГ, выступать за команду «Оптик», где я еще четыре сезона отбарабанил.

— То есть вы закончили с футболом в 43 года?! Так это ж, наверное, рекорд?

— Не знаю, может, и рекорд... Для меня лично важнее всяких рекордов то, что меня с благодарностью коллеги вспоминают. И Ринат, и Валера Сарычев, и Дима Харин в своих интервью вспоминали меня добрым словом. А еще я видел и чувствовал отношение болельщиков. Я слова отца крепко запоминал, так он мне любил говорить: «Главное, Слава, как к тебе коллеги и болельщики относятся. Что о тебе пишут — это второе. Первое — это вратари и болельщики». И тех, и других я старался не подводить.

... Ну, тут мне свидетельств не требуется, я сам отлично помню, как на стадионе скандировали: «Слава, слава вратарю, Вячеславу Чанову», ставя многоголосое ударение на последнем слоге его фамилии.

И хотя сам уже не кричал ничего, речевка мне нравилась, потому что Чанов не подводил.

И когда в 1981 году редакция журнала «Огонек» присудила ему знаменитый приз, я очень обрадовался. И когда его наконец взяли в сборную — тоже...

Я предчувствовал, что он не скажет ничего лишнего о разрыве

своим с «Торпедо», я спросил лишь затем, чтобы убедиться в этом, чтобы лишний раз почувствовать его натуру.

Вот что он сказал:

— Я не люблю вдогонку лаять.

...Преемственность в семье Чановых обнаружилась и в таком странном на первый взгляд совпадении. Лейтенант Виктор Чанов, отец будущих голкиперов сборной страны, сразу после войны выступал за команду «Группы советских оккупационных войск в Германии» (именно так говорится в старом справочнике).

Вячеслав Чанов заработал свои последние награды в команде Западной группы войск. Отец продолжал свою карьеру в Германии, старший сын в Германии карьеру заканчивал. Там же в 1969 году он завоевал первую свою медаль — бронзовую, в составе юношеской сборной.

Есть схожесть и в скромном признании заслуг. Титул — «известный», но вовсе не «знаменитый» остался и за Чановым-отцом, и за Чановым — старшим сыном. Популярность пришла к Чанову-младшему, завоевавшему европейское «серебро» все в той же Германии в 1988 году, вратарю киевского «Динамо» и сборной СССР.

В нынешнем, газзаевском ЦСКА он — на месте. Прогресс Игоря Акинфеева — это его, Чанова, профессиональный успех.

Чанов Вячеслав Викторович родился 23.10.1951 в Москве. Вратарь. Мастер спорта. Сын известного вратаря Виктора Чанова, выступавшего за донецкий «Шахтер» и ЦДКА. Старший брат Виктора Чанова, голкипера киевского «Динамо» и сборной СССР.

Выступал за «Шахтер» (Донецк), «Торпедо» (Москва), «Нефтячи» (Баку), ЦСКА, СКА ЗГВ, «Оптик» (Германия, обер-лига), сборную СССР. 276 матчей в чемпионатах СССР. Лучший вратарь страны 1981 года. Третий призер юношеского турнира УЕФА 1969 года. Тренер вратарей в ЦСКА.



## Независимая экспертиза

В тот печальный софийский вечер, когда рушился еще один миф, я знал, что не смогу не поговорить с ним. Из всех наших не проиграл в Болгарии только он — Владимир Маслаченко.

Спустя время, когда уважаемые мною люди вдруг стали во всеулышание говорить, расписывать, настаивать, что наши показали весьма неплохую игру и заслуживали лучшей участи, — я понял, что поговорить с ним надо немедленно.

Иначе выводов не сделать. Не сделать выводов лично мне, одному из миллионов болельщиков, которых вновь порционно и планово начинают кормить старым блюдом: «Я стоял у штанги и видел, как наши отдавали все, что могли», «Функционально мы переиграли соперника, но фарт не шел и не шёл», «Чешский судья — убийца, убийца, убийца!!!»

Мне показалось, что на мои вопросы он ответил еще там, в своем замечательном софийском репортаже. Да и только ли на мои? Но — так получилось — в тот вечер рушился миф, и мне хотелось, чтобы никаких сомнений в этом не оставалось. У меня лично хотя бы.

Поэтому я сказал Маслаченко, что дело — срочное.

*— Владимир Никитович, вы утверждали, что «спокойны за результат», вы несколько раз повторили эти слова в первом тайме — «я спокоен за результат». Помните?*

— Очень хорошо помню. Да. Я был спокоен за результат. Я тогда привел статистику наших встреч с болгарями — из 15 игр мы проиграли им только одну, да и то товарищескую. Нет, это не главный довод, конечно, но иллюстрация, которая весьма и весьма красноречива, не правда ли? Второе: из практики моей я хорошо

знаю — наши славянские братья со старшим братом (как они сами нас называют) играют тяжело, натужно, со страхом и от огромного желания обыграть старшего брата, как правило, терпят фиаско. Какой бы там ни был Стоичков, Лечков, Пенев — это отыгранный уже болгарский вариант. И поэтому, зная психологию славянских братьев, как бы они там ни играли в «Трабзанспоре», «Бурсаспоре», «Барселоне» и прочем, я знал, все равно — они болгары! Они все равно навалят в штаны! Образно говоря! Вместе с Боневым, своим хваленым тренером. И они навалили! Они играли против нас со страхом!

И нашим надо было просто понять это. А наши... Вот почему они уже не нашего футбола люди, они просто не усекли этого. Наши просто-напросто должны были попереть на них, как на буфет, понимаете?!

Уже к началу второго тайма мне окончательно стало ясно, что наши-то все тоже отыграны! Все! За исключением, может быть, Овчинникова и еще одного игрока, который работает за границей. А остальные... Они сегодня уже не игроки сборной, пусть играют там, они уступают самим себе — ранним, они уступают сегодня нашим лучшим, играющим здесь. Для меня это ясно, и я за свои слова отвечаю.

...А до игры я был спокоен. Все должно было быть нормально. Должно! Но я же не знал, не мог даже предположить, что игроки всего этого не знают, что для них этот психологический момент абсолютно неизвестен, что он не обсуждался с ними. А сами они от этого далеки, они находятся в анализе других жизненных ситуаций.

— *Минут за 25 до конца матча вы так между прочим сказали: «Нас ждут стыковые матчи». Не то что «нас ждут стыковые матчи, если результат не изменится», а словно факт свершился, словно игра закончилась. Вам все стало ясно?*

— Все кончено. К тому времени все было кончено. Я не мог этого не видеть. Эта команда проиграла. Если она не одолела болгар в первом тайме, значит, она проиграла. По характеру игры все было

ясно. Они не играли против болгар, как старшие братья. А значит, все — готовься к стыковочным играм. Поэтому я и в том, и в другом варианте был спокоен. И до игры. И за полчаса до ее окончания.

— *Но есть точка зрения, что наши сделали все, что смогли...*

— Это не моя точка зрения. Моя точка зрения другая — мы не показали и не показываем игры, достойной попадания на чемпионат мира. С чем мы туда попадем? Пощекотать самолюбие? А? Что там делать с такой игрой? А если мы сделали все, что могли, что нас судья убил, то о чем вообще говорить, о чем копыя ломать? Тогда надо признать, что у нас в сборной все в порядке, и закрыть дискуссию. Вот и все.

— *Вы знаете, вот в этом моменте мне хотелось бы свернуть свои часы по вашим. Мне-то кажется, что и близко нельзя говорить, будто эта команда сделала все, что могла. Мне кажется, что после таких матчей не умирают, отдав все для победы. Я вас спрашиваю об этом потому, что вы не просто играли. Выигрывали.*

— Так... Недавно мне пришлось давать интервью Гарри Линекеру, представляющему Би-би-си. Он был в Москве два с половиной дня, делал тут программу. Он терзал меня полтора часа, задавал вопросы и другим нашим ветеранам, Вале Иванову, Вите Понедельнику... Так вот, я его тоже спросил: «Гарри, надо настраивать игроков перед такими матчами?» Он не мог понять, о чем идет речь! У него такая мордашка — детская немножко, он так как-то удивленно смотрел, водил глазами по сторонам, словом, не мог понять. И когда переводчица по моей просьбе на него еще раз нажала, он выпалил только: «Но это же нонсенс! Об этом не говорят! Говорят о тактике, о задании твоём, о взаимодействии и так далее... Но! Это непрофессионально». А у нас только об этом и долдонили! Вы посмотрите, сколько раз игроки об этом толковали! О настрое! Знаете, на Востоке говорят так: «Когда ты сказал первый раз — я тебе поверил, когда ты сказал второй раз — я засомневался, когда ты сказал третий раз — я уже тебе не верю». А у нас только и разговору! Да не говорят об этом, милые мои!

— *Не кажется ли вам, что российские сборные Садырина, Романцева,*

*а теперь вот Игнатьева чем-то неуловимо похожи? Словно играет одна команда... Причем все тот же, один-единственный матч.*

— Почему неуловимо? Они, я думаю, уловимо похожи. Сейчас поясню. Они сотканы из одних и тех же игроков с некоторыми вариантами, но самое главное, все они не объединены никакой реально ощутимой, видимой игровой идеей, которая была бы понятна. По-моему, все эти команды играют кто во что горазд. Конечно, тренеры работают, разрабатывают тактику, просматривают соперников, но если они все это делают на таком уровне, то мы с вами, видя все это, обсуждая, перелопачивая горы словесной руды, имеем на выходе лучшую продукцию, чем они.

*— Следовательно, главная беда нашей сборной не в том, включен в нее Юран или не включен, а в бедности тренерской мысли? Так можно предположить из ваших слов?*

— Знаете, инженерная мысль, а тренерская мысль сродни инженерной, в нашей стране всегда была на высоте. Видя сегодня лучшие западные команды, проводя параллели, мы не можем не признать: у нас тоже все это было когда-то. Было ведь. Конечно, тренерская мысль наталкивается на различные трудности. Допустим, нет игроков, нет материала. Но тогда, по-моему, надо сказать самому себе — ищи другие пути! Раз взялся за такое дело. Но, конечно, первым делом надо спросить себя: а готов ли ты для такой работы — работы с национальной сборной? Есть ли у тебя необходимые навыки, опыт, интеллект? Позволяют ли твои исходные данные быть тренером главной команды страны? Есть ли у меня право быть тренером сборной? Наши тренеры сборной — Романцев, Игнатьев, Садырин — мне лично очень симпатичны, мне не хочется их как-то критиковать устно или письменно, но и они должны понять меня правильно — я из того же рабочего класса, что и они, футбольного. И я могу им задать вопросы, профессиональные, по существу. Ибо у нас не должно и не может быть друг от друга секретов, футбольных, я имею в виду. Так вот, поэтому мы вправе сегодня говорить: «Ребята, вы что-то не то делаете». Мы вправе, пото-

му что сегодняшние футболисты не знают ничего такого, чего не знали бы футболисты моего поколения. Вот так.

Может, стоит взять ручку и изложить на бумаге ваши взгляды, пусть философские, профессорские, академические, на развитие футбола, на принципы комплектования команды, на тенденции игры, на модель игрока? Изложите и посмотрите, что вы творите на поле! Бесконечно повторять: «Функциональная подготовка» — дело не самое мудреное. Посмотрите! Потому что я, например, никакой модели игры в том же матче с болгарами не видел. Не видел.

— Верно ли я вас понял, Владимир Никитович, что если бы вы были тренером сборной России...

— То она бы играла в другой футбол.

— ...То вы бы сделали акцент на приглашение других игроков. Российских.

— Ну я же сказал, это была бы другая команда! С другой игрой. Да, если хотите, я в первую очередь пригласил бы в нее футболистов из команд-лидеров сегодняшней России. Плюс «Алания», «Локомотив», и еще я бы взял Хохлова. Видите, я даже конкретизирую. Я бы все сделал, чтобы Хохлов не поехал в Голландию, а оказался в «Спартаке».

— В этой связи... Не так много людей в отличие от вас видят и указывают на пусть медленный, но подъем отечественного футбола.

— Я абсолютно в этом уверен. У нас есть три команды-лидера. Есть, к сожалению, нестабильный «Локомотив», «Алания», в отдельных матчах «Торпедо», «Черноморец» — это те команды, что составляют оркестр в чемпионате, а не соло, что ранее исполнял «Спартак» или «Алания».

— И аутсайдеры прибавили, да?

— Конечно. Они не играют уже в дворовый футбол. Об этом я тоже могу долго говорить, никакого времени не хватит. Но не будем все же забывать, что наш футбол беден. Беден зрителями и беден стадионами. Такой чемпионат, как российский, должен трансформироваться прежде всего стадионно. Вы знаете, я вам скажу такую вещь: стадион тысяч на тридцать, а не на десять, постепенно

будет мозолить глаза болельщикам, и болельщик пойдет на стадион. Рано или поздно болельщик его заполнит. И дело здесь не только в финансовом обеспечении футбола. Мировой футбол лишь процентов на сорок — сорок пять зависит от зрительской посещаемости. Остальное — реклама, телевидение, спонсоры, государственная помощь. К сожалению, у нас футбол вычеркнут из государственной жизни. Нет государственного подхода к футболу. А в развитых странах действует правило: есть футбол, есть и большой спорт в целом. Футбол финансирует остальной спорт, отчисляет на развитие других видов спорта. Мы хотим подстроиться к зарубежным нормам, но цивилизованности не хватает. Все пока зиждется на каком-то получастном варианте. Вы никогда не задавали себе вопрос: так ли уж талантлив тот или иной наш игрок, что оказался на Западе? Поверьте мне, что нет! Для меня это вывод окончательный. Это все дело рук очень талантливых агентов. Талант агента куда выше таланта игрока. Это ведь надо же уболтать кого-нибудь Моратти, чтобы он купил нашего футболиста! Ха-ха-ха-ха-ха! Крамольная мысль?

— Владимир Никитович, напоследок от ваших крамольных мыслей к вопросу абстрактному. На чем зиждется ваша столь естественная независимость? Видимая отстраненность от сильных мира сего? Умение критиковать команду, которую любите, в которой играли? Да взять хотя бы сегодняшнюю резкость суждений. В них и боль, но в них и упрек, пусть обоснованный, но упрек.

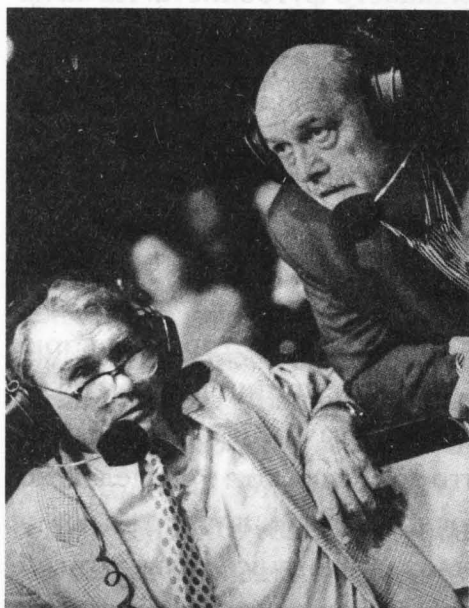
— Ответу коротко. Я знаю тот предмет, о котором говорю. Я знаю то дело, в котором работаю. Вот этот принцип для меня важен. Ну, я такой... Я рано начал работать и сам себя сделал. Это не высокие слова, это правда. Если я что-то делаю, то я это сделаю хорошо. Я не говорю, что я постараюсь, заметьте, я утверждаю — я это сделаю хорошо! Потому что приложу к этому все силы. Вот сейчас мне нужно перестроить веранду, и я со всех сторон изучаю этот вопрос. И перестрою ее своими руками. И будет хорошо. Независимость — это уважение к себе. И к людям.

...Я не подгадывал, чтобы этот материал вышел накануне ничего не решающего матча с болгарами. Просто так получилось. Надеюсь, Владимир Маслаченко не обидится на меня за проволочку. А что веранда получится на загляденье — не сомневаюсь.

Заканчивая тот софийский репортаж, Владимир Никитович считал необходимым извиниться перед болельщиками за игру сборной России. Выслушав с благодарностью его дополнения к репортажу, не могу не повторить: в Болгарии не проиграл только Маслаченко.

**P.S.**

Десять лет этому разговору. Матч с болгарами отошел в разряд преданий. Кое-что изменилось в нашем родном футболчике... Но вот Владимир Маслаченко ни капли не изменился. В своих прогнозах, оценках, заблуждениях он, как прежде, горяч и принципиален...



*Маслаченко Владимир Никитович родился 5.03 1936 в Днепропетровской области. Вратарь. Телекомментатор. В чемпионатах СССР провел 315 матчей (196 – за «Спартак» (Москва). В сборной СССР – 8 матчей. Лучший вратарь страны 1961 года.*

## Семь бед отечественного футбола

По осени всякий раз наш футбол сдает европейский экзамен. Сборная страны участвует в отборочных матчах — к мировому или европейскому первенству, клубы сражаются в Лиге чемпионов и Кубке УЕФА.

Болельщик футбола по осени — обыкновенно скептик, выносящий приговор с подчеркнута каменным лицом.

После 0:0 с хорватами мой сосед, болельщик «Спартака» и таксист по профессии, поделился прогнозом: «Этого Гуса скоро выгонят. Он же не может повлиять на футболистов! А они мажут и мажут! Они мажут по воротам, а как на них повлияешь?»

Я сразу вспомнил, как именитый Валентин Козьмич Иванов в сердцах говорил что-то похожее: «Игроки пошли... больно умные. Знают, что теперь от тренера зависит далеко не все. Раньше я бы ему передвинул оплату, занес его во вторую категорию — и привет! То-то бы он старался на тренировках! И жена его дома пилила бы от души: почему было 200, а стало 100? Старайся, Ваня! А теперь эти контракты, агенты... У меня был футболист из Нигерии, так у него контракт так составлен, что премиальные идут, даже если он и на поле не выходит...»

Знакомый продавец чебуреков, увидев меня после матча в Мюнхене, где «Бавария» катком прошла по «Спартаку» — 0:4, вышел из палатки, чтобы поделиться таким соображением: «Им, понимаешь, слишком много платят. Какой-нибудь чемпион по гребле вкалывает, вкалывает, гребет, гребет, выигрывает, выигрывает, а дом себе купить не может! Если на то пошло, он и квартиру купить не может, разве что обыкновенную «двушку»... А эти... У каждого хоромы, и никому не стыдно. Миллион в год получают. Чего стыдиться?»

Нечто похожее лет десять назад я слышал от Павла Федоровича Садырина, который, как известно, за словом в карман не лез. «Закармливаем игроков, — как бы сам с собой говорил Садырин. — Он еще и не сделал ничего, по мячу не всегда попадает, а зарплата у него — ого-го! Тачку купит и керосинит со свистом по городу. У него уже о футболе голова не болит. А ему бы на трамвайчике поездить еще пару лет. Развращают футбол эти... президенты».

И в самом деле, футбол российский перед зрителем, болельщиком в большом долгу. Бед у него много, а побед мало. Я решил остановиться на первых, чтобы уж потом, после не возвращаться к ним никогда, а ждать вторых. Должны же они прийти. Или нет?

## МЫ ЖИВЕМ В ФУТБОЛЬНОЙ СТРАНЕ

Чуть ли не главной нашей бедой являются завышенные амбиции. Мы почему-то уверены, что футбол в России больше чем футбол. На самом деле это давно уже не так. Футбол, оставаясь для нас спортом №1, давно уже потерял тот вес и значение, каким отличался, скажем, в шестидесятые. Тогда мальчишка, не умеющий играть в футбол, — тюфяк, лапоть, позор. Теперь же пустуют дворы и футбольные «коробки», молодежь занята иными проблемами. Дворовый футбол практически исчез, а ведь именно из него вышли наши лучшие игроки прежних лет. Да и умы занимают иные вещи: разговоров о вчерашнем матче почти не слышно ни в метро, ни в заводской курилке. Есть дела поважнее!

Рейтинги футбольных трансляций не идут ни в какое сравнение с боевиками, сериалами и даже эстрадными концертами. Случайно ли в этом году канал НТВ отказался от трансляций престижной Лиги чемпионов? И это при том, что в Лиге играют сразу два российских клуба! Лигу чемпионов показывают только по каналу «Спорт», но этот канал дециметровый, и россияне его почти не видят.

Не стоит забывать, что после отделения южных республик, в первую очередь Грузии и Украины, мы стали большими северяна-

ми, чем были. Лишь с конца апреля и по октябрь комфортно играется в футбол в России. А за Уралом этот период и того меньше.

Шведы и норвежцы никогда не кичились своим футболом. Но темпы его роста у наших северных соседей очень высоки. А нам мешают амбиции. Уверенность в том, что мы — великая футбольная держава.

## У КОГО-ТО ПОЛЯ, У КОГО-ТО ОГОРОДЫ

Качество футбольных полей — как качество российских дорог. Об этом столько говорено... Столько изведено бумаги... Когда начали показывать английский чемпионат, мы тут прямо все разом ахнули: «Вот это да... Не поля, а бильярдные столы! Травинка к травинке». Любопытно заметить, что великолепные травяные газоны есть не только у грандов английской лиги, но и у вполне скромных клубов, у какого-нибудь «Саутгемптона», к примеру. И этот «Саутгемптон» решает свои скромные задачи на хорошем поле и не видит ничего дурного в том, что не попадает ни в какие еврокубки, а лишь борется за двенадцатое место в национальном чемпионате. Зато на его стадионе никогда нет свободных мест!

...Пробираемся раз с коллегами к главной арене Штутгарта. И что же? Вокруг арены целый комплекс травяных полей. 12 штук, не поленились подсчитать. На том играют мальчишки одного возраста, на этом — другого. Вон там бегают с мячом девушки, а тренер, конечно, дядя... А вот, пожалуйста, почтенные граждане борются с лишним весом, пинают мячик сколько есть сил, и тоже на хорошей зеленой поляне.

Да что там! Главная, основная составляющая футбола находится у нас в зачаточном состоянии. А мы хотим непременно выигрывать. А имеем на сегодня один — подчеркиваю, один! — европейский стадион на всю страну.

Правда, разговоры о строительстве новых полей и новых стадионов уже есть. Лет через десять сравним разговоры с делами.

## У ДЕТСКОГО ФУТБОЛА НЕ ДЕТСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Вот вам картина. Посередь футбольного матча двух столичных школ вспыхивает нешуточная драка. Дерутся родители будущих футболистов. Дерутся из-за судейства! Выясняется, что арбитру дали и те, и другие, дали денег, чтобы он судил «правильно», а он, окающийся, судит правильно только в одну сторону. Мечутся тренеры, орут детишки, визжат мамыши, папы размахивают пудовыми кулаками и сыплют ругательствами. Словом, дым коромыслом... А поле, конечно, гаревое, то самое, что проложили после войны. Красота.

Явление это, прямо скажу, заурядное. Битва за очки вместо обучения игре, вместо наслаждения от финтов, вместо плановой работы над техникой и тактикой, повсеместна. Именно по таблице результатов оценивается работа детской школы. Первые футбольные несправедливости ребенок узнает здесь, в возрасте десяти лет.

Скажете, мелочь? Вот вам не мелочь: основные футбольные центры подготовки юных футболистов были развалены на развалинах СССР. Прежняя система поиска, отбора и воспитания талантов прекратила свое существование, закрылись знаменитые интернаты в Волгограде, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Москве, других городах. Умер «Кожаный мяч» — самое массовое соревнование, где кого только не нашли, кого только не откопали. Да и знаменитые столичные школы едва держались на плаву и потихоньку теперь возрождаются. Однако клубы финансируют их по остаточному принципу: конкурса на должность детского тренера нет, туда идут не по призванию, а по необходимости. Лишь в последнее время, а точнее, год-два назад, для детей стали сооружать искусственные газоны, учреждать стипендии для лучших специалистов. Но все это пока — капля в море, создание системы детского футбола лишь начинается. В лучших клубах Европы тем временем работают бесперебойные «фабрики футбольных звезд». У нас же элементарно не хватает молодых дарований. Да и желающих стать футболистами стало заметно меньше.

Еще одной и весьма важной проблемой стали невысокие физические кондиции подрастающих поколений. Детские тренеры признаются, что не могут отрабатывать нормативы на той скорости, что рекомендуют методики и их личный опыт. Дети попросту не тянут нагрузку. А заодно имеют массу противопоказаний к ним. Иными словами, подрастающие поколения значительно слабее прежних, а особенно тех, что занимались футболом в советские времена. И это при том, что сам футбол становится более скоростным, более атлетичным.

## **ДЕНЬГИ САМИ ИГРАТЬ НЕ БУДУТ**

На рубеже XX—XXI веков в наш футбол пришли большие по российским меркам деньги. Стало престижным иметь хоть какую-нибудь команду местному табачному королю или газовой отрасли. Однако эти вливания, спонсорство, а то и покупка на корню некогда «свободных» футбольных клубов не дали, да и не могли дать немедленных позитивных результатов. По сути, результат был один: футболисты стали высокооплачиваемой кастой, и футбольный рынок диктовал дикие цены даже на посредственных игроков. Сами игроки с детства патронировались агентами, которые зачастую распоряжались судьбами молодых людей. Отсюда скандалы, по большей части невидимые, хотя дело Дмитрия Сычева всплыло на поверхность. Клуб, которому Сычев достался дешево, не смог противиться агенту, увидевшему, что Сычев — уже дорогой товар и на нем можно хорошо заработать. Молодой парень был продан в «Марсель», а потом перешел в «Локомотив», бросив «Спартак», где он, собственно, и заработал себе имя.

Бизнесмены, пришедшие в футбол, вели себя в нем по законам бизнеса. А именно — требовали немедленной отдачи. Хоть какой-нибудь прибыли, выгоды. Получалось плохо. Отсюда противоречия с футбольными людьми, в первую очередь тренерами, которых увольнять стало модным. Бизнесмен считал себя хозяином, но не знал, что делать, чтобы добиться результата. Футболисты поня-

ли, что на переходах из команды в команду можно неплохо заработать.

Тренеры, начиная тренировать, в уме подыскивали себе новую перспективу. В результате выиграла те, у кого хватило ума дать денег, но оставить «на хозяйстве» футбольных людей. Так вышло у «Локомотива», где хозяева железнодорожного транспорта доверили клуб и команду Филатову и Семину. В ЦСКА получилось иначе. Евгений Гинер очень быстро окружил себя профессионалами из футбольного мира, да и сам многому учился у них и у западных коллег. Но эти два случая — исключения. Новые хозяева хотели руководить: набирать состав, покупать игроков, обсуждать с тренером тактику... Так было в «Динамо», «Спартаке», «Торпедо», «Ростове», «Роторе» и многих других командах, которые ныне не играют не только в премьер-лиге.

К сожалению, немедленный результат как главная цель оставлял за бортом такие вещи, как качество футбольного поля, состояние своей футбольной школы... Получалось не развитие, а судорожные метания по таблице. Поколения футбольных менеджеров у нас еще пока не выросло.

## **А ТЫ ЗАПИСАЛСЯ В ЛЕГИОНЕРЫ?**

Достижение немедленного результата требовало большого количества квалифицированных футболистов. В стране их не было. Покупать на стороне, а потом продавать с выгодой — это было очень понятно для новых футбольных хозяев. Так начался массовый приток иностранцев в российский футбол.

Стоит заметить, что в девяностые годы наши лучшие мастера, воспитанные еще советской футбольной школой, успешно выехали на Запад, так что первые агенты по продажам у нас уже были. Некоторые из них быстро превратились в агентов по закупкам — и началось! Убедить президентов, что вот этот малый — «звезда» и что он стоит пока недорого, а вот мы его потом продадим с доверком, оказалось плевым делом. К нам поехали отовсюду, и сосчи-

тать, сколько всего приехало и уехало, абсолютно невозможно. Но, стоит заметить, ни один агент не жаловался на бедность.

Доходило до смешного. В «Спартак» привозили пять иностранных вратарей! И это при высоком качестве отечественной вратарской школы. Бразильцы были в такой цене, что их привозили прямо с пляжа. Охотно ехали в Россию из бывшей Югославии, один футболист, помнится, был замечен чуть ли не с автоматом в лесах Черногории. Но ничего, помылся, побрился и через неделю уже играл за Москву.

Понятно, что в качественных легионерах мы нуждаемся не меньше, чем любая страна. Но с чувством меры у нас всегда было плохо, и мы навезли столько некавалифицированного товара, что не знали, куда его деть. Зато рост отечественных футбольных кадров замедлился, застопорился, и в результате наши молодежные и юношеские сборные оказались в тупике. Не обстрелянная в чемпионате страны молодежь проигрывала сверстникам из Европы и ни разу за двадцать лет (!) не попала на Олимпийские игры.

Иностранцы создали много проблем нашим тренерам, да и самим российским футболистам, потому что никто и никогда с ними не работал, не играл. А тут приехали целые землячества... В одном Ростове заявляли с десятков африканцев!

Легионеры приезжали и уезжали, но футболу российскому пользы эти перемещения не доставляли. Очень скоро выяснилось, что и за главную сборную трудно найти игроков, а особенно защитников: все в клубах занято иностранцами. Однако разрыв действующих контрактов означал выплату неустойки, а потому ввели мягкий лимит, основанный на том, что в этом году пусть играют сразу восемь легионеров, на будущий год семь и так далее, по убыванию.

## КОРРУПЦИЯ

В середине восьмидесятых годов прошлого века еженедельник «Футбол» опубликовал анкету 16 тренеров высшей лиги. Вопросов в ней было два. «Есть ли у нас договорные матчи?» — спрашивал

еженедельник. «Да!» — ответили все 16 тренеров. «А ваша команда участвует в договорных матчах?» — уточняла редакция. «Нет!» — ответили все 16 правдорубов.

С тех пор ничего не изменилось. Клубы договариваются друг с другом, договариваются с арбитром, договариваются с игроками — и доказать всего этого нельзя, потому что в доказательствах никто не заинтересован. Чемпион страны определяется не только на поле, но и за его пределами — давным-давно уверен российский болельщик.

### **ФУТБОЛ НЕ ТЕАТР**

Иные тренеры и футболисты любят заявить в телекамеру: «Мы играем для зрителя...» К сожалению, в большинстве матчей нашего чемпионата красоты, эстетики, благородства, мастерства, джентльменства, изящества, неожиданности, скорости, дриблинга, изыска, раскованности, блеска, сюжета, непредсказуемости, таланта так мало, что становится скучно.

В России на среднем матче присутствует 13 человек. В Европе эта отметка приближается к 30 тысячам.

## Правила игры Вячеслава Колоскова

Знаете ли вы Вячеслава Ивановича? Ах, вы не знаете Вячеслава Ивановича! Не знаете и не можете знать. Если вам кажется, что вы его знаете, не говорите об этом вслух — вам никто не поверит. Если вам кажется, что вы его немножечко знаете, вам все равно никто не поверит, потому что немножечко его знают все.

Странное дело! Все что-то знают, и никто не знает, что именно. Настолько никто, что послушаешь кругом себя, перелистнешь странички и только плечами пожмешь: «О том ли самом Вячеславе Ивановиче речь?»

Может, и нет на свете никакого Вячеслава Ивановича?

\* \* \*

Пишущие о футболе изрядно понапрягали фантазию, дабы оконтурить, отретушировать, отполировать его личность. С 1979 года по год 2005-й трудолюбивые журналисты извели тонны чернил и километры писчей бумаги, повествуя о начальнике, председателе, руководителе, члене, президенте, вице-президенте, орденосце, кавалере, кандидате, профессоре.

Как и положено, в эпоху свободы и вседозволенности ретивость пишущих перьев достигла небывалых высот. На память могу привести отдельные эпитеты, коими коллеги по цеху щедро одаривали Вячеслава Ивановича.

«Непотопляемый». «Глыба». «Главный мафиози нашего футбола». «Министр иностранных дел нашего футбола». «Непробиваемый». «Авторитет №1». «Товарищ первый». И т.д. и т.п.

Заголовки и цитаты из книг, сборников, альманахов, еженедельников приводить смысла нет, здесь необходим отдельный исследователь.

Похоже, мы знаем о Колоскове все: взгляды на футбол (вообще и в частности), трудовой путь (тернистый и радостный), семейное положение, любимый сорт виски и замечательные выговоры по партийной линии, выговоры за Ловчева и Солженицына, если не ошибаюсь.

Многие сделали себе имя на «борьбе» с Колосковым, но продолжают эту «борьбу», невзирая ни на ее бесплодность, ни на приближающуюся старость.

Многие настолько привыкли к существованию Вячеслава Ивановича, что путают историю советского и российского футбола с историей самого Вячеслава Ивановича, ставят знак равенства между успехами Колоскова и успехами отечественного футбола, между неудачами Колоскова и неудачами отечественного футбола.

Между тем позиция Колоскова к пишущей братии — позиция внешне корректная и доброжелательная, ровная и не допускающая ни малейшего намека на фаворитство в чей-то персональный адрес, базируется на старой восточной мудрости — «Собака лает, караван идет».

\* \* \*

Стабильность внешних достижений Вячеслава Ивановича вызывает законное раздражение. «Как же так? Залезть столь высоко, пребывать на этакой высоте столь долго — и ни разу не сверзиться?! А вот мы поможем ему...» И пытались помочь, пытались неоднократно, но безуспешно. Пытались и сами проваливались.

«Помощники», как правило, обладали известными в футбольном мире именами. Лобановский и Базилевич, Кавазашвили и Понедельник, Тарпищев...

Солидные люди! Они сколачивали блоки и партии, вербовали прессу, писали письма, разоблачали, обещали и науськивали, они выезжали за кордон и лазали на верха, однако...

«Милые вы мои!» — заметил как-то в их адрес Вячеслав Иванович. Не думаю, что эта фраза требует примечаний.

Стабильность — признак класса, об этом почему-то забывали и забывают все «борцы» с Колосковым. Он же, обладая высоким классом, похоже, приучил себя не кичиться им, не выставлять своих достоинств наружу, приберечь козыри для решающего, окончательного, победительного хода, который не только раздавит противников, но и изумит колеблющихся, превратив их из молчаливых свидетелей в молчаливых сторонников.

Класс Колоскова — это класс советского чиновника, прочно стоящего на высокой ступени в иерархической лестнице. Со всеми плюсами и минусами выбранной им позиции.

\* \* \*

О роли Колоскова в развитии отечественного футбола говорено не раз. Что, между прочим, свидетельствует о бедности нашего футбола на имена.

Если эпоха советского футбола, в том числе и футбола 80-х, не скупилась на разнообразие деятелей (игроков, тренеров, судей, специалистов, чиновников-управленцев), то нынешняя пятилетка российского безвременья произвела на свет лишь одного безусловно интересного человека — Николая Толстых.

В то же самое время футбол российский, выйдя на международную арену голеньким, свободным от советского платья, получил целую порцию вполне заслуженных оплеух и смешков и потребовал от своих летописцев немедленных объяснений. Летописцы бросились за таковыми.

К кому они бросились — известно. Арсенал большинства по-прежнему состоял из двух красок, однако черная в дни поражений смотрится куда лучше — это тоже известно.

Между тем демократичнейший Вячеслав Иванович едва ли кому отказал в интервью, хотя, безусловно, имел право на те же две краски.

Так нет же! Во всех своих размышлениях о футболе он оставался прежним Колосковым — убедительным, логичным, толковым,

знающим, образованным, последовательным, четким, уверенным, ироничным, памятьливым. А еще — деятельным, руководящим, сильным, конкретным, спокойным. Японцы сказали бы, что он никогда не терял своего лица — ни перед чемпионатом мира, ни после него, ни перед чемпионатом Европы, ни после чемпионата.

Помнится, настырный и огнедышащий, как дракон, корреспондент потребовал от него объяснений по отношению к нашему национальному достоянию, к коему корреспондент относил Шалимова, Кирьякова и прочих подписантов из хилтонского отеля. Дело было телевизионное, операторы не давали продыхнуть, острота вопроса сняла и без того редкий шепот...

— А я не причисляю названных вами людей к понятию нашего национального достояния. По моему мнению, к нашему национальному достоянию относятся люди, принесшие славу и авторитет отечественному футболу.

Таков был ответ Колоскова, и ответ этот вызвал аплодисменты зала.

\* \* \*

Что до роли Колоскова в нашей футбольной истории, то роль эта не столь велика, как принято думать. Никакой самый талантливый администратор не принесет славу театру, если нет в нем талантливого режиссера и талантливых актеров. Другое дело, что он может способствовать прогрессу или регрессу театра. Но и здесь его роль ограничена, вторична.

Талантливый прагматик, Вячеслав Иванович Колосков вряд ли собирался и собирается «из болота тащить бегемота». У него несколько иные функции.

И главная из этих функций — умение отделять свою служивую жизнь от жизни личной, сделать так, чтобы его прямые служебные обязанности, наполненные многочисленными и неприятными на первый взгляд формальностями, на деле оборачивались не такими уж неприятными и совсем даже не хлопотливыми, отстраняли бы,

насколько это возможно, конкретные жизненные обстоятельства, могущие помешать его главной функции — руководить.

В этом отношении Вячеслав Иванович не выдумывал ничего нового. Сословие чиновников, появившееся еще в Древнем Египте, успело подумать и за него. Оставалось прилежно учиться, и он учился, учился и здесь, и в европах.

Сметливый от природы и хорошо образованный Колосков, надо думать, прекрасно понимал: в поговорке «Каков поп, таков и приход» вторая часть кем-то опущена.

Каков приход, таков и поп! Если так, то к чему бежать впереди паровоза?!

...В порыве откровения один из дальних его сослуживцев говорил мне: «Да если б ты знал, что тут у нас при Нем делается...» И после паузы: «А не было б Его... И подумать страшно».

Предпочитаю не знать ни того, ни другого.

\* \* \*

Намеренно воздерживаюсь от охов и ахов по случаю ухода Вячеслава Колоскова с поста руководителя отечественного футбола. Это — драматическая история, к тому же живо описанная самим Вячеславом Ивановичем.

Предлагаю взглянуть на усталое лицо руководителя. Хорошее, значительное лицо. Располагающее к себе. Сухое. Ответственное.

Параллели морщин на лбу. Легкие тени под глазами. Ирония, заключенная в уголках губ. Большой нос. Подбородок. Не из категории американских, но волевой. Спокойный, несуетный взгляд. Глаза с хитринкой. Благородная седина с аккуратным пробором. Знакомый булькающий звук в окончании особенно значимых фраз. Это бульканье слышно даже по телевизору. Интонации отчетливы, голос чуть в нос.

Частая полуулыбка, на которую с удовольствием отвечаешь. Человек-победитель, человек, сделавший себя, профессионал. Человек на своем месте.

Я легко представляю себе Вячеслава Ивановича... ну, скажем, в римском сенате. В белой тоге. На форуме. С речью в защиту Республики (разве Колосков кого-нибудь обвинял публично?!). И в советниках у Людовика Вячеслав Иванович прекрасно смотрелся бы, разве нет? И в пышном окружении королевы Виктории не потерялся бы...

Вячеслав Иванович вечен, как вечен Чиновник. Да-да, с большой буквы.

...И если вы, дочитавшие материал до этой вот строчки, скажете, что вы лично с Вячеславом Ивановичем в разведку бы не пошли, то знаете, что я отвечу?

Я отвечу, что Вячеслав Иванович в разведку давно не ходит. Тем более с кем попало...



*Колосков Вячеслав Иванович родился 15.06.1941 в Москве. Работал в управлении хоккея Спорткомитета СССР в 1975–1979 годах. С 1979 по 2005 год руководил отечественным футболом. Вице-президент ФИФА. Член исполкома УЕФА. Награжден правительственными наградами. Автор книги «В игре и вне игры».*

## Добрый молодец

«Это какой-такой Толстых? Ах, Николай Александрович? Сейчас мы посмотрим, какой это Николай Александрович! Ну-ка, покажите нам этого Толстыха...

За «Динамо» играл? Что вы говорите? Не помним. Мало ли кто за «Динамо» играл. Мы и сами кое за что играли!

Какой? Какой? Вот этот? Вот этот? Рыженький? Щупленький? В пиджачке? Да мы этого Александрыча без соли съедим! Студентик...

Ну насмешили! Ну Москва! Что ж, видать, полный швах в Москве с руководителями.

1992 год на дворе. Перестройка! А нас все за дураков держат, за нос водят! Разве это — «Александрович»? Недоразумение одно.

Ну-ну, давай, парень, покажи себя!..»

\* \* \*

«Парню» в 92-м едва исполнилось 36, и подобные речи, речи футбольной провинции, вдруг, в одночасье подкинутой временем к самым верхам, к ломам, креслам, ею никогда ранее не занимаемым, пожалуй, имели свои резоны.

Крушение великой державы, ломка привычного порядка, развал всех, в том числе и футбольных, союзных институтов сладко кружили головы новым мессиям. Уже само нахождение в одном зале с великими означало признание их прав. Прав на самоуправление, законное участие, мнение, а там, глядишь, — и подумать страшно, — на власть!

Нет уже советского футбола, есть российский футбол! А российский футбол — это мы, вечные памятники первой и второй лиге! Это раньше о нас вспоминали раз в месяц, по санитарным дням,

это раньше пописывали про нас где-нибудь в уголке самым мелким на свете шрифтом.

Словом, даешь! Кто будет давать и зачем, кому и что — разберемся после. Главное — даешь! Нас много, а Москва — одна, поэтому даешь, даешь, даешь! В воздухе носились искры российского футбольного бунта — кровавого, дурного и бессмысленного, как все российские бунты.

В этой грозовой обстановке и вошел во власть Николай Толстых. Вошел по представлению Вячеслава Колоскова, который хладнокровно разобрался в происходящем. Хладнокровно и исторически грамотно. Если не можешь подавить бунт — возглавь его!

Роли были расписаны верно, и главная отдавалась 36-летнему динамовцу. По замыслу сценариста он должен был принять на себя первый удар стихии, стать своеобразным волнорезом, щитом, мишенью на пути разгулявшейся черни. Выживать в финале не предусматривалось!

Вернее, это становилось личным делом героя, ведь герои отечества долго не живут. На то они и герои. Им уготована долгая жизнь после... Потом.

\* \* \*

Став президентом профессиональной футбольной лиги, президент футбольного клуба «Динамо» (Москва) Николай Толстых очень скоро удивил всех, за него голосовавших. Самое поразительное, что он сумел удивить и «товарища первого» — Вячеслава Ивановича Колоскова, человека, к удивлению явно не склонного.

Вместо послушного, покорного, игрушечного, карманного временщика на футбольный пьедестал страны легкой молодой походкой вошел не исполнитель царской воли, но творец ее, не робкий на слова и дела подчиненный, а непосредственный руководитель, не герой-одиночка, обложенный, аки волк, охотничьими флажками, но создатель организации, им управляемой и контролируемой, причем организация эта, деятельная по сути, оказывала явственное доверие своему руководителю — Николаю Толстых.

Было отчего призадуматься! И Вячеслав Иванович призадумался, и призадумался, как всегда, без ошибки. Свои отношения с Николаем Александровичем он выстроил как корректные, уважительные, ровные, по принципу «худой мир лучше доброй ссоры».

Охотно пеняя Николаю Александровичу за малейшие промахи и ошибки, в главных, принципиальных, острых вопросах Вячеслав Иванович недвусмысленно поддерживает Николая Александровича, поддерживает, ибо понимает — Николай Александрович нужен, не всегда приятен, но нужен, обойтись без него трудно, а может, подчас и невозможно.

Стоит заметить, что сей «брак по расчету» оказался полезен отечественному футболу. Полезен с точки зрения налаживания новых основ — внутренних и международных. Едва не потонувший в дебрях псевдодемократической анархии, в организационном смысле российский футбол даст фору многим отраслям отечественного хозяйства. Причем не только спортивного.

\* \* \*

Норов и хватку молодого президента руководители свежееиспеченных профессиональных клубов почувствовали не сразу. Не сразу в первую очередь потому, что привыкли по старой российской традиции доверять лишь собственному опыту, окрику в свой персональный адрес, рубцу на собственной шкуре. Шкура соседа не вызывала большого доверия: мало ли что там у них не сладилось, мы псковские, мы прорвемся! И вообще наша шкура крепче.

Оказалось, однако, что подход к ходакам общий — и к тем, кто прочитал Регламент, и к тем, кто не собирался его читать, и даже к тем, кто отродясь ничего не читал за неимением времени, бессрочно находясь на аккордно-футбольной вахте, как в море.

Оказалось, что щедрые презенты, начиная от омулей и икры и заканчивая халвой и коврами, перестали пользоваться в Москве всяким спросом и в верха ПФЛ с ними лучше не соваться.

Чемоданчики и мешочки с прилежно упакованными в них дензнаками больше не помогали «решать вопросы». Вопросов было много, как и всегда, но раньше они решались, а теперь нет! Вместо уважительного разговора в кабинете слышалось металлическое: «Значит, так! Какая просьба!..» — и приходилось выметаться несолоно хлебавши.

Приходилось возвращаться к себе и читать «Регламент российских соревнований по футболу среди нелюбительских команд». Есть мнение, что подобный ликбез уже принес кое-какие плоды: в высшей и первой лигах две трети участников читали хотя бы выдержки.

Одним словом, к концу 1993 года именем Николая Александровича провинция пугала непослушных детей, уверенно произнося его имя и отчество, словно был он не далеким московским начальником, а родным и привычным участковым.

\* \* \*

Его признали. Скрипя зубами, но признали. Словоохотливый нижегородец Валерий Овчинников бросил в зал знаменитое: «Уж вы-то знаете, как я не люблю Толстых, как я выступал против Толстых, но... сегодня я говорю, я голосую за Толстых, лучшего сегодня нам не найти!»

Видимо, так рассуждали и прочие недруги Николая Александровича, которые, не скрывая неприязни к нему, в последний момент складывали оружие и голосовали «за». По крайней мере, ежегодные мятежи против президента ПФЛ, охотно тиражируемые прессой, так и оставались мятежами, а их участники — неопытными заговорщиками-дилетантами.

К имиджу неподкупного Робеспьера Николай Александрович добавил и имидж бесстрашного Марата. Это ему назначили «стрелку» самые организованные люди в России, это в его сторону направлялся ствол, и не где-нибудь, а в коридорах стадиона «Динамо», это ему пришлось посетить Джохара Дудаева, еще не врага, но уже и не друга Москвы, в поисках личной, дудаевской гарантии

безопасности на футбольных полях Чечни. Это ему принадлежат слова: «Сегодня за футбол у нас могут убить», это ему прикомандировывали телохранителя, это у его кабинета располагалась вооруженная охрана.

И он соответствовал этим образам! Он научился держать удар под прессингом дальних и близких соперников: бойкого фехтовальщика Романова, зрелого велосипедиста Сысоева, думского усача Горюнова и многих, многих других, о которых знает лишь он сам.

Он постиг это искусство — искусство управлять, разделять и властвовать, топить неприятелей в ими же приготовленном омуте, перешагивать через людей, отслуживших свое.

\* \* \*

Раньше казалось, что объективная сложность положения Николая Толстых заключена вовсе не в двух стульях, на которых одному столь нелегко усидеть. Сложность положения Николая Толстых — в его вечной раздвоенности, существовании в двух ампула, ампула чиновника и футболиста, человека, стоящего над этим миром, но выросшего из него и находящегося в нем.

Не в этом ли, в частности, таится главная причина «дела Чеботарева»? Толстых-футболист не потерпел явной несправедливости на футбольном поле, дал волю чисто игроцким эмоциям. Толстых-чиновник воспользовался властным авторитетом и нанес весомый удар по своей до того не запятнанной репутации.

\* \* \*

Интерес к личности Николая Александровича понятен, его деятельность протекает у нас на глазах, она не сопряжена с далеки ми заграничными вояжами, но сопряжена с постоянными битвами, она на виду, и приметы ее — приметы российского футбола.

Чутьочку утрируя, можно утверждать: Колосков работает, чтобы жить; Толстых живет, чтобы работать. Вторая позиция у нас

традиционно непопулярна, она вызывает усмешки особенно передовых товарищей. Вызывает всегда, а уж тем более в адрес тех, кто гребет против течения, отказывается от того, что плывет в руки, предлагает доселе невиданное, пусть и хорошо освоенное где-то там... Господин Аль-Халиди однажды заметил: «Да будь я президентом лиги, мой «Асмарал» чемпионом страны стал бы!»

Не думаю, что сей бизнесмен переживал за «Асмарал» больше, чем Толстых за «Динамо». Но прошли сезоны, исчезли «Асмарал» и Аль-Халиди, а «Динамо» в чемпионах не ходило. И стадион динамовский никак не удавалось перестроить в суперсовременный, отвечающий международному уровню. И никаких президентских привилегий «Динамо» как-то не достается, не просматривается, что бы там ни судачили злопыхатели.

И в конце концов власти предержавшие поставили результат в вину. Посчитали, что «Динамо» справится и без Николая Александровича. Это был жестокий, жесточайший удар...

А тут и новые хозяева клубов активизировались. Во главе создающейся премьер-лиги они видели более, скажем так, гибкого человека. Гибкостью Николай Александрович не отличался и получил новое направление — поднимать остальной российский футбол где-то там, далеко от центра. В первых и вторых лигах... Почетная ссылка? Я боялся, что он сломается.

\* \* \*

Но вот прошла пятилетка, и один мой знакомый, человек щедрый и любящий подтекст, сделал мне подарок.

В аккуратной коробочке аккуратно упакованный значок. На зеленоватом фоне причудливо собранные в единство буквы: «15 лет ПФЛ».

Раритет, понял я, или, во всяком случае, актиквариат самого ближайшего времени.

Побегают коллекционеры за этим значечком, ох как побегают. А как же иначе? Пока страна возбужденно готовится к решающей,

как всегда, европейской битве, профессиональные клубы, раскинувшиеся от Балтики и до Находки, потихоньку привыкают жить по футбольному закону. Учатся строить современные стадионы, цивилизованно встречать судей и соперников, учатся чтить Регламент, который сами и принимали.

К своему новому делу — обустройству футбольной России — Николай Александрович подошел так же строго и делово, как раньше к управлению элитой. Только вместо 16 клубов у него стало 200.

Он и не подумал ломаться. Он засучил рукава, чтобы объясняться с губернаторами, бандитами, бизнесменами, руководителями, судьями, игроками. И очень скоро его узнали и приняли здесь, от морей до самых до окраин, приняли, вынеся простой вердикт: «Крут Николай Александрович! Крут. Но справедлив... Будем работать».

Высокая правительственная награда лишь подтвердила его вклад в развитие футбольного дела в стране. Встречаю его порой, поражаюсь — как успевает, не устает, не меняется? Как сохраняет исторический оптимизм? Надо бы взять рецептик...

*Толстых Николай Александрович родился 30.01.1956 в Москве. Полузащитник и защитник, воспитанник «Динамо» (Москва). В чемпионатах СССР — 126 матчей, 6 голов. С июля 1992 года — президент Профессиональной футбольной лиги. С 1992 по 2002 год — генеральный директор, президент ФК «Динамо» (Москва).*



## Газзаев и чудеса

Поначалу не то чтобы не поверил, а вот как-то внутренне не осознал: Газзаеву — 50?! Я даже слазил в энциклопедию для порядка. Пресс-атташе клубного переспросил. Тот уточнил: «Юбилейных интервью не предвидится. Не до того...»

А я как-то и не рассчитывал на интервью. Что я, Газзаева не знаю, что ли? Если хотите, перед «Глазго Рейнджерс» я бы и сам от интервью отказался. Тут «Рейнджерс» на носу, а вы с пустяками пристаёте... А потом еще и охаивать будете... Ну вас всех!

От него всегда ждали чудес, и сам он, по-моему, в чудеса верит. Он даже готов, если надо, эти чудеса организовывать. Жаль только мешают всякие...

На борьбу со «всякими» у него всегда уходило много сил. В динамовском нападении Газзаев был заметной, центральной фигурой, он много назабивал, призывался в сборную, входил в списки лучших по итогам сезона и запомнился постоянными спорами с арбитрами.

Форвард Газзаев любил, как говорили трибуны, поводить себя, а потому и по ногам получал частенько. Если судейский свисток молчал, то парень в синей майке, выбираясь из-под соперника, молчать не собирался. Тут были и спурты к судье, и красноречивые позы, и долгие разбирательства. Были и карточки за разговоры.

В те времена не любили проявления индивидуальности. Точнее сказать, не одобряли. Получил по ногам — терпи, это футбол, а не балет — так рассуждали болельщики, а особенно те, кто не болел за «Динамо». Эксцентричность Газзаева добавляла ему популярности, но популярность эта не всегда была со знаком плюс.

Вспоминаю, как перед игрой с ЦСКА фанат красно-синих из последних сил выдавал на-гора кричалку собственного сочинения

про то, какой молодец Аджем и какой... не молодец Газзаев. Из вражеского стана фигурировал именно Газзаев, не Бородюк, не Гонтарь, не Толстых... Кричалка, по нынешним временам совсем безобидная, категорически не приглянулась милиции. Фаната вывели под руки, а персонаж кричалки забил ЦСКА метров с восьми.

Газзаев тех лет мне запомнился именно в штафной, в окружении защитников, в момент, когда все ждут от него передачи, а он накручивает, накручивает и находит лазейку для коварного, каверзного, неожиданного ударчика. Свои голы он отмечал обязательно!

Пожалуй, он входил в десятку лучших форвардов своего времени, и трудно припомнить матч, где бы от него не исходила опасность. Он был, как признавались защитники, неудобным соперником — быстрым, техничным, злым.

Болельщики ЦСКА восторгались Оличем. Доложу вам, наставник Олича половчее был...

Тренерская ипостась Валерия Георгиевича посложнее игроцкой. Шишки здесь набивались изрядные. Кавалерийские, лихие наскоки не проходили.

Вот молодой, азартный человек в белой рубашке, при галстукке эмоционально рассказывает о силе пяти своих нападающих. Он говорит, что футбол — это атака, и собирается играть с тремя, а то и с четырьмя форвардами. Если надо, говорит Валерий Георгиевич, еще не привыкший к отчеству, выпущу и пятого! И тут слышится лукавый вопрос Михаила Иосифовича Якушина:

— Я только не понял, Валера, кто у тебя мяч отбирать будет? Прежде чем атаковать, я слышал, надо мячик у себя иметь...

Молодой наставник сбивается, авторитет сидящего в уголке Якушина слишком тяжел для него.

В коротком рабочем разговоре его с Романцевым, свидетелем которого я оказался, клянусь, случайно, Газзаев робко спрашивал и охотно соглашался. Романцев что-то небрежно рассказывал о манере игры «Уралмаша», Газзаев сосредоточенно кивал, мол, понимаю, согласен...

Но уже тогда обыграть Романцева было для него задачей №1! И не просто обыграть, а именно перехитрить, перезабывать, передумать. А Романцев забивал ему три, четыре, пять мячей и вроде без особых усилий...

А отставка в динамовском пресс-баре?! На фоне элегантного немецкого специалиста, после шести домашних мячей от «Айнтрахта»? Никто не решился бы на такой поступок, а Газзаев решился. И тут же объявил об этом прессе и ушел.

Почетная ссылка из ЦСКА в год долгожданного чемпионства — тоже трагедия. Под улюлюканье прессы он не приходит на награждение, он не получает в переполненном зале золотую медаль, он замолкает надолго, не позволяя себе комментировать решение руководства.

Кажется, лишь дважды за то недавнее время он дает интервью, одно — по телевидению, одно — для «Футбола». В обоих случаях интервьюеры тонко льстят, напевают на общие темы, и он легко солирует в разговоре, ничего, впрочем, не обещая и не интригуя, как наш вечный и заслуженный отставник.

Забавно, но первые телеинтервью с ним получались плохо. Газзаев слишком старался, слишком пыжился, повторяя надо или не надо полюбившиеся обороты — «так сказать», «может»... В последнем слове он добавлял по-народному мягкий знак. Выходило и вправду смешно. Давно это было.

«Айнтрахт» словно перечеркнул победу над «Торино» в четвертьфинале Кубка УЕФА и завершил его первый тренерский этап на минорной ноте. Европейские фиаско многому научат Газзаева.

Он довольно быстро научился выбирать команды. Он понял, что работать надо там, где есть деньги, а значит, есть реальный шанс на успех. Слава его началась с «Алании», но болельщик не забывал добавлять — на команду работала вся республика. Золото ЦСКА сопровождалось обязательным дополнением — «конечно, Гинер купил весь российский чемпионат, он не успел купить только македонский «Вардар».

На мой взгляд, пристального внимания заслуживает второй

приход Газзаева в «Аланию», команду уже скромного достатка. При нем «Алания» заиграла по-новому, не так, как играли южные команды, не так, как играли раньше команды Газзаева. Жесткость и сильные фланги, давление на соперников и судей, прессинг и прихват в центре поля — все это он разовьет в ЦСКА на более высоком исполнительском уровне.

А тогда новая «Алания» не понравится, и бравый журналист найдет для нее едкое историческое словосочетание, и, пожалуй, попадет в цель, и вызовет гнев наставника, который, сколько помнится, подаст в суд и на газету, и на журналиста.

Валерий Георгиевич по примеру многих коллег делит прессу на свою и чужую, своей он доверяет и не читает ее, а чужую читает и видит в ней происки врагов. Врагам он не прощает и может указать пресс-атташе и руководству на необходимость действенной борьбы с темными силами. Справедливости ради! «Враги» Валерия Георгиевича так увлекаются хвалой в его адрес, что не сразу замечают изменения футбольной ситуации. Тут они спешат перестроиться и обрушивают на голову тренера тяжеловесные упреки. Легко понять Газзаева: «Ведь этот ротозей на прошлой неделе хвалил меня до небес! У него что, крыша поехала?!»

Последний такой случай наблюдался с его, газзаевской, сборной. Уровень похвалы после победы над входящей в сезон Ирландией зашкаливал за все допустимые нормы. После Грузии начался свист. Более всех в роли Соловья-разбойника отличился именно тот, плачущий от восторга после Ирландии молодец...

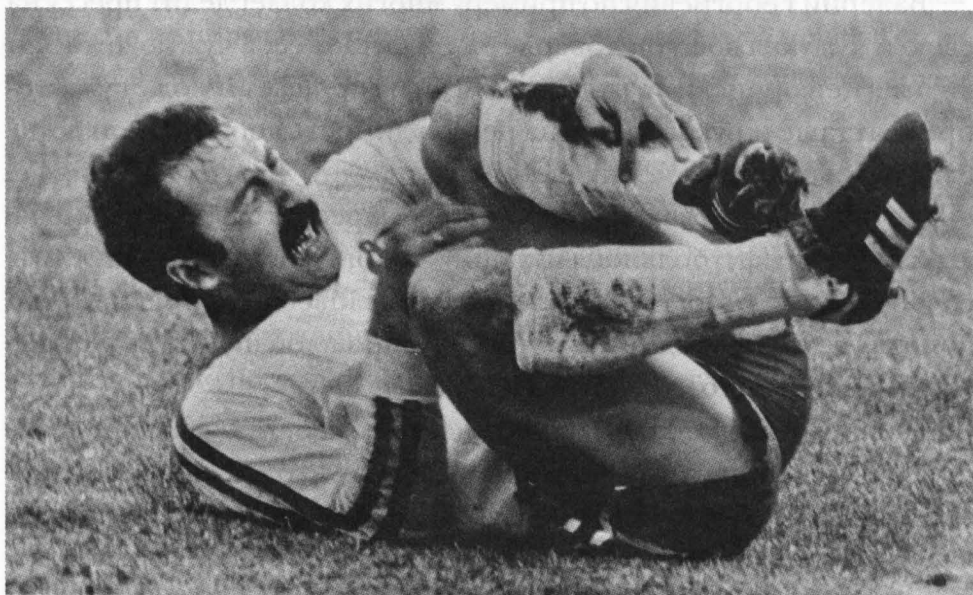
Иная штука, что шлейф от побед Валерия Георгиевича наблюдательная пресса нет-нет да отметит. И это ему не нравится. Вот Наполеон, тот честно признавался — победа любой ценой! Любой. За призами типа фэйр-плей Наполеон не гонялся. На шлейф внимания не обращал, знал, испарится в истории.

Досужие коллеги продолжают обращать внимание на его экспрессию у бровки. А пора, мне кажется, заметить его рост, изыск, его слово в профессии. Вслед за онегинским дядей Газзаев заставил себя уважать и, я думаю, способен выдумать еще много чего.

Что бы пожелать Валерию Георгиевичу?

Улыбайтесь, Валерий Георгиевич, улыбайтесь! Вы ведь работаете в футбольном ЦСКА, а не в оборонном предприятии, в конце-то концов!

...Лет через пятьдесят, а может, и раньше, о газзаевской армейской команде сложатся мифы, в которых правду будет сложно отличить от вымысла. У меня нет сомнений, что будет именно так, потому что достижения ЦСКА в 2005 году и сегодня похожи на сказку, а уж через десятилетия... Победа в Кубке УЕФА. Это ли не чудеса?



*Газзаев Валерий Георгиевич, родился 7.08 1954 в г. Орджоникидзе. Нападающий, тренер. Выступал за команды «Спартак» (Орджоникидзе), СКА (Ростов-на-Дону), «Локомотив» (Москва), «Динамо» (Москва), «Динамо» (Тбилиси). Победитель молодежных чемпионатов Европы – 1976 и 1980 гг. Забил за карьеру форварда 118 голов. 8 матчей за сборную СССР (4 гола). В качестве тренера приводил к золотым медалям чемпионата России «Аланию» (Владикавказ) и ЦСКА – трижды. Обладатель Кубка страны и как игрок, и как тренер. В 2005 году под руководством Валерия Газзаева столичный ЦСКА впервые в истории отечественного футбола выиграл Кубок УЕФА.*

## Лавочка Булгакова

Андрей Баль оказался плохим пророком. Когда их молодежка выиграла «золото» на Европе, Баль предрекал Чернышову «Милан». Как только сойдет Барези, им и делать ничего не останется, как Чернышова сватать, вполне серьезно витийствовал Баль, и думалось: «В самом деле? Чем... Баль не шутит? А?» Хорошо думается после победы, хорошо мечтается в 22 года, когда все еще впереди, когда есть место в основе, когда восстанавливаешься после игры легко и быстро, когда тренер тебе доверяет.

\* \* \*

Летом он поигрывал за Ногинск, за четвертую, кажется, лигу, и слова Баля — памятные навсегда — вспоминались без боли. Прошло семь лет, прошла жизнь игрока, а давешние мечты не бередили раны, не царапали, словно и не касались его вовсе, словно существовало два Андрея Чернышова. Один из которых растворился во времени, а другой — вот он, спокойный, улыбчивый, в легких тапочках на босу ногу, будто пенсионер, посиживает на Патриарших и вспоминает Воюнда: «Здесь это было? Здесь. На этом вот самом месте. Но только не со мной, не-е-е, не со мной, точно».

*«Футбол для меня очень долгое время был не работой, не заработком, не игрой, а чем-то духовным».*

*(Из интервью)*

Поначалу Адамас Голодец не возражал. Конечно, пусть Андрей тренируется. С динамовским дублем и Кульков, и Юран, и Шалимов тренировались, а тут свой, разве может быть иначе. Нет проблем, как говорится, стоит лишь подойти к Петрушину, время тре-

нировки узнать. Время-то он узнал, да вот «Динамо», как на грех, проиграло «Локомотиву» из-за ошибочки Яхимовича. И проблемы с тренировкой возникли. Тренер дубля Алексей Петрушин ничего об этих проблемах не знал, знал лишь, что Голодец не хотел бы Чернышова в Новогорске видеть. Почему — неизвестно, не хотел бы, и все. Стоило ли звонить Толстых по такому пустячному поводу, самого президента ПФЛ беспокоить? Раньше бы воспитанник СДЮШОР «Динамо» Андрей Алексеевич Чернышов не преминул обидеться, а теперь... Пригласили за Ногинск побегать, ребята там собрались играющие — что еще надо, Ногинск так Ногинск.

Опять же журналюги прописать не забыли, что играет он по стабильной ставке — 200 баксов за матч, независимо от результата, что, конечно, без внимания в команде не осталось, но и здесь опять же стоит ли обижаться на чепуху? Он и условий никаких не ставил, только на тренировки рассчитывал, а уж так неспортивно поступать, чтобы получать независимо от результата?!

Для того ли он провел 73 матча в чемпионатах СССР, чтобы по такому вот смешному поводу шум поднимать? Смешно.

Вот в ЦСКА приглашали — это серьезно. Так ведь и он им серьезно ответил, сказал, что собирается подписать контракт в Европе, что рассчитывать на него не стоит, особенно если есть варианты и если время дорого. А когда контракт подписал, позвонил в ЦСКА сам и подтвердил — на него не рассчитывайте. И поблагодарил за приглашение. Странно, но в ЦСКА, кажется, удивились его звонку, странно, ведь он по-другому и не мог поступить — оставлять людей в неведении неприлично, разве не так?

Чего ж они удивлялись? Странно.

*«Я думаю, должно существовать понятие — игрок сборной».*

*(Из интервью)*

За сборную страны он провел 29 матчей, но многие помнят почему-то лишь два трагических эпизода с его участием. Выход один на один в игре с Италией («как это мяч попал вратарю в локоть, я

до сих пор удивляюсь?!») и рикошет, голевой рикошет после удаления шотландца по нашим воротам («Харин ни разу мне об этом не напомнил, а другие только и делают...»). Так вот, игра сборной не удивила да и удивить не могла. Вот если бы она там что-нибудь выиграла... Удивляет, как пишут о сборной — то трагедия, то пафос! Играем между тем то с Кипром, то с Израилем, то с Люксембургом. С чего бы шуметь в самом деле? Другое странно — постоянно меняющийся состав команды, причем речь не о двух-трех игроках, а сразу о пяти-шести. И это в официальных матчах! Разве так поступают немцы, итальянцы, французы? Да и у нас испокон веков существовало понятие — игрок сборной. Да, я мог один матч сыграть хуже, другой — лучше, но я знал, я игрок сборной, и я готовил себя к играм на высшем уровне, я и был уверен в себе, я знал, что меня поставят не за день перед матчем, а за месяц до него. И в сборной был коллектив, была основа, команда была. Сейчас же в Новогорске что-то вроде пропускного пункта. Только и читаешь: «До самого последнего момента я не знал, поставят ли меня тренеры завтра на игру или нет». Как же так? Такая болтанка мешает и к самой игре готовиться. Думаю, человек 8—10 должны по праву быть в основе сборной, должны всегда чувствовать себя игроками национальной команды, как это и делается во всем мире. У нас же, как мне кажется, так могут себя чувствовать лишь двое — Онопко и Никифоров. А уж с вратарями — тем более. Вратарь должен знать, что ему доверяют, что именно он — номер один. А как иначе? Вот я об этом говорю долго и нудно, а разве Англия не доказала мои слова? Разве чехарда с составом и сменой голкиперов не помогла, не способствовала нашему провалу на Европе? Так почему не сделать выводов? Между прочим, на обстановке в сборной такой порядок вещей скажется самым благотворным образом. Чтобы попасть в основу, надо быть на голову выше конкурента. Выше по игре, а не по фотографии в газете.

Конечно, это мое мнение, я на него право имею, но навязывать его никому не собираюсь.

*«Доверие выпросить невозможно».*

*(Из интервью)*

По долговому с ним знакомству, по взаимному, как мне кажется, расположению, свидетельствую: своим мнением он дорожит очень. И не раз страдал и терпел за эту последовательность: слово — дело — слово — дело. Вспоминаются и его разрыв с «Динамо», и письмо команды против кандидатуры Бескова, и уход из «Спартака» обратно в «Динамо», и брошенная майка на рядовой тренировке, и уход в раздевалку после критики Константина Ивановича, и защита увольняемых из команды доктора и массажиста, и полугодичное «нет» самым пронырливым репортерам, и рядовой, в общем-то, случай на одной из футбольно-журналистских тусовок.

Журналист не рассчитал сил. Он принял на грудь слишком много, чтобы безукоризненно верно промаршировать по ночной Москве до метро, а затем и до дома. Как водится, цеховой солидарности не наблюдалось. Человек качался и терял силы. Чернышов, тоже приглашенный на огонек и уже было отъехавший от роскошного подъезда, тормознул, аккуратно дал назад и без особых усилий расположил мастера на заднем сиденье. В ответ на мой вопрос смущенно пояснил: «Заброшу его, нам почти по дороге».

Однажды, с горечью говоря о непростой атмосфере в «Динамо», дружески предостерег меня: «Ты что, все это писать собираешься? Смотри, станешь невыездным».

Одно из преимуществ тамошнего, западного футбола выразил так: «Понимаешь, там лучше. Там я не думаю, надевать мне на теоретическое занятие носки или нет». Я засмеялся, а Чернышов сурово заметил: «Вот ты смеешься, а Тетрадзе разок пришел к Бескову на теорию без носков и... оказался весьма средним футболистом. Посмотрел бы ты на Омари, когда ему объяснили, в чем дело! Плакать надо, а не смеяться». Хотя посмеяться Чернышов любит и улыбается часто.

*«В жизни есть вещи поважнее футбола».*

*(Из интервью)*

Когда Романцев перестал ставить его в основу, а сменивший Бышовца в сборной Садырин предпочел ему других футболистов, Чернышов пережил сильнейший духовный кризис. Почувствовал себя ненужным, лишним, брошенным. Подъем кончился тупиком. Хуже всего было то, что рядом не было человека, который доверял бы ему. Он перешел в «Динамо» с настроением доигрывать, но привычка хорошо делать свое дело, работать «от» и «до» оказалась неистребимой.

Тренировка «Динамо» заканчивается. Среди трех футболистов, остающихся на поле, и он, длинноногий, легкий, черноволосый, в синей промокшей от пота футболке. Минут пять в одиночку работает с мячом. Еще пять минут под внимательным взглядом неведомого мне человека с сеткой. Последний явно торопит Андрея и наконец, не выдерживая, первым успевает к мячу, укладывает его к остальным и с чувством выполненного долга поспешает на выход. Чернышов, на секунду застыв, направляется следом. Я вспоминаю героические рассказы из прошлого. Рассказы о футболистах, часами остававшихся на поле после тренировки. Видимо, люди с сетками тогда тоже были другими.

Бесков не поставил его на матч в Мадриде. К «Реалу» Андрей готовился истово, несмотря на легкую травму, работал на уколах, чувствовал себя в форме и... не увидел своей фамилии в списке команды. Ни в основе, ни в запасе. Позвонил жене, чтобы не волновалась. В Мадриде он окончательно решил уходить, тем более что предложения были. В английском «Шеффилд Уэнсдэй» он не остался лишь потому, что хотел играть либеро. Клубу требовался левый защитник, и, отыграв на этой позиции два матча, один именно против «Реала», и заслужив лестные оценки тренеров, он предпочел ожидание выгодному контракту. Оказалось, что ждала его Австрия, скромный «Штурм» из альпийского Граца.

*«Тренера, который мне доверяет,  
я подвести не могу».*

*(Из интервью)*

В «Штурме» он пришелся ко двору, русский Андрей быстро завоевал популярность у болельщиков и журналистов, легко вписался в команду и был оценен тренером. Югослав Осим, тот самый, что вывел последнюю югославскую сборную на Европу, отстраненную от финала ООН и ФИФА по мотивам политическим, неспортивным, видел в Чернышове одного из лидеров команды. В такой атмосфере доверия Чернышов не был со времен Бышовца. С его приходом «Штурм» не проигрывал 17 матчей подряд, впервые в своей истории, и завоевал второе место в чемпионате и — тоже впервые — Кубок Австрии.

Агенты Андрея настойчиво твердили о предложениях из Франции и Германии. Названия клубов — «Осер», «Айнтрахт» — звучали весьма и весьма привлекательно. И главное, он чувствовал в себе силы, знал, что готов еще поиграть на более высоком уровне, отдавал себе отчет, что это последний шанс попробовать подняться. 28 лет — это последний шанс для большинства футболистов.

Всплыло вновь давнее: «Чем... Баль не шутит?» Тем более поползли не отвергаемые и не подтверждаемые никем слухи о скором уходе Осима. Агенты начали конкретные поиски, и он оказался... в Греции.

— Это была ошибка, Андрей?

— Да, это была ошибка.

— Деньги?

— Деньги сыграли свою роль. Было бы смешно, если бы я отрицал очевидное. Однако главное было в том, что мне хотелось уйти в более сильный клуб. Когда выяснилось, что с «Осером» и прочей Европой ничего конкретного не выходит, я упрямо продолжал надеяться. Когда всплыл ПАОК, я решил: «А что? Популярный клуб, участвует в УЕФА, греческий футбол на подъеме — пойду!» Тем более Осим уходит. Когда говорил с ним, он одобрил мой выбор.

Ошибка моя в первую очередь была в том, что в Греции я до этого ни разу не был.

— По-моему, ты и не сыграл там толком?

— Точно. «Штурм» хотел за меня 350 тысяч долларов. Но ПАОК выяснил, что на меня распространяется дело Босмана, а потому можно обойтись куда меньшей суммой. Когда контракты были подписаны, выяснилось, что греки в УЕФА все узнавали неофициально, а официальный ответ был таким: на меня дело Босмана не распространяется. В самой же команде было не пойми что. Игроки делились на две группы: греки и легионеры. Вначале греки сплавляли тренера-шведа, который меня и пригласил. Проиграли 0:5 и шведа убрали.

— Но ты понял, что идет сдача?

— После второго гола понял. Греки нам, легионерам, ничего не говорили, наоборот даже, настраивали нас до игры — вы, мол, давайте сегодня... Раньше такого не было. Затем поставили грека, который ставил одних греков. Я не играл, тем более весь этот шум пошел: платить за меня или нет. И наконец, пришел третий тренер, который навел порядок, перестал делить команду на своих и чужих, и с ним ПАОК взял третье место. Ну, а я к тому времени уже был свободным агентом и вел переговоры с клубом первой бундеслиги из города Фюра.

— Как же ты на него вышел?

— Клуб мне нашла жена. А чего ты удивляешься, в Германии это очень распространено. Оля оставалась в Австрии, обзавелась знакомствами и нашла мне клуб. Я ее деловым качествам не удивляюсь, ее предки приехали в Россию из Европы, так что...

— Так что, доигрывать едешь?

— Да, теперь уж никаких фокусов. Можно сказать, последний флирт Андрея Чернышова. Звали меня в Австрию, в Грац, там есть еще один клуб — лютый враг «Штурма». Сам посуди, мог ли я туда пойти? Осим остался-таки в «Штурме» и пригласил на мое место Иванова, либеро болгарской сборной. С Осимом я поддерживаю

отношения, считаю, повезло, что удалось поработать с таким тренером. Одним из лучших в Европе, по моему мнению.

— По крайней мере, ты теперь знаешь, что такое хорошо и что такое плохо.

— Это верно. Я теперь могу отвечать на вопрос типа: «Разочарование года?» — «Отъезд в Грецию». — «Удача года?» — «Отъезд из Греции». Почему ты такие вопросы не задаешь, а?

\* \* \*

Он улетел в Германию доигрывать, заметив напоследок, что российский футбол все еще питается плодами советской школы и что молодых игроков как-то не видно. Он будет играть в первой немецкой бундеслиге на пару с Юрием Савичевым, таким же недооцененным на родине представителем советской футбольной школы.

Думаю, что зимой, когда Андрей наведается в Москву, мы вновь посидим с ним на Патриарших прудах и повспоминаем пророчество Андрея Баля, которое не сбылось, да и было сказано совсем в другой жизни, да и было ли сказано вообще, и в этих воспоминаниях не будет боли: «Здесь это было? Здесь. На этом вот самом месте. Но только не со мной, не-е-е, не со мной, точно».

\* \* \*

Потом прошли годы, он приступил к тренерству, и как-то мы вновь сидели на булгаковской лавочке, и я уговаривал его не идти в «Спартак», хотя понимал, что в «Спартак» зовут только раз в жизни.

С тех пор давненько не виделись, он уезжал на работу в Грузию, Белоруссию, теперь вот в Брянск, и я отчего-то уверен, что совсем скоро он позвонит и назовет место и время встречи. Конечно, приду...



Чернышов Андрей Алексеевич родился 7.01 1968 в Москве. Воспитанник футбольной школы «Смена». Центральный защитник. Выступал за команды «Динамо» (Москва), «Спартак» (Москва), «Штурм» (Австрия), ПА-ОК (Греция), «Фюрт» (Германия), сборную СССР – СНГ – России. Чемпион России 1992 года. Участник чемпионата Европы-1992, победитель молодежного чемпионата Европы-1990. Тренировал молодежную сборную России, «Спартак» М, «Динамо» Тб. Ныне возглавляет команду первого дивизиона «Динамо» (Брянск).

## Последний кумир

Безвременно ушедший от нас журналист ИТАР-ТАСС и РТР Миша Пителин как-то рассказывал мне, что в его дворе Димку Харина большие дядьки побили, побили за переход из «Торпедо» в «Динамо».

Наши дворы располагались по соседству, и ничего похожего на рассказанное мне слышать не приходилось. Услышав вдруг, много позже, Мишину эту историю, я в нее не поверил и не верю по сию пору, пусть уж Миша простит меня.

А подумалось тогда вот что. Не был ли переход Харина той самой первой, а значит, чудовищной утратой, изменой в жизни коломенского паренька, страстного футбольного болельщика, каким был Миша?

Я-то, к примеру, такую «измену» в своей жизни прекрасно помню, помню и никогда не забуду: «измена» эта — переход Анзора Кавашвили из «Торпедо» в «Спартак». Было это давно, на улицах судачили, что первые грузины появились в нашем районе вслед за Анзором, раньше их тут никто и не видел, разве что на рынке, да и то грузины ли это были? Однако я переживал сильно, я не понимал, как это можно уйти из команды, которая стала своей и в которой столько сыграно и как сыграно, как можно уйти из семьи к чужим людям, пусть даже носящим гордые красно-белые цвета?

Мише я тогда возразил, а он заговорил по привычке быстро, еще, еще быстрее, глотая слова и доказывая свою правоту так искренно, что получалось уже, что он сам был свидетелем Димкиного унижения, подробности росли, наталкивались одна на другую, кровь виделась, алела на носу и губах, и... я окончательно не поверил Мише.

Тем более что наши дворы были почти по соседству...

\* \* \*

Как теперь понимаю, «свойскость» Харина, то, что он с юных лет — свой, земляк, ходит по одним с тобой улицам, покупает что-то в тех же магазинах, ездит, возможно, в тех же автобусах, заставила очень многих людей (и меня в том числе) отнестись к нему, к его появлению в футболе особенно пристально, особенно внимательно.

Ведь это про него судачили старики-болельщики на низеньких трибунах стадиона ГПЗ, где на черном гаревом поле, не щадя ног, локтей, голов, бились на первенство Москвы клубы. «Наш» — вот было главное слово в его адрес. Наш значило не только местный, «наш» значило свой, рабочий.

Когда вратарь сборной страны, олимпийский чемпион Дмитрий Харин упорно продолжал именовать себя в интервью «чернорабочим», меня это не удивляло. Когда Харин, меняя команды, оказался в «Челси», оставив последовательно «Торпедо», «Динамо», ЦСКА, и заметил в разговоре со мной: «Торпедо» — это родина, дом, его не выбирают, но из него уходят», — мне это было понятно. Когда Харина, как казалось ему, пытались обмануть, а он в ответ сопротивлялся и называл вещи своими именами, называл прилюдно, когда он по-рабочему крыл кровопийц от футбола, я вновь вспоминал искушенных зрителей у левой бровки гаревого поля, сразу для себя вычисливших: Дмитрий Харин — свой.

Тогда это ценилось, ценилось на улице, на трибуне, в команде, теперь это, кажется, сходит на нет, и, как знать, не в этой ли перемене понятий кроется причина метаморфоз, случившихся в недалеком прошлом с командой «Торпедо»?

Получалось, что он, Харин, вовремя оставил свою малую родину.

\* \* \*

Хорошо помню свою первую встречу с ним. 1985-й, осень. У метро. Закуриваю. Мельком, выбрасывая спичку, отмечаю: вроде?.. Точно, Харин. Было дождливо, и он, ожидая кого-то, нервно обхо-

дил лужи. И двигался как-то особенно. Приглядевшись, я понял — отчетливо начинает шаг с носка. Не семенит балериной, а свободно, естественно ставит носок белой туфли в осеннюю слякоть, а затем уж перекачивается на всю ступню. Порхает. Никто его не узнавал, да и он, видно было, не ожидал ничьего постороннего внимания. А выглядел не то чтобы старше своих лет, а солиднее, увереннее, что ли... В модной и редкой тогда короткой дубленке, еще без знаменитых своих завитушек на голове.

Он напоминал персонаж заводского фильма, он завершил смену, помылся, приоделся и поспешил на свидание, деловитый, серьезный, спокойный... Он был занят. Он ждал кого-то, и я не рискнул к нему подойти. Докурил и пошел себе к автобусной остановке.

При первой «рабочей» встрече сказал ему, сказал поначалу даже на «вы»: «Знаете, долгое время вы были моим кумиром, последним кумиром в футболе». Он враз укоротил меня и придал беседе правильный тон, выдавив: «Да брось, а? Какой из меня кумир? Изменя кумир — как из ЦСКА «Барселона»!.. А почему последний?»

Когда договаривались о встрече, Харин попросил перезвонить ему минут через десять, тогда, мол, определимся. Я, естественно, перезвонил. Встреча была назначена. Потом уже он признался: «Я почему перезвонить просил? Выяснял, что ты за фрукт. Звякнул тут кое-кому... Ну, видишь, какое дело, много уж больно журналистов развелось, не успеваешь разобраться».

Вспоминаю, как на каком-то футбольном приеме он на полном серьезе втюхивал молодому коллеге, напор которого не скрывали даже фирменные дымчатые очки: «Понимаешь, какое дело! Я интервью без разрешения своего пресс-атташе давать не могу. Подписался я, понимаешь? А где я его в Москве тебе откопаю, чтобы интервью тебе дать? Он же, понимаешь, в Англии сидит, в Лондоне, понимаешь...»

И при этом хитро и вопросительно зыркал в мою сторону: «Как?» Я, признаться, не проявил цеховой солидарности, только пожал плечами.

\* \* \*

На язык Харин очень востер. Как-то в Новогорске, на традиционной встрече журналистов со сборной, когда официоз был уже позади и все разбрелись кто куда, группа «писателей» окружила Владимира Бесчастных, тихо сидевшего на лавочке с перебинтованной свежее правой ногой. «Что? Кто? Травма? Серьезно? Надолго?» — сыпалось на Бесчастных. Тот отчего-то молчал. Проходивший мимо своей вечно плавающей походкой Харин деловито заметил: «Да это его Горлукович за ногу укусил. На вечерней тренировке...»

Футбольная жизнь давно научила Харина — что, кому, сколько, когда и про что можно сказать. Учеба была серьезная, Харин с 16 лет занял место в главных воротах «Торпедо» и так и не отдавал его никому, пока не надумал уходить к Бышовцу.

Чего стоит хотя бы встреча с «Днепром», где юный голкипер метался по вратарской и штрафной, недоумевая: какого черта свои как вареные? Только в перерыве объяснил кто-то из стариков: «Не мельтеши! Их парень должен свои три положить, усек?» И парень положил свои три, и «Днепр» пропустил свои три (это дома-то!), и в СССР появился обладатель какой-то там очень почетной бутсы...

114 матчей в чемпионатах СССР — не шутка! Последняя золотая союзная медаль за ЦСКА, торпедовский Кубок 1986 года, да и динамовское трехлетие трудно отнести к неудачам. Олимпийское «золото» в финальной битве против Бразилии! «Челси», английский «Челси», им был завоеван по делу, заработан «от» и «до», выстрадан тем, что мама его определила простыми родительскими словами: «Это Димка-то злой? Он, наоборот, добрый. По нашей-то жизни... Он как определился с детства, так и тянет свою дорожку. И никаких с ним проблем у меня не было».

Я вспоминал слова Марии Петровны, наблюдая, как в маленьком киношном кафе, знакомо перекаtywаясь с носка на ступню, шустро двигался к своей девушке Харин-младший, Миша, голкипер торпедовского дубля, — в одной руке умещались фужеры и

рюмки, в другой — тарелочки с бутербродами и блюдечки с пирожными. Была зима, и предсезонка только что началась... Да и вообще дело молодое... Девушка млела от внимания, и Миша был весел, он уже вызывался за сборную 16-летних и имел титул «брата Харина».

Помню, я пошел в кинозал с четким ощущением: Диму здесь, за этими бескатертными столиками, — не представляю. Ни в 16, ни в 17, ни в 18 лет.

Дима в эти годы уже выигрывал европейское молодежное «золото». Он уже привыкал материться на полстадиона на Пригоду, Жупикова, Шавейко, Ковача, на которых и с трибуны-то было смотреть страшновато... А Полукаров?!

Сам Харин, вспоминая первые годы, с удовольствием говорил мне: «Я, главное, в «Торпедо» кем был? Мальчишкой, пацаном. А со мной, в защите, люди какие... Ну, как тебе объяснить... Они меня в обиду никому не давали, не только на поле. Главное, я для них — кто? А они и подкалывать меня мало кому разрешали. Даже в самолете... Как я их подвести мог, сам посуди? Козьмича того же? Мне доверили, значит, валяй, доказывай, что можешь. Вся жизнь в «рамке» — сплошное доказательство. И вкол.

— Ушел ведь...

— А ты бы не ушел? Это сейчас все стало можно, а тогда — армия была армией. Призвали бы, когда захотели. Я с ребятами советовался, примеры вспоминал из торпедовской жизни. Самого Никонова в ЦСКА отдали! Круглова Витю. Оба были капитаны команды... И никто ничего поделать не смог. Или не захотел. А я почему верить в прекрасную судьбу должен? Вот она, эта судьба, в варежках. Иди их допросись у администратора, если молодой... Торговать я ими, что ли, пойду? На барахолке...

— Вечно ты чем-то недоволен.

— Всем я доволен, понял?

В этом фрагменте весь Харин. Очень понятный и близкий мне человек. И если он и не говорит, что живет по принципу «не верь, не бойся, не проси», так это только не говорит, а ведь живет же...

\* \* \*

Зная уже, что за ним закрепляется реноме вечного спорщика, человека со своим мнением, он однажды не то чтоб пожаловался, но посетовал вслух: «Понимаешь, какое дело? Все у нас футболом управляют те, кто к мячу приставным шагом подходит. Они же на дальней трибуне сидеть должны! А то сколько футбольных людей в футболе работы найти не могут, а командиры всегда на местах. Тут подходит один перед «Барсой» и так ласково мне: «Ну что, мол, Дима, как настроение?» — то да се, и это минут за пятнадцать до начала! Я говорю: «Ты возьми варежки и полови пойди, вот и про настроение узнаешь!» Ну, естественно, после победы в газете обо мне только две строчки... И чего это в шахматах по-другому, а? Ни одного человека из гребли, цирка, планетария не наблюдается... Вот бы Карпову тренера-штангиста, он точно бы Каспарова обыграл! А у нас не так. Все разбираются. Все, понимаешь?»

Я его слушал, старался запомнить манеру и речь, а про себя вновь думал: как это по-нашенски: о победах коротко, между прочим, а о бедах, неудачах, сомнениях, тревогах, о том, что мучает, — возами, возами, возами!!

Чувство, что тебя обманывают, думаю, было присуще ему с детства, с футбольного детства. А разве сам я не был таким?

Разве не встречал сотни других, вроде разных, но одинаково кем-то обманутых? Господи, да по сию пору!

Другое дело, что человек мастеровой — он за себя постоять может. Мастерство за него постоит. Мастерство, которое не обманешь.

Когда в ЦСКА собирались подписывать первые профессиональные футбольные контракты, Харин спросил:

— А можно я завтра со своим адвокатом приду? На подписание это...

Хороши, видать, были лица армейских начальников, не требовали никаких комментариев. Но «война» против Харина началась.

А разве он что-то не так сделал? Разве не отнесся серьезно, как подобает, к серьезному делу? Разве не дал понять, что видит

вновь — «слова, слова, слова». Уезжал в «Челси» он тяжело, с боями, а приехав, сразу усек — главные бои еще впереди.

— Понимаешь, после тренировок там поначалу тошнило. Ни пива, ничего не надо, до ванны бы только добраться — и все... Заполосные люди! Я все Козьмича вспоминал, мне раньше казалось, что Козьмич с «физикой» перебарщивает. Здесь бы он в либералах ходил. Но нет, Козьмич — хитрый, он бы через пару неделек ситуэйшн просек бы...

\* \* \*

Приезжая в Новогорск уже из Лондона, он не то чтобы изменился, а... еще более посерьезнел, собрался. Покуривая извечный вратарский «Мальборо-лайт», тихонько цедил перед Америкой:

— Конечно, у нас тут все большие артисты мяча собрались... Художники... А кто, я спрашиваю тебя, подкатываться будет?! Кто в отборе-то сыграть готов? Да еще чтоб на скорости? А? Ну, Онопко, ну, Дима Хлестов, если поедет... Они там думают воздухом свободы подышать, что ли? А вчера мы вообще полчаса аут учились выбрасывать. Говорят, наука подсчитала: много у нас потерь после аута... Ну смехота, честное слово. Жаль, мне не доверили, я бы хорошо выбросил!

Артисты потом отсеялись, звали «на борьбу» и его, Харина, но Дима не согласился: бороться и работать — большая разница, этому в наших дворах хорошо учили. Работа — она первее, на первом месте стоит. А буза... буза это так, для форсу, «понты одни», по выражению Харина.

А ведь казалось бы! Мог Харин поддержать подписантов. Хотя бы потому уже, что его отношения с Павлом Садыриным не всегда оставались безоблачными. Обвинение главного тренера в продаже игры владикавказцам Харин не забыл, да и вряд ли забудет. Но... «Сели с Федорычем как-то в баньке, поговорили за жизнь без свидетелей — все! Баста! Самоедством заниматься — только себя зря загонишь».

Проиграв в Америке все, что можно, Харин повел себя по-мужски, он бичевал тех, кто нарушил слово, он не давал интервью тем, кто раздувал сплетни, он не позволил себе ни одного дурного слова в адрес по традиции во всем виноватых тренеров.

— Главное, молодые все больше базарят! А ведь вместе решали друг друга грязью не поливать! Никто нас за язык не тянул, никто, собрались с ребятами и решили: с прессой будем разговаривать аккуратно. Делали общее дело, завалили его, чего ж теперь виноватых искать? Все и виноваты. И что же? Какую газету ни открою, везде одни разоблачения!

— Так ты что ж, против общения с прессой?

— Ничего я не против, я против того, что все теперь друг на друга показывают, виноватых ищут. А ты с себя спроси! Когда мимо ворот бил, когда это чужому отдал, когда рывок зевнул, когда гол пустил. Понимаешь?

\* \* \*

...Перед Англией он сделался еще молчаливее, только покуривать на балконе стал, кажется, чаще, чем раньше. Чувствовалось, что его что-то гнетет в сборной, хотя говорил он другое — про «последний шанс», про то, что «нормально»... «Нормально» не было, за годы знакомства я видел это отчетливо. Но с вопросами в душу не лез, просто покидал Новогорск невеселым, видя, зная — даже с воротчиком Романцев не определился пока. А ведь финал европейский — вот он, две недели осталось. А Дима в те дни почему-то все травму свою вспоминал, динамовскую, тяжелую зиму 1991 года...

— Не вышел, говоришь, Тишков? Ну, плохи дела, значит... И что за невезучая команда — «Динамо». Я пришел — сломался, Лосев — сломался, Скляр — сломался, этот молодой, как его, Крамаренко, точно, — тоже сломался... Юрку очень жалко, как здорово начинал... А мне, знаешь, после той травмы достаточно одного прямого удара по колену. Одного. Или там падения неудачного.

И... могу закончить. В игре об этом думать, конечно, некогда, но от правды тоже не убежишь. Той испанской зимой 91-го о чем я только не передумал в своей белой тюрьме, больничке местной... Без языка, без друзей, если бы не Дасай, спятил, наверное. Хорошо, что Дасаев навещал. Было-то мне всего ничего тогда... Ладно, расскажи лучше про Козьмича. Я домой-то звоню, с Мишкой общаюсь, но, как говорится, лучше еще раз услышать, чем совсем не видеть...

...Из Лондона я уезжал через его район, через Челси. По берегам тянулись баржи, в которых жили люди, из труб тянулся дымок, на веревках сохло детское белье. Видел Харина только с манчестерской трибуны, видел, как он «не выручил» против немцев, хотя в дебюте поймал кураж и несколько раз сыграл здорово.

А потом он пропал, он получил тяжелую травму и пропал от назойливой прессы, попав к тому же под огонь критики и заслужив очередные злющие ярлыки от нее и от тренера, который не знал, как ведут себя люди после тяжелого европейского поражения.

Харин пропал, и сколько я ни пытался найти его по телефону, всегда натыкался на неудачу, на чужой механический магнитофонный голос, бубнивший что-то свое.

Я не понял бы Диму, если бы он вдруг начал рассказывать, кто виноват и кто прав там на Европе, не понял бы, если бы прочитал его стенания. Многочисленные интервью по случаю травмы, беды, поражения...

А так — я его понимаю. Человеку плохо, и он молчит, борясь со своим горем в одиночку. Стиснув зубы. Слава богу, Харин имеет людей, которые могут помочь. Как полагается, таких людей мало.

Я называю Харина своим последним кумиром, потому что без него футбол для меня потерял былое очарование, скис, покучнел.

И я рад был услышать от другого классного вратаря, от Сергея Овчинникова, что если с кого он и брал когда-то пример, так именно с Харина, потому что «Харин и вратарь классный, и мужик классный, Харин работать умеет, вот в чем дело».

\* \* \*

...Миша Пителин фанател от всего голландского. Но я убежден: узнай он, что место Харина в воротах «Челси» занял голландец, Миша бы огорчился. Как там ни говори, а вырос Харин в наших с Мишей дворах, только поближе к Мишиному...

В наших дворах учили давать сдачи, вот почему я надеюсь, что Дима еще даст сдачи судьбе.

Иначе здесь люди жить не приучены.

Иначе в наших дворах — не прожить.

\* \* \*

Травма та, пресловутая, напомнила о себе, иначе сезонов в «Челси» вышло б побольше и не пришлось бы перебираться в «Селтик» и заканчивать там, где сплошные дожди.

Когда мы коротко, на минутку, пересеклись с ним на «Новокузнецкой», он тыкнул мне пальцем в живот — «ишь, отрастил...» — и, словно не было многолетней паузы, тут же по-свойски поделился, как привык к Лондону, как спокоен там за детей, как начал работать, тренировать, доказывать с самых местных низов, и спрашивал, что тут у нас поменялось, и я тоже что-то говорил в ответ, радуясь этой короткой встрече. Он, конечно, спешил, и ничего английского я в нем не заметил...

Морозов предлагал смотреть вперед. А мне хотелось оглянуться...

«Надо осмыслить происходящее», — отвечал я Морозову, умеющему и в кулуарах сотрапезничать и спорить на публику вот уже десять лет.

Торпеловец Юрий Тихонов десять лет назад числился среди тех, кого называют «группой способных молодых футболистов, наличие которых в команде позволяет говорить о ее будущих потенциальных возможностях».

Теперь его зовут Юрий Ивалыч. Он детский тренер. Он всту-



## Мой друг Юрий Иванович

Если бы я претендовал на патетику, то начал бы с Данте.

На патетику я ни в коем случае не претендую, но с Данте все-таки начну. «Воспоминания — это рай, из которого нас никто не изгонит», — замечал незнакомый с футболом итальянец.

Когда я писал эти строки, с Юрой можно было посоветоваться, что-нибудь уточнить. Теперь я навещаю его на Даниловском кладбище.

Как его найти? Очень просто. Вначале идете вверх, в гору, мимо церкви, потом режете угол — левой, чуть левой, а там — по старенькой тропке, мимо оград, вниз, вниз, вниз. Тропка сама выведет вас к нему.

Я почти ничего не поменял в этом тексте. К чему? Ведь Юра его когда-то одобрил. Значит, все правильно...

\* \* \*

Коллега Георгий Морозов, наблюдавший мое унылое настроение в канун упорно приближающегося третьего тысячелетия, советовал: «Надо больше двигаться. Больше посещать стадион. И, конечно, почаще бывать в кулуарах».

Морозов предлагал смотреть вперед. А мне хотелось оглянуться...

«Надо осмыслить прожитое», — отвечал я Морозову, умеющему и в кулуарах сохранять ясную голову вот уже десять лет.

Торпедовец Юрий Тишков десять лет назад числился среди тех, кого называют «группой способных молодых футболистов, наличие которых в команде позволяет говорить о ее больших потенциальных возможностях».

Теперь его зовут Юрий Иваныч. Он детский тренер. Он всту-

пил в другую, малознакомую жизнь. Потерял — почти все. Приобрел пока только отчество.

Иногда я говорю ему:

— Юра, не все потеряно. И я в 28 лет начал новую жизнь. И даже с отчеством мне пришлось расстаться! Так что не все потеряно.

Деликатность не позволяет ему спросить в ответ:

— Ну и чего ж ты добился? За десять-то лет?..

Деликатность — это врожденное. Деликатный футболист, представляете? Деликатность в мире, построенном на агрессии? На ежесекундном порыве — догнать, отобрать, забить, прибить, подставить, врезать, вставить, воткнуть.

Мне понятно, почему его любят дети. С родителями, думаю, сложнее. По крайней мере, они дают советы из-за ворот. Порой эти советы заглушают голос Тишкова-тренера. Лет через десять это пройдет.

\* \* \*

Дмитрий Пасынский первым познакомился с Юрой. Первым из числа серьезных журналистов. Он сделал прекрасное интервью с ним. Оно было опубликовано в еженедельнике «Футбол», не имевшем тогда конкурентов по тиражу, солидности и влиянию. В кулуарах Дима досказывал то, что публиковать считалось зазорным.

— Представь, футболист, который не курит, не пьет и не матерится! Не курит, не пьет, не матерится! И книги читает. И говорит грамотно. Ну вот ты встречал такого футболиста?

Я не встречал, хотя в детстве был уверен, что футболисты именно такие. Как выяснилось, «такие» были исключением.

Исключением быть тяжело. Надо подстраиваться под остальных, соответствовать большинству: футбол ведь игра командная. Юре это как-то удавалось. Но специалисты его раскусывали. Один из них в пору Юриной известности, всеобщей торпедовской любви и сопредельной симпатии, сказал: «Этот долго в футболе не проживет. Парень, конечно, талантливый, хоть куда... Но не протянет долго. Я таких повидал...»

Искренне сочувствующий Юре Александр Горбунов, слушая мои рассказы о его настроении после страшной травмы, мрачно обронил: «Неправильно Юра себя ведет. Переживает случившееся, в себе держит. Самоедство это. Ему лучше бы стакан водки принять. Володе Бессонову водка здорово помогала. После скольких тяжелейших травм восстанавливался...»

Я, конечно, передал Юре совет Горбунова. Юра вяло ответил:

— Не поможет. Я глаза закрываю и снова в центре поля оказываюсь и чувствую Бодака, идущего наперерез... А ты стакан водки можешь зараз выпить?

— Вроде могу.

— Ну и что?

— Что — что?

— Что потом?

— Потом, Юра, бывает всякое. Вспоминать неохота...

— Это я так спросил, просто...

О чем мы только не переговорили в диспансере номер один, что у Курского. Однажды я вдруг осознал, что эти места мне будто знакомы. Парк... Беседочки... Голые стволы старых деревьев... Он напомнил: «Так здесь снимали «Покровские ворота». Там «операция прошла удачно».

У него впереди было еще несколько операций. Не помогли.

\* \* \*

Юрина футбольная жизнь — пособие для людей, искренне полагающих, что футболисты — хапуги, что их бытие увешано долларами, билетами в зарубеж и письмами от поклонниц.

Хотя и такое, конечно, присутствует.

Но есть и другое. Например, гипс, костыли, скальпель, постоянная боль.

Похуже боли отношение многих партнеров, в недавнем прошлом одноклубников, односборников и просто вроде бы коротких знакомых.

Слово «хромой», брошенное в спину удачливым на сегодня бомбардиром. Знание того, что по умению своему этот сегодняшней записной бомбардир пяток лет назад играл бы по первой лиге, да и то на заменах. В матче с заведомым аутсайдером.

А ты в то славное время уже забивал «Реалу», «Монако», «Спартаку», ЦСКА... Но как скажешь такое? Говорить так нельзя, остается ковылять, делать вид, что не слышал.

Стать вдруг ненужным, лишним, физически ощущать молчание телефона, вспоминать, сколько еще недавно было друзей... А сколько было знакомых! Вот и соседка, жена футболиста, пару лет назад приехавшая в Москву и ходившая по двору с рулоном туалетной бумаги на шее, интересовавшаяся, как проехать «до ГУМу», забывает поздороваться. Не узнает.

Ладно... Обиднее, когда не звонят те, с кем играл с детства. Не просто играл — дружил, сидел на сборах, мотался по стране, мыкался по гостиницам от Находки до Калининграда...

Теперь — их места на первых полосах газет. Для болельщиков они герои. Но нам-то, своим, к чему друг друга обманывать? Мы-то уж точно знаем, кто, как и что мог с этим белым мячом на не всегда зелененьком поле...

Нас-то чего обманывать? Друг друга нам не обмануть. И если у тебя теперь все в порядке, то мне остается только порадоваться за тебя. В друзья, знаешь, не набиваются.

Просто раньше мы играли в одной команде. Но теперь и команды той нет. Одно название.

\* \* \*

Я заметил, что в журналистике нравы те же. Встречаю перед праздниками знакомого. Угрюмого, как и все, кто борется с «зеленым змием».

— Привет, — говорю, — Витя! Как дела?

— Да какие еще дела! Вот у тебя — дела. Пишешь, что хочешь. За

Стрельцова, поди, «штуку» отвалили... И правильно, вещь неплохая, я читал.

— Спасибо, — говорю. — Только про «штуку» — это ты зря. Я даже не знаю, как она выглядит — «штука».

Но он уже переключился:

— На Европу едешь? У нас в редакции проблемы...

— У нас, — отвечаю, — в редакции проблем нет. Потому что никто не едет.

— Ну, тогда я пошел, — совсем нелогично закончил он.

\* \* \*

С Юрой меня познакомил доктор команды Анатолий Семенович Прояев. Это было давно. Я направлялся в Мячково первый раз в жизни. Первый раз в жизни в торпедовском автобусе. Автобус я знал отлично. С внешней стороны. Я наблюдал посадку в него футболистов тысячу раз. С самого детства. Внутри — не был.

Тут надо сделать маленькое отступление. Иначе, боюсь, читатель меня не поймет. Особенно молодой читатель. А также — молодой журналист.

Штука в том, что я опоздал с приходом в журналистику лет на пять. И это по меньшей мере. Нынешние молодые рыцари диктофона и компьютера не испытывают никаких волнений перед попаданием куда бы то ни было. И перед разговором с любой знаменитостью они хладнокровны. У них хорошо развито внутреннее «я».

Помню, молодому внештатнику выпало ехать в Новогорск. Дело было зимой. Я посоветовал ему позвонить на базу и попросить машину. Сослаться на бедность автопарка редакции (что было правдой). Рассказал, как неудобно добираться в мороз в общественном транспорте. Чуть не час от Речного вокзала. Причем с обязательным контролером на первом сиденье.

Внештатник меня прервал величавым жестом. Достал ручку из кармана пиджака. Попросил у меня телефон. Уверенно созвонил

ся с незнакомым начальством. Машину не попросил, а потребовал. Спасибо мне не сказал. Я было обиделся, а потом понял: «За что спасибо?» Он и не предполагал трястись в автобусе.

Я вспомнил, сколько раз трясся сам. Правда, я не был молодым внештатником. Я как-то сразу оказался старым.

В торпедовском автобусе мне понравилось все. Кроме собственного волнения. Я практически никого не знал. Занимал чье-то место. Боялся нарушить священную футбольную примету. Единственный мой знакомец — Валентин Козьмич Иванов — был занят. Он читал газету. Поздоровался со мной между прочим. Типа: «А, пришел? Ну, валяй, проходи...»

И вот тут доктор привлек меня под крыло. Сообщил, как что-то мое читал. Местами понравилось. Я наивно поверил. Мы разговорились. Прояев при этом успевал что-то сказать каждому вновь прибывшему игроку. Он знал все: музыку, видео, вчерашний боевик, погоду на завтра.

Я понял, что Прояев факультативно еще и психолог, он сплачивает сонных людей шутками, занимает расспросами, дает советы и пользуется авторитетом во всех областях. Меня поразило, что он помнил, как зовут тещу правого полузащитника...

Теперь сюда можно приписать мистику. Он познакомил меня с Юрой Тишковым в своем медицинском кабинете.

В медицинском кабинете, понимаете? Доктор сказал, что по человеческим качествам Тишков — самый интересный в команде.

Словом, он вышел ко мне навстречу из медицинского кабинета. Кто мог подумать, что очень скоро медицинская тема станет для Юры главной?

\* \* \*

Иной раз кто-то сердитый внутри меня спрашивает: «Ну что вы там носитесь со своим Тишковым? Что он там сыграл-то? Будто он один сломался во цвете лет?»

В самом деле — почему? Почему Юру так любили и по сию пору

помнят болельщики? Почему к нему тянутся циничные журналисты?

Авторитетный, вальяжный Сергей Микулик, внешне напоминающий менеджера преуспевающего западного клуба, не поленился приехать на Восточную улицу и посмотреть, как Юра тренирует детей. Приехавший с Микуликом фотомастер тоже отработал на славу. И в журнале «Спортклуб» появилась теплая заметка, снабженная рядом цветных иллюстраций.

Геннадий Ларчиков живописал в «Советском спорте» казанскую эпопею Тишкова. Там впервые официально названы некоторые суммы, гуляющие в российском футбольном хозяйстве.

Журналист РТР Владимир Елизаров снял о Тишкове 15-минутный сюжет и добился его показа. Сюжет сопровождает музыка Морриконе из фильма «Профессионал» — скребущая душу еле сдерживаемой тоской.

Фрагмент злополучного, трагического матча 5 июля 1993 года в Коломне тоже показан. По сути, это был последний матч Юры в большом футболе.

Пять лет он пытался вернуться.

Так почему же он не забыт после семи лет фактического небытия?

Самый простой ответ на поверхности. Он играл ярко, он забивал нужные, красивые голы. Но есть еще одно обстоятельство. Появление Тишкова и всей торпедовской компании 1970–1971 годов рождения подарило москвичам надежду. Эти московские, не заезжие ребята именно играли в футбол. Не работали, не мучились, не возили тачку, не отработывали положенное. Им нравилось играть друг с другом, они привыкли ощущать себя вместе, они умели создать кое-что на поле и приходили в радость от этого созидания.

Умным футболом болельщик не избалован. Умным футболом болельщика не перекормить. Футбольная интеллигентность торпедовских недорослей бросалась в глаза.

Футбол в исполнении Тишкова, Шустикова, Ульянова, Чугайнова, Чельцова, Кузьмичева дарил болельщику надежду. Надежда — в особой цене. Даже тогда, когда она умирает.

\* \* \*

«...Раньше будущее было только продолжением настоящего, а все перемены маячили где-то там, за горизонтами». Так считал Сталкер Андрея Тарковского.

В Коломне Юра о своем будущем скажет проще. Подбежавший к нему Добровольский сохранит в памяти: «Это все, Игорь, это все...»

От увиденного Добровольскому станет дурно, он попросит замену и покинет поле. Юра покинет его на машине «Скорой помощи».

Потом, много после, он будет спрашивать: «Неужели я это сказал? Не помню». Как будет спрашивать о словах, вынесенных в подзаголовок моей заметки: «Неужели Бодак — это судьба?»

И я отвечу, что сказал он именно так, но он еще будет переспрашивать меня через год, полтора, два — как будто от авторства этих слов может что-нибудь измениться.

...Раньше, многие-многие годы, я пытался запомнить, зафиксировать в памяти медицинские термины, о которых он говорил. Говорил со знанием дела. Теперь уже не могу. Видимо, мне достаточно зрительного ощущения: взгляда на его лицо в тот момент, когда он поднимается по ступенькам.

Лифта у меня нет.

\* \* \*

Когда-то мой приятель Андрюха Морозов всерьез занимался фехтованием. Он был левшой, что в мире саблистов, рапиристов и шпажистов дает определенные преимущества.

Левшой Андрюха остался, а фехтовать бросил. И считает, что бросил правильно. Он объяснял это так:

— Смотри, я спортивный журналист, так? Мозги еще не скукожились. Выпивки здесь, конечно, тоже хватает, но в спорте пьют больше. Взять хотя бы одну историю...

Иной раз я задумываюсь: вот если бы Вадим Никонов не уговорил Юрину маму на переход сына в «Торпедо»... Что было бы? Ну, поиграл бы он в своем «Соколе» еще пару лет, затем учеба взяла бы свое. Школа у Юры была хорошая, учили серьезно, нажимали на точные науки. Именно к ним он обнаруживал склонность. С детства, как теперь говорится, «завис» на самолетах.

Поступил бы потом в соответствующий авиавуз, овладел языком (они ему легко даются) — и пожалуйста, пилот международного уровня, мечта Мимино.

Иной раз я задумываюсь об этом потому, что сам он об этом молчит.

Зато каждый самолет провожает взглядом. Выдает непостижимые характеристики. Что-то там про уровень шума и размах крыльев, что-то про вертикальный взлет и потребление горючего.

Я даже не слушаю, все одно не пойму, не запомню. Мне без разницы, какой тип лайнера над головой. Самолет, да и точка.

А Юра говорит о нем так, как сладкоежка о торте. Называет сорт, вес, ингредиенты, способ приготовления, основные отличия от собратьев.

И вот тут я вспоминаю Андрюху Морозова.

\* \* \*

Бородатый журналист Володя Ергаков рассказывает: — Услышали мы с друзьями, что Юру хотят продавать. Иного, мол, выхода нет, ЗИЛ едва дышит... Так нам обидно стало! Решили с друзьями клич кинуть среди болельщиков: «Соберем деньги, чтобы Юра в «Торпедо» остался!»

Клич остался в проекте, но переход Тишкова в «Динамо» торпедовский люд переживал тяжело.

Так ведь и самому Тишкову он нелегко дался. И что в конечном счете перевесило? Перевод Шустикова в дубль за очередное нарушение режима да слова Газзаева о возможном, вполне реальном контракте с итальянской «Аталантой».

Наши разговоры в ту пору разнообразием не отличались:

— Как думаешь, переходить?

— Даже не знаю.

— Ты бы перешел на моем месте?

— Я бы не перешел. Тут все свои.

— Ага, свои. Гришина вроде не будет, Ульянов уходит собирается, Шуст — в дубле опять... Обыгаться не с кем, понимаешь?

— Понимаю. Тогда переходи.

— Думаешь?

— Я не знаю.

С одной стороны, было приятно, что он вроде советуется со мной, с другой — терзала боязнь ошибки. Брякну чего-нибудь, а у него не сложится. Я знал, что советчиков у него теперь много, и старался не лезть на рожон.

Не мог же я сказать ему, что в иной команде могло и не получиться? Что он, по моим скромным наблюдениям, не похож на типового, среднего, стандартного игрока? Не было в нем этой разудалой хватистости, жлобизма этого. Ну совсем не было.

Я хочу быть правильно понятым. Да и не претендую на трактат о нравах футбольного общества... И все же... Отличие Тишкова от многих виденных мной футболистов постараюсь показать на примере.

Вот идет тренировка. Манеж. Динамовский, кажется. Еще не накрытый рыночными отношениями. Зима. Сижу наблюдаю товарищеский матч. Рядом, неподалеку, запасная скамейка «Торпедо».

Мяч у Тишкова, он принимает, оглядывается — свободен. Партнеры закрыты. Двигается к воротам по центру, нанизывает, как говорят футболисты, одного, затем другого...

Со скамейки раздается злобное:

— Сейчас по ногам получит... сейчас получит... отдай... отдай, бя... ну, я говорил, что получит?

Нескрываемое злорадство в голосе. Сбитый у ворот Тишков. Разыгранный штрафной. Игра пошла дальше.

Штука в чем? Не представляю себе Тишкова в роли того комментатора. Обиженным его видел, расстроенным, подавленным, огорченным... Но чтобы злорадствующим над партнером? Ведь комментировал тот момент футболист команды «Торпедо».

\* \* \*

Пару раз его печатно обвиняли в меркантильности. Делали из него хапугу. Это Юра-то специалист по наживе?

Впрочем, я заметил, так чаще всего и бывает. Приходит человек в коллектив, с порога обыденным голосом сообщает свои высокие требования, наступают на ноги собравшихся, не извиняется, плюет в угол и закуривает твою сигарету. Через неделю — свой в доску и кругом авторитет.

Иное дело с людьми деликатными. Молчаливыми. К их согласию так привыкли, что стоит им рот открыть, чтобы вежливо, в вопросительной форме сообщить свое мнение, как следует удивление с негодованием пополам: «Хам, да? Грубиян, да? Вымогатель? Да мы ж тебя вскормили, вспоили, пригрели!!!»

Урвать, пока есть возможность, пока нужен, пока в цене, — коренная черта российского, да и советского футбола.

Она вполне объяснима, объективна. Но есть люди, которые этими качествами в полной мере овладеть не сумели. Это их беда, их вина. Может, мало тренировались, может, мало слушали старших товарищей, может, воспитание помешало. Как правило, именно они в самом футболе на первых ролях. За его пределами — на последнем.

Юру эти обвинения обижали, он переживал их в себе, а вслух говорил только: «И главное — кто обвиняет-то? Кто?»

А когда я говорил, что такие всегда и обвиняют, он страшно удивлялся и напоминал наивного школьника из хорошей семьи, которому шустрые одноклассники подсунули замеченную учительницей шпаргалку.

\* \* \*

После судебного заседания в Казани он приехал в Москву оживленным. Судья, рассказывал, вынесла решение: клуб должен заплатить. Добавил, что моя заметка в журнале очень тому решению способствовала. Судья чуть не прослезилась...

Я вяло сказал:

— Не верю я, Юра, в твою победу. Уж извини. Не верю, что отдадут такие деньги. Да еще в официальном порядке. Мы же не в Германии...

Юра продолжает борьбу. Суд принял другое решение. Я продолжаю удивляться, как плохо живет хорошим людям. Впрочем, я был уверен: в Казани ему не светит. Вот в Шеффилде у него бы дело пошло...

\* \* \*

В июле 1993-го, после матча в Коломне, разразился большой скандал. «Спорт-экспресс», в частности, предоставил слово Сергею Бодаку. Интервью с ним мастерски провел Сергей Микулик.

Я попросил своего приятеля Андрея Морозова о помощи. Я хотел ответить именно в «МК». Морозов мне помог. В небольшой заметочке строчек на сто я, насколько помню, писал: «У журналиста обязанностей куда больше, чем прав. Но одно право у него все же имеется. Он сам в состоянии выбрать себе героя...»

На одном из футбольных мероприятий Микулик подошел ко мне и негромко сказал: «Ты прав». И мы пожали друг другу руки.

Тишков, насколько я знаю, протянутую руку Бодака пожать отказался.

\* \* \*

...Лежал он в углу палаты на восьмерых, выставив израненную ногу, будто на обозрение, пьедестал из двух подушек неопределенного цвета, и... улыбался. Правильно, ведь пришла мама.

Это потом уже скажет: «Все остальное сейчас побоку, закроешь глаза и снова там, в Коломне, тащу мяч к центральному кругу...» Вспомнит, как встретил накануне отъезда Игоря Чугайнова, а тот посоветовал без всякого намека на шутку: «Не езд, Тиша. Закуси».

Оказалось, как в воду глядел. Бодака Тишков видел периферическим зрением, несущимся, как буран, наперерез, и мозг успеет подсказать — берегись! А опорную он убрать так и не сможет. «Удар помню, а за ним — хруст страшный и никакой боли в первый момент. Потом дикая боль, вывороченный голеностоп и кость, которая разорвала мясо, кожу с внутренней стороны. Представляешь, удар по внешней, но такой силы, что малая берцовая кость с другой стороны вышла».

Я отвечаю, что видел запись и что Бодак подкатился асфальтовым катком, двумя ногами, и бил наверняка. А Юра, выслушав и закрыв глаза, совсем тихонечко произнесет: «Неужели Бодак — это судьба?»

Вставать ему сейчас нельзя. Ногу надо держать как можно выше. Операция сделана профессионально, но лично с ним врач не торопится говорить о перспективах. Наверное, это нормально. Но когда спишь, так легко бежится по зеленому полю. Проснешься...

А только-только все начало складываться. Он наконец защитил диплом. С приходом Добрика на поле все изменилось. Во втором круге они бы поймали свою игру, а там — осень, еврокубки. И возраст. 22. Самый расцвет.

Торпедовцы к нему приходили, динамовцы. И не только они. Знакомый фотограф приволок Чейза. В уголке тумбочки — цветы. Сок в нарядной упаковке, огурцы с бабушкиного огорода. И сколько угодно времени для раздумий.

Мама кормит его бульоном и теми кушаньями, что он особенно любит. У нее отпуск, и билеты в Евпаторию были взяты на восьмое. Вспоминает ли она об этом, проходя каждый день мимо Курского вокзала? Когда ей сказали о травме, она долго-долго молчала. Опять? Поверить не могла.

... Сегодня я увижу его. Что ему от вас передать?

\* \* \*

**Заседание Совета Профессиональной футбольной лиги. 7 июля 1993 года. 10.00. Стадион «Динамо». Пасмурно. Дождь. Температура воздуха — 16 градусов. Присутствуют члены Совета Лиги, представители команд, инспекторского комитета, Российской ассоциации судей, журналисты.**

*Генеральный директор Совета Лиги Юрий Кабан:*

— ...Пришло время определиться, по какому пути идти, ведь участились случаи физического насилия над участниками соревнований. В спорт, в футбол вмешиваются те структуры, которые не должны заниматься футболом.

*Президент Российской ассоциации судей Эдуард Шкловский:*

— Условия нашей работы существенно усложнены. В работе арбитров все чаще на первый план выходят морально-волевые качества...

*Владимир Перетулин, студия «Спорт» телерадиокомпании «Останкино»:*

— Давайте, наконец, говорить о футболе! Не об ошибках отдельного судьи, а о футболе! Кто и за чей счет играет в футбол? Кто финансирует команды? Все говорят, что игроков нет, полей — нет, а команды-то есть! Умеют ли они играть в футбол — для меня не вопрос. Не умеют. Мы погубим российский футбол, если будут продолжаться все эти безобразия... Предлагаю оставить десять команд и играть в четыре круга. В футбол играть, понимаете?

**Российский футбольный союз. Рапорт судьи-инспектора. Инспектор — Жихарев Николай Сергеевич. Всесоюзная категория. Матч чемпионата России, высшая лига, «Динамо» (Москва) — «Локомотив» (Москва). 27 июня. Стадион «Динамо». 15.00. Пасмурно, временами дождь. Плюс 16 градусов.**

— В перерыве между таймами в судейскую комнату беспардонно вошли двое неизвестных мне лиц, один из них в светлом костюме, а другой в кожаной куртке, оба выше среднего роста. На мой вопрос, что вам угодно, ответа не последовало, и тут же молодой парень в светлом костюме произнес в адрес судьи на линии т. Рунова, что он якобы пропустил положение «вне игры», после которого был забит гол в ворота «Локомотива», хотя Рунов находился и судил на другой стороне. После чего последовала угроза: «Смотри, мы с тобой разберемся!» После сказанного они удалились. Все произошло неожиданно как для меня, так и для судейской бригады. Инспектируя с 1980 года игры чемпионата страны, увидеть подобное мне пришлось впервые. Я обратился к начальнику команды «Динамо» С. Никулину с просьбой поставить дежурных около судейской комнаты, что было незамедлительно выполнено. После игры в раздевалку судей, кроме официальных лиц, никто не входил.

#### **Разговоры в кулуарах:**

Говорят, эти «ребята» имели такой разговор с Николаем Толстых, президентом ФК «Динамо» (Москва): «Лоб у тебя широкий, стрелять удобно. Понял?»

#### **Заседание Совета ПФЛ. 7 июля.**

##### *Николай Толстых, президент Лиги:*

— Очень волнует меня одна ситуация. Мы избрали терпеливый путь создания профессиональных футбольных клубов, но будем прямо говорить, что немногие команды стремятся идти по этому пути. Немногие стремятся создавать самостоятельные в финансо-

вом и юридическом отношении клубы. Да, этот путь долгий и непростой, но единственно возможный для того, чтобы мы стали цивилизованной в футбольном отношении державой. Сколько таких клубов? Вы сами понимаете, что их буквально несколько.

Не секрет, что атмосфера соревнований зависит от тех, кто работает в клубах. Наш самый большой недостаток, что, к сожалению, мы относимся друг к другу не как партнеры, не как люди, делающие одно дело, а в погоне за очками забываем, что мы одна семья, функционирующая в условиях и без того непростой экономики России. Одного мы не можем понять: трагедия не в том, что какая-то команда вылетит из высшей лиги в первую, а трагедия российского футбола будет в том, если мы перестанем уважать друг друга, если мы перестанем соблюдать законы, которые сами с вами издали.

Низкий уровень образованности, низкий уровень знания жизни профессиональных клубов подводит нас к тому, что мы, обсуждая итоги первого круга, опустили до обсуждения ошибки конкретного судьи. А он в конечном счете ничего не определяет для будущего российского футбола. Я согласен с Владимиром Перетуриным: давайте больше думать о том, в каких условиях командам приходится играть. Вот эти итоги, мягко говоря, оптимизма не вызывают...

**Владимир Перетурин:**

— Да что же происходит?! В перерыве матча в Коломне, где я был, врывается в судейскую здоровенный амбал и заявляет: «Не будете судить «как надо», мы всех вас здесь перестреляем». А во втором тайме вижу его, спокойно сидящего на тренерской скамейке. Интересуюсь — кто это? Мне говорят, представитель местной мафии, спонсор команды. Хозяин, словом. Так кто правит футболом?! Вот о чем надо говорить. Пока не поздно. Извините за эмоциональность!

**Разговоры в кулуарах:**

— Правда ли, что та же «бригада» поехала не с «Локомотивом» в Тулу, а с «Динамо» в Коломну? И почему?

**РФС. ПФЛ. Рапорт инспектора. Инспектор Кадетов А.П., в/к. Матч на Кубок России, 1/16 финала. «Авангард» (Коломна) — «Динамо» (Москва). 5 июля 1993 года. Стадион «Авангард», г. Коломна. Облачно, плюс 24 градуса.**

— ...В перерыве в подтрибунных помещениях, куда мог пройти кто угодно, ни одного милиционера не было. Как ни странно, не было никакой охраны и в дверях судейской комнаты. Вместе с тренерами обеих команд в судейскую вошел неизвестный атлетического вида гражданин с золотой цепочкой на шее и (правда, в более или менее корректной форме, без оскорблений) выразил недовольство судейством. А потом, не стесняясь присутствующих, добавил, что если судья будет продолжать так судить, то живым из Коломны не уедет. И он ничего не сможет поделать со своими «крутыми ребятами».

### **Заседание Совета ПФЛ.**

*Николай Толстых, президент Лиги:*

— Что меня как президента Лиги настораживает в деле создания профессиональных клубов? За некоторыми из них совершенно очевидно просматриваются структуры, которые претендуют на право проводить матчи и даже соревнования. Нам далеко не безразлично, кто финансирует клубы и определяет в конечном счете политику клуба. У вас на столе лежит справка о том, что вчера состоялся контрольно-дисциплинарный Совет ПФЛ, решение которого у вас имеется. Я хочу проинформировать, что ни один случай нарушения регламента чемпионата, в особенности в части обеспечения безопасности участников, не остался без внимания Совета Лиги.

Первый случай, с которым мы столкнулись, был в Черкесске. Решением Совета самым жестоким образом были наказаны клуб и стадион. Возбуждено уголовное дело против людей, применивших насилие. Это возымело свое действие. Но, к сожалению, в услови-

ях ожесточенной борьбы за очки в отдельных регионах имеют место факты физического и морального воздействия на судей. Мы получили информацию из Саранска, где на улице были избиты судья и инспектор.

Что побудило нас обратиться к матчам, которые состоялись в Москве и Подмосковье? Совершенно ясно, что структуры, которые позволяют себе здесь, на стадионе «Динамо», угрожать судьям, видимо, совершенно не соизмеряют свои возможности с тем, что имеет футбольная среда. Мы с вами футбольные люди, а люди, которые пользуются услугами этих структур, должны быть оценены футбольными людьми по футбольным законам. Конкретно: матч «Динамо» — «Локомотив». В судейскую комнату под видом представителей «Локомотива» зашли спонсоры команды из корпорации «Виктор». После угроз судьям те, кто видел матч, прекрасно знают, что судьи чувствовали себя, мягко скажем, неуверенно.

Матч в Коломне. Нам пришлось взять туда восемь человек из Министерства безопасности. Картина повторяется. В Коломну приезжает группа тех же людей, угрожает в перерыве судьям вплоть до того, что «вы не доедете до Москвы и трупы ваши найдут в реке». Обо всем этом поведали в рапортах инспектор Кадетов в Коломне, а в Москве — Жихарев. На основании документов, а не слов вчера мы собрали КДС и вынесли на ваше решение те меры, которые мы предлагаем принять в отношении команды «Локомотив». Я зачитаю решение:

«Рассмотрев факты, связанные с неоднократными случаями грубого вмешательства в ход ряда матчей лиц, имеющих непосредственное отношение к команде московского «Локомотива», их угрозы в адрес судей и официальных работников, КДС ПФЛ принял следующие решения:

1. Предупредить ФК «Локомотив» (Москва), что в случае малейшего нарушения Регламента и оказания давления на официальных лиц, проводящих соревнования, Советом Лиги будет рассмотрен вопрос о снятии команды с российских соревнований по футболу, проводимых под эгидой ПФЛ.

2. Ходатайствовать перед исполкомом РФС о нецелесообразности использования главного тренера «Локомотива» Семина Ю.П. в качестве тренера сборной России.

3. Вывести президента ФК «Локомотив» (Москва) Филатова В.Н. из членов Совета Лиги».

Второе:

«Рассмотрев вопросы, связанные с проведением игры Кубка России по футболу в городе Коломне между командами «Виктор-Авангард» и «Динамо» (Москва), КДС ПФЛ принял следующие решения:

1. Запретить команде «Виктор-Авангард» выступать в своем городе до 1 сентября 1993 года.

2. При повторном нарушении Регламента команда будет снята с соревнований, проводимых под эгидой ПФЛ.

3. Снять наказание с игрока команды «Виктор-Авангард» Чунихина В., ошибочно вынесенное судьей матча.

4. Игрока команды «Виктор-Авангард» Бодака С. за сознательное нанесение травмы игроку московского «Динамо» Тишкову Ю. лишить лицензии игрока-нелюбителя пожизненно».

**Виктор Зернов, тренер команды «Спартак» (Москва):**

— Я, к сожалению, не знаю вашего имени-отчества (обращается к представителю команды «Виктор-Авангард». — П.В.). Мы приехали к вам и проиграли. Вы нам скажите в следующий раз: «Нам нужны очки», — и мы не приедем! Но нельзя же продолжать этот бандитизм! Всем нужны очки, но ты его не ломай, милый. Не ломай его! Давайте думать: вот вы сломали сейчас парня, мы же не знаем, как у него там перелом... Я не хочу говорить о себе, о поступке вашего президента по отношению ко мне. Это было в воскресенье, и Бог ему судья. (Голоса с мест: «В Пасху!») Да, в Пасху. Но то, что он сказал, не могут сказать уста человека. Женщина не может родить человека, чтоб он говорил такое... Пусть этот Бодак выплачивает все, что положено, Тишкову. И зарплату, и премиальные, и за лечение. А судей я понимаю, ну как им судить? Мне придут, скажут: «Зернов, не уедешь!» И я все сделаю, чтобы вы выиграли, что-

бы вернуться живым! А ведь можно было в Коломне праздник сделать: «Динамо» приехало. А вы как будто смять, уничтожить всех хотели. Здесь не называются еще многие вещи, которые вы лучше меня знаете, и чести они вам не делают. У меня все.

**Разговоры в кулуарах:**

— Когда этот «Виктор» приезжал на «Торпедо», то Юрий Золотов сказал, наблюдая игру: «Мне впервые на футболе страшно стало. За мальчишек своих страшно».

**Николай Толстых, президент ПФЛ:**

— Если у кого-то есть сомнения в том, что травма Тишкову была нанесена умышленно, то вот стоит монитор, вы можете посмотреть видеозапись. Повторяю: если в нашей футбольной среде появились люди, которые хотят управлять футболом через судей и инспекторов, то, по нашему мнению, эти люди находиться в нашей семье не должны. Мы не обращаемся в соответствующие органы, мы даем оценку на основании футбольных законов.

**Валерий Филатов, президент ФК «Локомотив» (Москва):**

— Могу я сказать? Я считаю решение несправедливым и неправильным. К нам раньше не было претензий, кроме матча с «Жемчужиной», но там в судейскую вошли представители Сочи, а не Москвы. Мы теперь поставили там две линии ОМОНа, и все нормально. Вот и «Динамо» надо было ОМОН выставить. Насчет «Виктора». А может, эти люди просто наши болельщики? Вон болельщик Штеффи Граф чуть Селеш не зарезал. А я что могу сделать?! А к инциденту в Коломне мы вообще не имеем отношения.

**Николай Толстых:**

— Так мы о чем с вами говорим — о футболе или об ОМОНе? Я думаю, всем понятно, что «Динамо» может и не два кордона выставить... Но это — СТАДИОН «ДИНАМО». Здесь люди всегда о футболе думали, а не о безопасности. Они здесь общались, понимаете?

**Валерий Филатов:**

— У нас на стадионе люди тоже отлично общаются. В буфете. И не надо про «Виктор»...

\* \* \*

В марте 1991-го в очередном номере ежемесячника «Торпедо» была опубликована визитная карточка футболиста. Цифры лучше слов говорят об удачном начале пути:

«Тишков Юрий, 182 см, 77 кг, родился 12 марта 1971 года.

Неофициальный дебют — 24 августа 1988 года на стадионе «Торпедо» против «Динамо» (Киев), когда при счете 2:0 он вышел на поле.

Всего 23 матча за «Торпедо», и в них 12 забитых мячей (4 — в первенстве, 2 — в Кубке страны, 6 — в еврокубках).

В конфликтах с судьями имеет 1 удаление и 1 предупреждение».

Подписи нет, но по всему чувствуется авторство Юрия Кошеля, большого ценителя цифр вообще, а торпедовских в частности.

\* \* \*

Я был на том матче с киевлянами. У меня даже сохранилась программка. Тишков в предполагаемом составе отсутствует. Зато в нем указаны фамилии Шустикова и Бодака. Статистикой я никогда особенно не занимался и записи на программке о выходе мало кому известного футболиста Тишкова у меня нет.

Восклицательные знаки против фамилий Сарычева, Полукарова, Ширинбекова, Рудакова и Гречнева говорят о том, что они, по моему мнению, играли лучше других. А галочки против фамилии Владимира Гречнева свидетельствуют: оба мяча киевлянам забил он.

Но выход Тишкова я помню. Сидящий рядом и вжатый в мое плечо (стадион был заполнен) пожилой болельщик отпустил в его адрес такое замечание:

— Ишь, как бодается! Будто бычок из стойла.

Он сказал это вполне одобрительно. Мне же показалось, что новичок никак не может попасть в ритм игры. Вообще бестолково мечется поперек поля.

Но он смотрелся: разворот плеч, легкость, светлые волосы.

Я заметил, что красота, естественность футболиста на поле — верный признак его мастерства. Позже я понял: мастер играет с высоко поднятой головой, он не смотрит в землю, он ведет мяч, не глядя под ноги.

Мне нравились Хидиятуллин, Папаев, Черенков, Алейников, Кипиани, Буряк... Нападающему поднять голову труднее, чем полузащитнику, времени меньше, но Юрий Тишков, как в свое время Владимир Козлов в «Динамо», успевал. Успевал осмотреться и увидеть своего.

\* \* \*

Теперь ему, студенту первого курса Московской государственной юридической академии, звонят футболисты:

— Юра, помоги! Как мне лучше перейти из клуба в клуб? Обстоятельства такие...

Или:

— Юра, мне подавать жалобу в ПФЛ или не подавать?

Естественно, никто из них не намерен оплачивать консультации у недавнего партнера. Естественно, Юра и не заводит разговор об этом.

Теперь ему, тренеру ДЮСШ «Торпедо», звонят родители и называют его Юрием Ивановичем.

Теперь ему нужно успеть подготовиться к сессии по таким важным предметам, как, например, «Земельное право».

Теперь представьте себе, как изменилась его жизнь. Дело не только в переходе с долларового курса на рублевый. Хотя и к этому привыкнуть непросто.

Дело все в памяти, которая там — в команде, на тренировке, на сборе, в игре.

И я удивляюсь, как мужественно он держится. При том что деньги на операцию взять неоткуда. Тут все прозаично: операция необходима (единодушное мнение врачей), денег на нее нет.

Здесь, в Москве, врачи не дают никаких гарантий. Подробности медицинского заключения таковы, что их лучше не знать.

В 1993 году ему было 22 года. Им всерьез интересовались в Европе. С ним считались соперники. Он плавно водил свой «БМВ» и был почти счастлив.

Теперь его просят написать реферат для поступающего в ВШТ. На ВШТ сейчас мода у действующих футболистов. Реферат, 15 тысяч рублей и... пошла учеба на российского тренера.

И просят, конечно, свои, ведь в футболе — там все свои, и обращаются к нему, конечно же, между прочим... В подтексте он слышит:

— Юр, тебе что, ты закончил, времени полно, у нас сборы, сам понимаешь, сегодня с Кипра, через неделю в Израиль, а тут обещают еще и на базе кроссы пустить... Времени нет абсолютно. Помогите!

Как бы вы поступили на его месте?..

Я удивляюсь, как мужественно он держится.

\* \* \*

С «Торпедо» я никогда никуда не ездил. В это никак не хотят поверить мои знакомые. Тем не менее это так.

С поездками дело обстоит довольно сложно. Я, например, никак не могу выдавить из себя шесть слов: «Возьмите меня с собой в поездку». Стыдно и нехорошо. Однажды попросил помочь коллегу. Он помог. Я поехал. Стыжусь до сих пор.

Знакомые говорят: «Кто тут за последние годы написал о «Торпедо» больше тебя?» Хорошие знакомые добавляют: «Да еще на таком уровне».

Я краснею от удовольствия, но продолжаю гнуть свою линию: пригласят — поеду, не пригласят — не поеду. Я же знаю, что оплатить поездку не в силах. Впрочем, однажды я ездил от редакции в Амстердам. Бартер вдруг подвернулся. У меня, таким образом, претензий нет. Есть богатые редакции и есть бедные. Есть деловитые журналисты и есть — неделовитые. К кому же предъявлять претензии? Только к себе.

Юра иногда говорит: «А помнишь, в Чехословакии?» Я отвечаю: «Да я же не ездил». И он удивляется: «Разве?»

Впрочем, один шанс у меня был...

\* \* \*

В доме журналистов я излучал невидимое блаженство. Невидимым, как оказалось, оно не было. Сережа Микулик и Андрияша Морозов (я не виноват, что они прописались в этой истории, клянусь!) все знали.

После третьей рюмки они спросили меня:

— Завтра в Мадрид? С «Торпедо»? В первый раз?

Я кивал головой, слабо сдерживая торжество. Мои товарищи по застолью, по общему мнению, из заграницы не вылезали...

А я — в первый раз. И сразу в Мадрид. И сразу с «Торпедо»!

Микулик серьезно сказал:

— Должен проставить. Иначе неприятности возникнут. На границе. На таможне. Или на паспортном контроле.

Морозов, закуривая «Мальборо», поддержал:

— Возникнут. Если не проставить. Если проставить, все будет нормально. Вот хоть у Федорова спроси... Традиция!

Я знал, что в кармане у меня — червонец. А значит, на шампанское не хватит. Домжур, скатерти, официанты, наценка... Не хватит. Я выразил свои опасения Морозову. Морозов сообщил:

— Не хватит, естественно. Но ребята — помогут!

Дальнейшее помню плохо. Помню, что на лавочке Гоголевского бульвара червонец все еще был у меня. Как символ перспективы. Помню, что получил много ценных советов. Неотразимых, как пенальти.

Словом, «Торпедо» улетело без меня. Наутро я физически не мог встать с постели. Морозов уверял, что мы выпили за всех торпедовских дублеров в отдельности. Не говоря уж об игроках основного состава.

Тут он преувеличивает: всех дублеров «Торпедо» я не знал. Видимо, были повторы...

Вместо репортажа из Мадрида получился абстрактный рассказик.

Специалист по всему экономическому Анатолий Волосов по сию пору уверен, что ничего лучше я не писал. Еще бы! Одухотворенный талантами Микулика и Морозова, каждый способен на подвиг.

Вот небольшие выдержки:

«Мадрид — город страшный... Самый страшный город на свете. И трамвай этот идет совсем в другую сторону. Он едет куда-то на север, а Мадрид — точно не там. Это ведь южный город. Мадрид заколдован, и завтра совесть подскажет тебе, что заколдован он навсегда. Раньше я и не подозревал о существовании этого города. Мало ли что там рисуют на географических картах...»

Что тут могло понравиться Волосову — не понимаю... С ним и с «Динамо» мы все-таки были в Мадриде. И Юра Тишков был. Но это был уже другой Тишков. Тишков после травмы. Обреченный на запас. В Мадриде было грустно, и Юра был грустен.

\* \* \*

Сергей Шустиков удивляется:

— Прошло столько лет, а они помнят... Помнят мой гол «Реалу». А как вышло? Безнадежно горим! Впереди все закрыты. Ну, приложился от души к мячу! Он и залетел под перекладину.

Проиграли они «Реалу» — 2:5. Но Шустиков, обычно не забивающий, ударил с тридцати метров в девятку.

Я смотрел репортаж и недоумевал: как же так? Я дома. В Москве. А должен быть там — на «Сантьяго Бернабеу»... Что происходит вообще? Шустиков вот с тридцати метров забил...

Жена зовет ужинать... Счет нелепый — 2:5... Правда, никаких неприятностей у меня за границей не произошло. Поскольку традиции не нарушались.

Спустя годы «Динамо» крупно проиграло в Мадриде. Но у меня лично все было в порядке. Благодаря железным принципам Микулика и Морозова. Если не считать того, что я вернулся домой на сутки позже команды. И что испанский кофе по дороге улетучился.

Я до сих пор помню его благородный запах...

\* \* \*

Ответный матч игрался в отвратительную погоду. Осень, дождь, грязь, настроение — соответствующее...

Аккредитацию я получил. А на игру не пошел. Боялся расспросов. И подмигиваний. Типа: «Во-во, гляди, пошел... Который в Мадрид не доехал!»

Теперь-то я понимаю: никому не было до меня никакого дела. А тогда... Словом, я опять сидел у телевизора. И опять дико переживал.

«Горпедо» уперлось, и даже при счете 2:2 продолжало ломить на победу. Белые майки у них стали черными. Горделивые испанцы защищались на классе. В конце игры Тишков выпрыгнул на фланговую передачу. Головой послал мяч под перекладину!

Я заорал от восторга и сожаления одновременно. Такой мяч, а я сижу дома. Ну разве не идиот?

Вечером позвонил Юре домой, поздравил. Оказалось, ему вручили часы. Как лучшему игроку. Швейцарские.

Я глупо спросил: «Ходят»?

По телефону вообще трудно выразить радость. Восхищение. Благодарность. Вот ругать — значительно сподручнее.

И все-таки я попытался.

...Тишков искренне удивляется, когда про него пишут: «В еврокубках забил шесть голов».

Он говорит: «Как же так? Почему все запомнили именно шесть? Шесть я забил в одном розыгрыше. А гол «Реалу», а «Галле»? Почему журналисты плохо считают до восьми?»

Что тут ответить? У журналистов и не такое бывает. Взять хотя бы одну историю...

\* \* \*

Гриша пришел в редакцию «Спортивной Москвы» с улицы. В редакцию «Советского спорта» и уж тем более «Футбола» с улицы прийти было практически невозможно. Других спортивных изданий еще не существовало.

В «Спортивную Москву» я шел с улицы ровно год. Грише повезло. Он сразу столкнулся с ответственным секретарем. Поговорил. Больше мы Гришу не видели.

Ответсек горячо комментировал:

— Не придет больше! Я отвадил его в секунду. От армии косит, хочет писать про «Спартак». Послал его на три буквы...

Три буквы — в устах ответсека — ГПЗ. Стадион ГПЗ. Там разыгрывалось первенство города среди коллективов физкультуры. Он отправлял туда каждого, кто при нем заикался о футболе.

Чуть позже я встретил Гришу в «Лужниках». Он показал мне вариант программки к предстоящему матчу. К тому времени я написал штук десять таких программок и считал себя специалистом. На каждую у меня уходил день. Надо было покопаться в статистике, чтобы не перевернуть цифры. Платили 12 рублей.

У Гриши получилось что-то эпическое. Из древнеримской жизни. «Спартак» был Спартаком, но в отличие от древней истории он регулярно побивал мерзавца Красса. Кто был Крассом, не помню, возможно, «Шахтер». Или «Днепр», неважно.

Я посоветовал ему спуститься на землю. Сообщил, что бог войны Марс никого в «Лужниках» не интересуется. Юпитер — тем более. Гриша реагировал молчаливым согласием.

Я, во всяком случае, рекомендовал его «Лужникам», мне программки уже осточертели.

И тут появился «Спорт-экспресс». Гриша научился задавать неприятные вопросы. Причем задавать в лоб. Глядя на собеседника с невозмутимостью иезуита. Кроме того, он увидел, что о «Спартаке» пишут слишком много людей. И свел дружбу с решительными тренерами из провинции.

Случайно увидев его, я поинтересовался — очевидная глупость с моей стороны, — зачем он обижает людей? Сочиняет какую-то сенсационную чепуху, хотя сам же знает, что сенсации не ожидается?

Гриша сказал, что газета зовет, что читатель ждет, что тираж растет и что все остальное его мало заботит.

Я опять подумал, что поздно пришел в журналистику. Что будущее за Гришей.

Это был тот редкий случай, когда я думал правильно. Гриша сделал головокружительную карьеру. Теперь с ним считаются и в «Спартаке», и в «Сатурне».

При встрече мы обмениваемся неопределенными кивками.

\* \* \*

В «Торпедо», я заметил, журналистов не очень-то жаловали. Официальное гостеприимство, конечно, имело место, но в целом настроение оставалось настороженным.

Я чувствовал это настолько остро, что, например, предложенный обед в Мячково проглатывал без аппетита. Не ощущая привычной радости. Кроме того, от волнения я многое забывал.

Атмосфера растворялась во мне, а вот конкретные детали расплывались. Так, например, первого разговора с Юрой я напрочь не помню.

Я помню разговор с Талалаевым. Точнее, даже не разговор... А как бы точнее сказать... Его просьбу, что ли, выраженную вежливо, но настойчиво:

— Вы корреспондент, да?

В «Торпедо» все пишущие называются именно так. Если в команду заехал бы Лев Толстой, то про него бы сказали:

— Толстой приезжает. Корреспондент. Про нас напишукает. Что мы, «Спартак», что ли?

Так вот, Талалаев, узнав, что я именно «корреспондент», заявил:

— Напишите, пожалуйста, что я — эгоист. Потому я редко в пас играю. Все думают, что я своего на поле не вижу. А я вижу. Но я — эгоист, я сам хочу забивать.

Я пообещал.

После тренировки, разгоряченный, потный, проходя мимо меня в корпус, Талалаев спросил:

— Вы о своем обещании не забыли?

Забудешь тут, думаю.

Вечером рассаживались в автобус. Возвращались в город. Талалаев не поленился подойти:

— Так напишете или нет?

Словом, он как-то вытеснил первый разговор с Тишковым. Теперь же, чтобы вспомнить его имя, я набираю Юрин телефон...

\* \* \*

Историку торпедовского футбола! Последний свой мяч Юра провел в ворота «Днепра». Это был товарищеский матч ветеранов. В честь десятилетия финальной кубковой баталии. Десять лет назад «Днепр» победил и получил Кубок. А вот наставник москвичей Валентин Иванов от переживаний угодил в больницу. Минчанин Жук не засчитал гол торпедовца Юрия Савичева. Оказалось, ошибочно не засчитал...

Но вот прошло десять лет... «Днепр» пригласил «Торпедо», и «Торпедо» приехало. И опять проиграло. Кажется, 2:3.

В одном из моментов все видящий Вадим Никонов неожиданно пропустил шедший к нему мяч. Тишкову оставалось только подставить ногу.

Тем не менее Никонов спросил:

— Ты что мне не крикнул?

Тишков ответил:

— Станиславыч, так я же знаю, что ты поле видишь. Даже спиной. Кто из меня игрока сделал?

Умение мыслить на поле отличало Вадима Никонова от многих футболистов. И это в те времена, когда «мыслителей» было куда больше, чем нынче.

\* \* \*

Наблюдая четыре игры английского «Лидса» — две против «Локомотива», две против «Спартака», — поймал себя на ощущении знакомства. Будто бы я уже видел этих заводных, разворотливых, предприимчивых нападающих — Смита, Кьюэлла, Бриджеса. Уже смотрел игру ловких молодых ребят, получающих удовольствие от каждого взаимодействия, от каждой обводки, от каждой атаки.

Но ведь тарелки с плюсом от НТВ у меня нет! В чем же дело? Наваждение какое-то...

Только зимой понял — в этой манере играл восьмой номер «Торпедо» Юрий Тишков.

Во-первых, быстро, быстро, очень быстро! Во-вторых, строго лицом к чужим воротам. И в-третьих — азарт, желание, удовольствие. Осознание силы, мастерства, молодости. Осознание в себе способности мыслить на поле.

Говорят, это качество воспитать нельзя, оно или есть, или нет, но развить его можно. Чем, собственно, и занимался с воспитанниками начала семидесятых Вадим Никонов.

\* \* \*

Андрей Талалаев стал известен Европе после матча с «Манчестером». Эпизод, в котором подбежавший из глубины поля Шустиков отваливает Андрею увесистую оплеуху, крутился даже по каналу «Евроспорт».

Талалаев только-только не использовал выгоднейший момент! Запустил выше ворот после удачной передачи с фланга! И получил шлепок от Сергея Шустикова. Которого затем крыли многие газеты.

У каждой истории есть предыстория. Накануне игры, в Мячкове, Андрей, завидев Шустикова, бросил:

— Шуст, завтра два положу!

И через пару часов, на обеде:

— Шуст, завтра два!

И для уверенности раскинул пальцы рожками.

А затем еще, вечером, у телевизора:

— Шуст, завтра — два!

Конечно, Сергея предыстория не оправдывает. Но понять его, я думаю, можно.

Ведь моментов у «Торпедо» в том матче, считай, не было. Разве что этот — талалаевский.

— Эмоция пошла, — невозмутимо объяснил мне Шустиков, — больше не буду. Если Талалаев не будет...

\* \* \*

Коротка футбольная жизнь.

Лишь память делает ее длинной. Память футболиста раскручивает прошлое по кадру, превращает годы в месяцы, месяцы в дни, матчи в эпизоды.

Когда я поставил его фотографию на обложку своей книжечки, он пригляделся к снимку и тут же сказал:

— Играем со «Спартаком». Горим — 0:3. Это в «Лужниках» было, нам в «Лужниках» всегда не везло.

Тишков может рассказать об этой игре так, словно она случилась на днях, словно другой игры у него и не было. Попросите рассказать о ней спартаковца, он расскажет в подробностях, но подробности будут иными, настолько иными, что засомневаешься — та ли это игра.

Невидимая часть жизни футболиста — айсберг. Журналист пишет о верхушке айсберга. Корабль-болельщик поглощает верхушечные знания с завидной быстротой.

Я всегда завидовал репортерам, которые с легкостью набрасывались на футболистов после игры.

Мне это казалось невежливым.

Я как привык наблюдать за ними с почтительного расстояния, так наблюдаю и теперь. Хотя расстояние заметно сократилось.

Я заметил — наши футболисты охотно читают газеты. Их ответы после игры поразительно напоминают позавчерашнюю прессу. Футболист знает, о чем его спросят, знает, что он ответит, знает, что к нему подойдет во-о-он тот парнишка в желтой кепке, потому что именно он подходил к нему на прошлой неделе.

Мечта болельщика — задать вопрос футболисту. Каждый болельщик в душе футболист и журналист одновременно.

Болельщик любит футбол бескорыстно. Журналисты стараются позабыть, что были болельщиками. Им кажется, что они рядом с футболистами. Некоторые даже путают себя с ними.

На самом деле футболист относится к болельщику гораздо теплее. Болельщик для него — свой, пусть и незнакомый. Болельщик редко вредит футболисту. Он понятен. В журналисте есть что-то сомнительное...

\* \* \*

Пятилетний сын Юры Тишкова — парень с характером. Женька смотрит на мир легко. Естественно, для папы с мамой Женькина легкость оборачивается проблемами.

Однажды он им сказал:

— Я футболистом не буду. Почему? Ну как почему? Неужели непонятно? Не хочу, чтобы у меня нога болела. Вот как у папы...

Однако, посетив две-три папины тренировки, на которых дети ловко играли в мяч, Женя задумался. Взял паузу на размышление. Сообщил родителям, что еще подумает, кем ему быть. Потребовал, чтобы его обязательно взяли на следующую тренировку. Пообещал, что, если возьмут, ляжет пораньше. Перед сном уточнил:

— Мама, а что, наш папа — Юрий Иванович?

\* \* \*

Наблюдение кажется мне более интересным, чем игра в вопросы-ответы. Я мог бы расспросить, скажем, Ваню Тимошкина. Ваня, старожил еженедельника «Футбол», предан «Торпедо» с детства. Благородно предан. Например, он не только не был с командой в загранпоездках, он, мне кажется, всерьез и не думал о них.

У него и заграничного паспорта, по-моему, нет. Зато порассказать Ваня может.

Но к чему спрашивать? На его рабочем столе — фотография молодой торпедовской компании с Тишковым в центре. Улыбаются где-то у египетских пирамид.

Этот штрих для меня важнее расспросов. Есть ведь и другие штрихи. Мы с Ваней знакомы целую вечность. Разговариваем в основном о мемуарной литературе конца XIX — начала XX века.

\* \* \*

Кто-то из них тогда прикупил машину. Не новую, красного цвета. Учился водить. То ли Шустикова уговорили, то ли Ульянова? Возможно, Чельцова. Набились в нее впятером и разъезжали немислимыми петлями у стадиона с громкими криками из распахнутых настежь дверей.

Чудили маленько — молодые, свободные, знающие друг друга с детства. День был хороший, солнечный.

Помню, подумал: «Вот оно — счастье...»

Велосипедный тренажер в его комнате рассчитан на одного. Тишков «прогревает» большую ногу каждое утро.

Все они, пассажиры той красной машины, разбежались по своим делам. Вместе им больше не покататься.

\* \* \*

Ульянов сейчас в Израиле, Шустиков тренирует в Самаре, пропал куда-то Чугайнов, затерялся Максим Чельцов...

Когда-то Чельцов сказал, поглядывая из окна торпедовского автобуса на людей, топающих себе по Рязанскому проспекту:

— Вот так и вся жизнь прошла... В этом автобусе... Ничего больше и не было в жизни...

Грустно сказал, вроде как сам себе.

Теперь он улыбочивый, наблюдательный, деловой, способный решать вопросы... Чельцов — единственный из них, кто так и не ушел из «Торпедо».

\* \* \*

Грустить в футболе не полагается. На людях — тем более. Приходишь на стадион задумчивый, приятель сразу ставит на вид:

— Ты чего такой грустный?

В футболе царствует здоровый мужской юмор. Он лечит лучше докторов. Вот типичный пример.

Возвращается команда с проигранного матча. Настроение соответствующее. На светофоре автобус тормозит рядом с цистерной. В салон проникает недвусмысленный запах. Тренер, напротив, шире приоткрывает окно и обращается к водителю ценного груза:

— Что везешь-то, браток?

— А ты не знаешь? Говно!

— Так ведь и я тоже!

Как ни странно, футболисты повеселели. Заулыбались. Вспомнили, что жизнь продолжается. Что будет следующий матч. Что проигранный пора и забыть.

Тренер снял стресс в два счета. Цистерну они обогнали. Запах выветрился. Жизнь наполнилась новым смыслом...

В их компании шуток тоже хватало, хотя записных остряков, пожалуй, и не было. Правда, Шустиков обладал способностью расшвырнуть на ровном месте. Он не боялся выглядеть смешным. Подойдет после игры к Ульянову:

— Дима, дайте автограф, пожалуйста! Третий час жду!

\* \* \*

Со временем я стал смотреть футбол по-другому.

Раньше как? Раньше все было на поле. Поле притягивало, манило, и происходящее запоминалось надолго.

Теперь иначе, теперь больше запоминается то, что случилось за его пределами. Даже не случилось, нет, скорее вошло в антураж, в ощущение того, что зовется футболом.

Запах сгорающих желтых листьев, собранных в кучки аккуратным дворником...

Промокшие от дождя газеты на опустевших трибунах...

Скучающий в оцепенении рядовой. У него на лице застывший вопрос: «Угости, земляк, сигареткой!»

Бывший кумир, разливающий водку на капоте. Капот щедро уставлен закуской — помидоры, огурцы, колбаса, хлеб, сало...

Одни и те же контролеры на матчах. Они кочуют по стадионам и, кажется, не стареют.

Футболисты, втянувшие головы в плечи и прячущие глаза, выходят из раздевалок. Хмурые, будто не выиграли только что уозяев.

Лощеные дяди, медленно вываливающиеся из машин. С правой стороны. С левой — личный шофер, ему еще предстоит припарковаться в теньке.

Пацанва в разноцветных шарфах, стреляющая на пиво... На пиво, не на билет.

Многие из бывших на футбол не ходят. Говорят, неинтересно. Не на кого смотреть.

Но есть еще одно обстоятельство. Тяжело смотреть. Юре, я чувствовал, смотреть тяжело. Вслух он это никак не высказывал. Становился молчаливым. Скучным. Если мы, журналисты, иронизировали над качеством игры, разговор не поддерживал. Часто смотрел на табло: «Когда там свисток?»

Еще так недавно он смотрел на трибуны оттуда. С поля.

\* \* \*

Сейчас полно всяких благотворительных фондов. Я получал приглашение посетить презентацию Фонда бразильского автогонщика Айртона Сенны. Едва отбился от настойчивых создателей Фонда Андре Агасси.

В честь президентов фондов пишут заметки, щедро фондом оплаченные. Возможно, их создатели в самом деле помогают людям. Я лично таких людей не встречал.

Но охотно поверил бы в благотворительность, если хоть кто-то из них помог бы Тишкову. Выделил на операцию не слишком большую для российского футбола сумму. Что-нибудь около тысяч двадцати долларов. Этой суммы должно хватить. Иначе есть шанс стать инвалидом. Ведь, повторяю, наши врачи никаких гарантий ему не дают.

И он в свои 28 старается пореже думать о ежедневной боли. Не замечать. Преодолевать. Забываться насущным. Для 28 лет — это в порядке вещей.

Просить он не станет. Когда-то просили у него. Уходя из «Торпедо» в «Динамо», он подписал контракт с автозаводом. Подписал, потому что внял просьбе руководителей: «Юра! Ну подпишись с нами! Мы ведь столько в тебя вложили. Деньги на таких же ребят пойдут! Толстых — заплатит!» А был Юра, как теперь говорят, свободным агентом. И мог идти в «Динамо» как свободный агент.

«Динамо» выложило за него «Торпедо» 300 тысяч долларов. Немаленькая сумма для 1993 года.

А вот теперь ему негде взять двадцать...

\* \* \*

Мой начальник всегда удивляется:

— Ну какой ты журналист? У тебя о деньгах — ни слова! Почему ты ни разу не написал — этот парень получает столько, у этого — премиальные столько, а этот за переход отхватил вон сколько? Мне интересно? Интересно. Значит, и читателю интересно!

А ты что?! Литератор какой-то... От тебя журналистики не дождешься...

Я никогда не спрашивал футболиста о деньгах, которые он получает. По-моему, такие вопросы задавать неприлично. И потом, отличие от начальника, меня совершенно не интересовали чужие деньги.

В нашем футболе три запретные темы: договорные игры, допинг, деньги.

Один мой знакомый говорит:

— Пожалуйста, могу написать об этом. Страничек десять по каждой теме. Но вначале пусть мне откроют счет в США, купят билет и дадут штук десять зелеными. Я позвоню потом, расскажу, где странички оставил.

Лично мне все это неинтересно... В смысле страничек. Видимо, мой начальник в чем-то прав.

Тишкова я спросил о деньгах один раз. Я спросил: «Сколько платят детскому тренеру в «Торпедо»?» Он ответил. Я сказал, что простому школьному учителю платят значительно меньше.

\* \* \*

Знаменитый торпедовский бунт против Валентина Козьмича Иванова стал приметой времени. Такая демократия в футболе — команда выбирает тренера. В результате проиграли все: от Иванова до Тишкова.

Как знать, не было бы того самарского бунта — продали бы команду «Лужникам» спустя пятилетку? Как знать?

— Может, все-таки зря ополчились тогда на Козьмича? — спрашиваю Тишкова?

— Может, и зря.

И вспоминает, как на последней примирительной сходке, собранной Ивановым у себя дома, сидели они втроем — Николай Савичев, Сергей Шустиков, Юрий Тишков. Слушали «Папу».

Савичев привычно молчал. Шустикову после вчерашнего

очень хотелось на воздух. Тишков сказал в ответ на прямой вопрос:

— Вряд ли мы с вами сработаемся теперь, Валентин Козьмич...

Я думаю, не эти слова были главными. Уход Иванова был кому-то очень нужен тогда.

Другое странно: как раз к Тишкову у Козьмича никогда не было особых претензий. С режимом — порядок, работал на совесть, разве что на тренировках тянулся не слишком старательно. Отсюда, по мнению Иванова, слишком частые травмы и травмочки... Значит, Юра выступил за ребят, за друзей, за команду?

Как это редко для нынешнего российского игрока, право...

\* \* \*

Рукопись заканчивается.

Почему-то я испытываю ощущение игрока, закончившего карьеру.

Хотя по всем показателям только работать и работать.

С другой стороны, столько лет около большого футбола... По мнению знатоков, есть в этой игре что-то от бесовщины.

Однажды я играл против Тишкова. Вернее, он играл, а я пытался соответствовать.

Глупее себя чувствовал только тогда, когда на лужайке пытался отобрать мяч у Игоря Добровольского...

\* \* \*

10 января 2003 года, в пятницу, в пять часов вечера, в кафе на Маяковке, совсем рядом с «Пекином», меня спросили:

— Может ли что-то измениться к лучшему в нашем футболе?

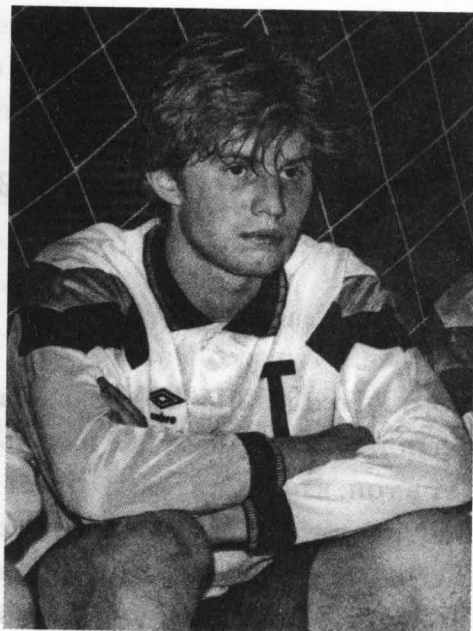
И я ответил, что нет, ничего, в обозримом будущем не изменится ничего.

А утром в субботу был звонок, и оказалось, что надо привыкать жить без Юры...

Его убили ночью у подъезда собственного дома.

Было Юре — 31 год.

Тишков Юрий Иванович родился 12.03.1971 в Москве. Воспитанник футбольной школы «Торпедо». Нападающий. Выступал за команды «Торпедо» М, «Динамо» М, «Рубин» (Казань). Бронзовый призер чемпионата СССР 1991 года. 40 матчей в чемпионатах СССР, 12 голов. 8 голов за «Торпедо» в еврокубках. После тяжелой травмы в 1993 году – детский тренер, комментатор, футбольный агент. Убит 11 января 2003 года.



## Человек из вчера

— Ваш любимый напиток?

— Чай.

(Из интервью)

Помню, ох, помню этот нахальный вопросик молоденького корреспондента. И не менее нахальный ответ Сергея Шустикова, ответ в тон, в пику, в защиту, ответ с восклицанием, с издевочкой над интервьюером. Что, мол, прямо-то боитесь спросить?! Ну, тогда получите: «Чай»! Так ведь у вас, причесанных, положено?

А слухи по Москве уже загуляли... Причем слухи кудрявые, легко рисуемые, хотя и оборванные на полуслове. Слухи не про него одного — про всю торпедовскую вольницу, изгнавшую Иванова и давшую самим себе какое-то могучее слово.

В те времена на них интересно было смотреть не с трибуны, не из гостевой торпедовской ложи, а исподволь, наблюдать за шумным разъездом после очередного матча. Вот они выходят из раздевалки, с улыбками независимо от результата, вот перемигиваются с какими-то девушками, группками близких знакомых, решительных и модных на вид, вот рассеянно, но и зорко оглядываются кругом, вот — словно подчиняясь невидимому и беззвучному сигналу — усаживаются в чьи-то авто и гудками прорезают себе дорогу. Дорогу к свободе.

Стремительно исчезали они из футбольного мирка, молодые, гордые, независимые, уверенные в себе. Руководство команды и клуба, напротив, держалось подчеркнуто скромно, незаметно, оно не рассекало толпу, оно просачивалось, смешивалось, исчезало в ней.

Более всего это походило на выход известных в узких кругах музыкантов, отыгравших еще один час для своих, отыгравших и за-

работавших халяву, спешащих теперь на природу, на соблазнительный воскресный пикничок, о котором уговаривались еще неделю назад. О сыгранном только что можно было не вспоминать!

Кумиры местечка исчезали под восхищенными взглядами, ведомые никому директора и организаторы зрелища устало тащились домой. До следующего обязательного... фарса под названием профессиональный футбол по-русски.

*«Если так разобраться, что мне нужно? Ничего не нужно. Лишь бы поле было ровное...»*

*(Из интервью)*

Между тем некоторые из них, Шустиков в частности, нет-нет да и привлекали внимание именно на покрытом травой прямоугольнике. Они вдруг выстреливали, упирались, обыгрывались и если не побеждали именитых, то заставляли их помучиться, чтобы добыть победу. Местами мелькало в исполнении то Ульянова, то Шустикова, то Чугайнова, то Тишкова то самое мастерство, которое манит людей на трибуны. По блату в футбол не пролезешь. Они подтверждали это правило.

Но — это тоже чувствовалось! — исполнялось все это отрывочно, лихорадочно, по настроению, словно и в самом деле по какому-то мальчишескому уговору, данному накануне. Они продолжали играть и вести себя так, будто время остановилось, будто играют они на первенство города за свой 1970 год.

Шустиков и здесь выделялся, как выделялся там, после игры, излучая невидимые притягательные нити, позволяющие руководить, не руководя, командовать, не командуя. На поле его ходы были видимы и логичны, они почти всегда обозначали ту или иную игровую затею, неприятную для соперника уже тем, что ее надо было расшифровать, сообразить, просчитать.

Он располагался поближе в правому флангу, но уже тогда, в начале 90-х, частенько оказывался как бы в центре, он плел свою паутину там, где ему было удобнее, и партнеры искали его, чтобы пе-

редать мяч, а болельщики покрикивали: «Отдай Сереге, он разберется!»

На стыке времен — советского и российского — в нашем футболе еще было на кого посмотреть. Однако Шустиков был замечен, выделен, признан и народом, и специалистами, на него стали ходить... ходить и волноваться: «Как он? В порядке? Выйдет сегодня?»

Бывало, что он выходил и им любовались, бывало, выходил и его трудно было узнать, бывало, не выходил вовсе. И тогда слухи и разговоры трибун не нуждались в газетной цензуре: «Серега-то опять... Того... Запил. Болтали, с таксистами долларами расплачивался вчера... На Волгоградском вроде... Все, понесло парня по течению... А без него куда? Опять проиграем».

Его жалели на трибунах, жалели как своего, торпедовского, жалели как искусника, как светлую голову, жалели, как жалели бы товарища, опрокинувшего вчера больше, чем надо, и не пришедшего потому на сегодняшнюю утреннюю смену. Его жалели как человека, потому что любили как игрока.

*«Чего обо мне говорить? Что я, Платини, что ли?»*

*(Из интервью)*

По долгу службы, по симпатии к команде, я должен был, обязан даже с ним познакомиться. Но — не стремился к этому, откладывал, тормозил, ограничиваясь взглядом со стороны, наблюдением многолетним, которое, на мой вкус, дает куда больше, чем поверхностное, проходное «срочно в номер».

При встрече я ограничивался приветствием, и он неопределенно кивал в ответ. Если он был бы повышенно честолюбивым, охочим до популярности, то мог, пожалуй, подумать: «И чего он ходит вокруг? Со всеми поговорил, обо всех написал, кажется, а обо мне?... Я вроде не хуже других».

Но это — вряд ли! У него хватало своих проблем — и семейных,

личных, и футбольных, рабочих. О некоторых из них я знал, о некоторых только догадывался.

Помню его на свадьбе Юры Тишкова — эlegantного, по-голливудски красивого, счастливого, прямо-таки излучающего счастье вокруг себя. В тот вечер как-то не верилось, что улыбчивый, стройный, солидный, представительный молодой человек Сергей Викторович Шустиков может позволить себе начудить, свалить дурака, попортить кровь близким, загулять где-нибудь в Находке, а отходить, опохмеляться уже в Москве.

Но я знал — это было, было и в молодежке у Игнатьева, и в «Торпедо» при Иванове, и в «Торпедо» без Иванова — это было, но в тот вечер в это не верилось.

Кажется, назавтра они играли со «Спартаком» и держались поэтому в стороне от тостов, ограничивались, видимо, минералкой, хотя были веселы, шутливы, благодушны. И смотрелся он в ресторанной зале так же естественно, свободно, легко, как и на футбольном поле.

И костюм ему очень шел. И говорить с ним в тот вечер я посчитал неудобным, неэтичным, что ли...

*«За границу? Ну, звали, конечно... В Англию.»*

*В этот, как его... А-а, неважно! Ну куда я поеду?»*

*Новый год был! Праздник. И вообще все закрыто».*

*(Из интервью)*

По моим наблюдениям, с ним что-то произошло в конце 1994 года. Не думаю, что это «что-то» напрямую связано с возвращением в команду «Папы» — Валентина Козьмича Иванова. Скорее всего главная роль принадлежала Наташе, жене, которую он высмотрел в воздухе, в небе, в рейсе Москва — Владикавказ. Браки заключаются на небесах, так реагировал на событие счастливый за друга Игорь Чугайнов.

Может быть, может быть... В конце концов, ему исполнилось 24, самый футбольный возраст, пора расцвета. А что было сделано им к тому времени? По большому футбольному счету? Бронза последнего союзного первенства. Первый Кубок России. Престижная победа над «Реалом» да шлепок по голове Талалаева за неиспользованный момент в матче с «Манчестером». Скромное местечко в футбольной энциклопедии — восемь строк и в скобках: сын В.М. Шустикова. Все? Вроде все.

Той осенью Шустиков-младший вдруг (а для меня наконец-то!) по-мужски впрягся в тяжелый командный воз, и потащил, и заработал почти на полную катушку. Он играл свободно и весело, и на него было приятно смотреть. И футбольная Москва, поредевшая, но существующая, немедленно отреагировала: «Сергея в порядке. Надо сходить!»

И на него стали ходить. Ходить не так, как ходили раньше, не из любопытства («Сын того самого Шустикова? Что вы говорите...»), а ходить, как на мастера, который уважает свое мастерство, уважает дело, а значит, уважает болельщика.

1995 год стал лучшим в его карьере. Многоопытный Иванов безошибочно назначил его капитаном с немислимым для «Торпедо» окладом — 3 тысячи долларов в месяц! И Шустиков отработал авансы, он успевал всюду, он вел за собой, он организовывал игру, он даже иногда... забивал.

По общему мнению, в сезоне 1995 года он играл на приличном международном уровне, и если его не приглашали в сборную, то по привычке любого нашего тренера доверять только своим, пусть и более слабым на данный момент, но своим. И сам он, по моему, был доволен собой — тих и покоен, мягок, почти лиричен.

Утверждаю последнее потому, что весной того года взял наконец у него дежурное, официальное интервью, ощущая, предчувствуя, предвкушая удачный его сезон, удачный сезон «Торпедо».

Сидели мы в Мячково, в его комнате, кровать Юры Тишкова оставалась пустой, к Шустикову никого так и не подселили, и говорил он о том, что здесь он как дома, что платили бы — и не надо ни-

куда уезжать, а уж переходить здесь, у нас, тем более незачем, и что Платини — его самый любимый игрок. И вообще — почудили и хватит!

*«Я считаю, что у нас полкоманды запросто в какой-нибудь Испании сыграет».*

*(Из интервью)*

В Испании он провел несколько месяцев, хотя сватал его «Расинг» всерьез и надолго. Я ничуть не удивился, когда тамошний корреспондент ИТАР-ТАСС сообщил об удачном его дебюте, о голевой передаче и еще что-то там о конструировании, режиссуре игры. Позже я узнал, что диспетчерский дар Шустикова вызвал такой переполох в Испании, что гонцы королевского клуба «Реал» не поленились подтянуться на игру скромной сантандерской команды.

По свидетельству торпедовских информированных источников, в воздухе уже носились весьма и весьма солидные суммы с заманчивыми нулями в конце.

Я, повторяю, не удивился его скоротечному триумфу, я был готов к нему, уверен в нем. Другое дело, что безоблачное для многих испанское небо оказалось для него слишком безоблачным. Помимо всего прочего на испанской земле полным-полно уютных ресторанов и ресторанчиков, где тяжелые бархатные портьеры создают столь любимый им полумрак, а тихая музыка, возникающая из ниоткуда, плавно переполняет сердце, и официант замирает вблизи с приклеенной, но такой не московской улыбкой. Поверьте на слово, подобные декорации мне знакомы не понаслышке!

И он — сорвался. Сорвался, как срывается только русский, сорвался так, что недавние купцы были счастливы именно тогда, когда самолет с Шустиковым взял обратный курс, курс на Москву.

Увы, он не смог измениться, не смог затянуть на себе пояс так крепко, как это сделал Чугайнов, по праву оказавшийся наконец в сборной России, не смог стать таким деловым и расчетливым, как

Ульянов, не смог победить самого себя — московского озорного гуляку, не смог удержать в руках предложенный судьбой шанс.

Сказать ли... Я боялся, что так и случится.

*«Они надеются, что я сопьюсь?  
Не дождутся!»*

*(Из интервью)*

По чину теперь, когда главное сказано, полагается обобщить, сделать надлежащие выводы, усилить рассказанное историческими аналогиями, призвав на помощь память, справочник, календарь.

С легкой душой оставляю сие право любому желающему, мне же в истории Сергея Шустикова не с руки расставлять ударения и поминать мораль, пусть даже в интересах грядущих футбольных поколений.

Я слишком долго думал о нем, слишком пристрастно наблюдал за его игрой, чтобы опуститься теперь до пошлых и неуклюжих сравнений.

Я думаю, что если он и заслужил что-то в своей почти двадцатисемилетней жизни, то это право на отсутствие сравнений.

В конце концов, его футбольная жизнь продолжается, и он допишет ее сам. Другое дело, что в армейском футболе торпедовцам всегда приходилось несладко. Так ведь поди разберись теперь, где «Торпедо» и где ЦСКА.

А вот где играет Сережа Шустиков, мы разберемся очень скоро. В этом я почему-то уверен и спорить со мной не советую.

*«Я вернулся домой, и я никому ничего не должен».*

*(Из интервью)*

Про него забыли. Вряд ли он не осознавал этого, тревожно переводя глаза с одного на другого знакомого, незнакомого, спешившего к началу матча дублеров. Кругом было все то же, что видел с детства. Но что-то неумовимо изменилось, и ему по привычке сразу,

вмиг, тут же хотелось распознать, что именно, и оказаться в курсе дела.

Я отметил про себя — ожидал увидеть иного Шустикова. Я думал, что он располнел (год же не играл, не выигрывал, кроме победы в суде над юристами «Осасуны»), забурел, как почти все соотечественники, оказавшиеся хоть на денек за пределами родины. А он был скорее смущен тем, что ему протягивали руку, хлопали по плечу, бойко о чем-то спрашивали, напоминали. Лишнего веса в помине не было. Мне показалось, что он и рад, и огорошен этой суетой вокруг, и ему стоит усилий принять предложенный здесь темп общения, не забыв, однако, того, чем он жил последние годы.

Я знал, что под диктофон разговаривать с ним — одна морока. И он знал. И предложил вежливо: «Напиши, чего хочешь...» Я, тоже вежливо, отказался. Условились о месте и времени (еще вчера человек в Испании был, Атлантику из окна видел, понимать надо!). Поговорили...

— Были сомнения при выборе команды здесь, в России?

— Да нет, не было особых сомнений. Я... еще когда ехал в Москву, думал: вернусь в «Торпедо». В «Торпедо» я давно, лет с шести меня отец на базу возил... Все родное. Я и думал себе — пора возвращаться к дому.

— «Торпедо» теперь два...

— Для кого-то, может, и два. А для меня лично «Торпедо» всегда находилось на Восточной улице. Ничего тут для меня не изменилось.

— Забавно, но, вернувшись в Россию, ты попадаешь прямо на матч двух «Торпед»... Первая игра российского чемпионата после долгого перерыва. Какие впечатления?

— Да, первая игра, что видел живьем после Испании. Ну какая игра? Нормальная игра... обычная такая. Вничью сыграли. Я думаю, результат всех устроил, нормальный результат.

— Ну, а уровень игры?

— Даже не знаю, что сказать... Уровень как уровень.

— Действительно, что это я? Сергей, скажи, пожалуйста, а как

ты сам оцениваешь свою эпопею с «Осасуной»? У нас ведь, если не слишком удачно выходит, футболисты рассказывают о плохом тамошнем тренере, плохом президенте клуба, еще о чем-то плохом, но себя ни в чем не винят. Вряд ли твои заграничные годы, в «Осасуне» в частности, можно считать удачными?

— Есть много моментов... Есть моменты, ситуации, в которых футболисты не виноваты. Я знаю, о чем говорю: есть, есть тяжелые ситуации, в которых не надо винить футболистов. Если, например, тренеру не нравятся русские, что тут футболист может сделать? Кричать — я не русский? А вот в моей ситуации с «Осасуной» были совсем другие моменты. Я не думаю, что они интересны народу... Это мои личные дела были.

— Ты думаешь, что людям будет неинтересно узнать, почему такой футболист, как Сергей Шустиков, не заиграл в команде-новичке высшего испанского дивизиона?

— Могу лишь сказать, что к футболу это отношения не имеет. Это нефутбольные моменты. Не то что я не подошел им по игре, нет... Там совсем иное было. Если рассказывать всю правду, вспоминать подробности, то взбаламутишь людей, на которых я уже не обращаю ни малейшего внимания. Зачем? Все это в прошлом. Забыли.

— Достойный ответ.

— Достойный, недостойный... Я повторяю — игровых, футбольных проблем там не было, там было другое...

— Я боюсь, что, прочитав такое, все подумают исключительно о режиме. И о его нарушении. Чугайнова уже какой год про режим спрашивают...

— Люди могут думать все, что хотят. Это их право. Я не хочу оправдываться и кому-то что-то объяснять. Это моя жизнь, и я в принципе ею доволен... Так что у меня нет проблем. Это я для сведения особо любопытных говорю.

— Пожалуй, испанская жизнь оставила в тебе заметный след... В чем-то ты изменился, да?

- Да нет, другим человеком я не стал. Изменился? Я просто посмотрел, как надо нормально жить.
- Интересно...
- Нормально жить — это просто жить... Если у тебя есть работа, есть семья, то ты можешь просто нормально жить... Не заикливаться на чем-то одном. На том же футболе. Не заикливаться на своих проблемах. Просто жить — значит радоваться жизни. Жизнь — это не только работа, не только бизнес. Жизнь — это жизнь! Мне вот нравится сейчас просто сидеть тут, смотреть, разговаривать...
- Прямо-таки есенинская позиция...
- Возможно... Мне нравится Москва, я вот приехал, только и делаю, что смотрю Москву. С удовольствием смотрю, как у нас тут классно! Я прямо наслаждаюсь всем... Понятно говорю?
- Вполне.
- Конечно, что-то во мне изменилось, чувствую. Не так париться стал по жизни. Бывают проблемы, конечно. Ну, решишь ты их или не решишь, но жизнь-то продолжается. Не надо самому себе жизнь портить. Не надо заикливаться, мозги компостировать. Надо успевать и работать, и отдыхать, нормально жить то есть.
- А историю о том, как вы Иванова бойкотировали, не вспоминал в Испании? Дело, конечно, давнее...
- Да помню я... Ну что сказать? Молодые были, наверное, поторопились. Поторопились, конечно.
- Изменился Сергей Шустиков по сравнению с теми годами? По себе чувствуешь, что изменился? Или просто жизнь изменилась?
- Что значит изменился? Просто поменял виды на жизнь. Некоторые виды на жизнь.
- В Испании с нашими футболистами, там играющими, часто общался?
- Часто? Да нет... Видел иногда... Больше Диму Попова, Файзуллина. А вообще, в Памплоне, по соседству со мной, жили ганд-

болисты, один из Белоруссии, один из России, вот с ними общались. С Радимовым созванивался... раза два.

— А когда-то, году в 95-м, ты говорил, что у нас полкоманды может в Испании сыграть...

— Помню, помню... Но тогда я не знал, что помимо футбольных умений там нужны и другие умения. Откуда я мог знать об этом? Я же только в «Торпедо» играл себе да играл...

— Ну, а в футбольном плане... Можно играть в Испании?

— Да, можно, конечно. В футбольном плане они нас не особо и... Можно, можно играть. Спокойно.

— Сейчас уже думаешь о том, что вот возраст, осталось тебе как футболисту немного, пора прикидывать, что там дальше...

— Да чего там думать? Надо играть, пока играешь. А думать потом будем.

— Ну как же... Наперед прикинуть, где соломку подстелить. Как там в поговорке?

— Соломку? Да не люблю я соломку подстилать. Потом подстелем.

— Машину водить в Испании не выучился?

— Не-а... Но могу побыть пассажиром в уголке, на заднем сиденье.

Тут нас нашел Сергей Гришин, который тогда пылил в ярославском «Шиннике», и диктофон стал лишним. У Шустикова вечером была вторая тренировка, и я уже знал мнения кулуарных авторитетов: пасует он — как рукой, а вот бежать — еще не бежит.

Потом пошли какие-то неясные слухи про трансфер из Испании, про то, что контракт с ним президент клуба пока что не подписал и что тренируется он вместе с дублем у Вадима Станиславовича Никонова.

...Мы расстались на время, и он повторил, чтобы я писал, что хочу (он плавно изобразил рукой, как это все в самом деле неважно), и я вспомнил почему-то слова Павла Федоровича Садырина, охарактеризовавшего игру Шустикова как солидную. Я подумал о

том, как это было давно — его капитанство в «Торпедо», отъезды-приезды в «Расинг», затем возвращение почему-то в ЦСКА и снова отъезд в Испанию, и годы, которые прошли, незаметно приведя его к тридцати, грустному рубежу каждого футболиста.

И вот он наконец вернулся, вернулся туда, куда и надо было вернуться. Я был рад, что вскоре вновь увижу его на поле. А уж каков он будет на нем — поглядим. Разберемся.

Где-где, а на Восточной улице Шустикова не забыли.

*В пятницу — прощальный матч!  
Придешь или как?*

*(Из интервью)*

На пресс-конференцию в свою честь он пришел... без единого документа.

— Может, паспорт или там водительское удостоверение? — удивлялся сержант на входе: фамилия Шустиков в списке есть, но ведь надо подтвердить свою личность.

Ничего у него не было, чтобы подтвердить. Машину он отродясь не водил, а вот паспорт... Никто не предупредил, что нужен паспорт, «а ведь мы только что с поезда, «Зенит» порвали! Причем в дубле Мовсесьян такой гол положил — закачаешься!».

А?! Ну, вот если вас куда не пускают, вы что делаете? Протестуете, да? Рветесь. Доказываете. А Серега тут же, на глазах у сержанта, охраняющего РИА «Новости», в красках показал мне гол Мовсесьяна.

— Смотри, принимает мяч на грудь, спиной к воротам, левой прокидывает, не опуская на землю. Через себя и через этого... как его... Гартига — и с правой бьет, в дальнюю «девятку»! Понял, какой гол?

— А кто ему дал на грудь? — спрашиваю я.

— Ну... я дал, как не дать-то, если он открыт...

Пока мы так обсуждаем гол и шансы столичных дублеров на «золото», приходит помощь в лице пресс-атташе. Шустикова пропускают на пресс-конференцию. Она посвящена его прощальному

матчу. Ну, кто еще из наших футболистов, скажите мне, может попасть в историю на таком ответственном мероприятии? А он, мне кажется, и не заметил ничего.

\* \* \*

И вот так с ним всегда.

Как-то уговорил его на интервью. Мы сели на лавочке, у запасного поля. Я начал расспрашивать про Испанию, он тут же перебил и пошел говорить про набережную, какой нет во всем остальном мире, и про океан, и про то, что вот именно эту набережную и этот океан мне обязательно надо увидеть. Совсем даже недорого, уверял он, и звонил жене, чтобы точно вспомнить — сколько это недорого.

— Я слушал, полагая, что нужные вопросы задам чуть позже. Не писать же о красоте набережной, не поймут! Я ведь не в клубе путешественников служу.

И тут появился футболист, от которого, как выяснилось, только что ушла жена. Шустиков мигом засобирился. Нельзя бросить друга в такой беде! Конечно, нельзя, подумал я, наблюдая, как он чертит знакомую линию в воздухе и уже издалека искренне предлагает писать о нем все, что мне придет в голову.

\* \* \*

Олег Корнаухов спрашивает:

— Назови тройку самых лучших наших полузащитников. За последние двадцать лет.

Я задумываюсь.

— Нечего тут думать, — укоряет Корнаухов, — Добровольский, Шустиков, Радимов. Или ты не согласен?

Я согласен. И мы с Олегом начинаем обсуждать, почему эта тройка не достигла того, что каждому из них было отпущено свыше.

\* \* \*

Владимир Бесчастных, одноклубник по испанскому «Расингу», замечает, что обычно отрабатывают, «возят рояль» не самые заметные игроки, а вот Шустиков, обладая известным статусом, охотно брал на себя черновую работу и, уже выбираясь из нее, умудрялся творить — отдавать, комбинировать, выводить на удар. Мне запомнилось с детства, что и Вадим Никонов, один из тренеров Сергея, не чурался борьбы, хоть и создан был для другого.

\* \* \*

На пресс-конференции он хорошо сказал об отце. Ему было важно не подвести отца, не уронить честь фамилии. «Мой отец добился в футболе больше, чем я», — напомнил Сергей собравшимся. Лучшими своими партнерами назвал Тишкова и Чугайнова.

Мы вышли на Зубовскую, и я сказал, что тоже черкну про него пару строк.

— Да брось, а... Что я — Пеле, что ли? Ты лучше про гол Мовсесьяна напиши! Помнишь, принимает на грудь и не опуская мяч на землю...

Я пообещал.

Иногда мы подслащивали жесткие факты образом, мне, например, досталась вазочка и четыре карандаша — Дезовой. С ними я в начале безработной жизни на полях хлебал. Женщины делали вместе с Советским Союзом, а мы — с землей — мяч — мяч — футболу, так что все было в порядке вещей, надо было жить дальше. И тут, словно в магических тридцать, раздался голос отгула. Умаровый еженедельник вручал замечательный трих — Гроби авторитетов. Сопричиный атлет — Москва кой правым — спорным — отбита факт в России кой футбольный союз — ответственность, право пережить — тр — минца, берем на себя, не возмущается. РПС не возмущал!



*Шустиков Сергей Викторович родился 30.09 1970 в Москве. Воспитанник школы «Торпедо» (Москва). Центральный полузащитник. Выступал за «Торпедо» М, ЦСКА, «Расинг» (Испания), «Осасуна» (Испания), ФК «Москва». Бронзовый призер чемпионата СССР 1991 года, обладатель Кубка России 1993 года. В качестве тренера работал в команде «Москва». Ныне один из тренеров «Крыльев Советов» (Самара). Сын знаменитого защитника «Торпедо» 60-х Виктора Михайловича Шустикова.*

— Олег Корнаухов спрашивает: — Как вы относитесь к этой тройке самых лучших наших полузащитников? За последние двадцать лет. — Я удивляюсь. — Почему тут думать. — укоряет Корнаухов. — Добровольский, Шустиков, Рахимов. Или ты не согласишься? — Я согласен. И мы с Олегом начинаем обсуждать, почему эта тройка не достигла того, что каждому из них было отпущено свыше.

## Юбилейный офсайд

Журналист всегда сбоку, сзади, в стороне — вне игры.

Это очень выгодная позиция, кто понимает.

У журналистов своя предсезонная подготовка, свои голы, передачи, травмы и ауты. У журналистов — свои юбилеи. Накануне сезона почему бы не вспомнить о том, что было, но не попало на лосу?

Тут главное не соврать...

### «АБСОЛЮТ» В ОДЕССЕ

Еженедельник «Спортивная Москва» умер так, как положено. Вначале у нас было четыре кабинета на седьмом этаже, потом два, потом один, потом... ничего. Главный редактор уволился еще осенью, и до зимы мы доживали в полной демократии — два корректора, два журналиста и один фотокор на договоре. Внештатные авторы исчезали один за другим, последний, сколько помнится, был специалистом по моржеванию.

Имущество мы поделили честнейшим образом, мне, например, досталась вазочка и четыре карандаша «Деловой». С ними я и начал безработную жизнь на вольных хлебах. Еженедельник умер вместе с Советским Союзом, а заодно с чемпионатом СССР по футболу, так что все было в порядке вещей, надо было жить дальше.

И тут, словно в мистических триллерах, раздался голос оттуда... Умерший еженедельник вручал замечательный приз «Гроза авторитетов». Спортивный отдел «Московской правды» скоренько отбил факс в Российский футбольный союз: преемственность, право перехода, традиции, берем на себя, не возражаете?.. РФС не возражал!

Так я переехал на пятый этаж, получил сомнительную должность стажера, первым заданием которого было найти, прицениться, купить приличествующий событию кубок, гравировать у гравера, доложить о готовности. Кубок я нашел, вот только крышка у него норовила слететь и разбиться вдребезги.

Последней командой СССР, лучше всех сыгравшей с призерами, стал одесский «Черноморец». И мы отправились в Одессу.

После игры зашли в раздевалку, объяснили растерявшемуся на мгновение Виктору Прокопенко, с чем прибыли. Прокопенко в два счета закончил разбор полетов. Пригласил нас на второй этаж. Зажег свет в пустом кабинете. Ловким движением вытянул из стола литровую бутылку модного тогда «Абсолюта». Тост его сводился к тому, что ностальгия по чемпионату союзному не проходит, что поэтому приз наш особенно дорог и что ему жаль всего этого... Тут он кивнул по сторонам и предложил встретиться завтра в более подходящей обстановке. Но мы уезжали вечером, загалдели в ответ, махнули и закурили. Прокопенко с грустью рассказывал про украинское первенство, а мы говорили, что российский чемпионат немногим лучше... Кубок наш был хорош, «Абсолют» тоже...

Меня приняли в штат.

## ФОТОГРАФИЯ БЕСКОВА

Как я его уговаривал, это отдельная история. Во-первых, Бесков меня не знал и знать не хотел, во-вторых, он только что оставил «Асмарал» и ему надоели интервьюеры, в-третьих, скоро выходит его новая книжка и там все написано...

Я не сломался, потому что благоговел перед Бесковым. Так были расписаны роли: я благоговею, а мэтр — на отдыхе. Книга «Жизнь в искусстве» товарища Станиславского лежала на столе...

Разговор был недолог, я слишком стеснялся. Я достал фотографии из архива редакции и показал ему: какую, мол, предпочитаете видеть в газете?

И вот тут началась жизнь. Константин Иванович надел очки.

Внимательно рассмотрел снимки. Параллельно комментировал: «Нет, не эту, конечно, тут я слишком... эта старенькая, у меня есть... погоди-погоди, а этот как рядом со мной оказался, вот ведь люди...» Резко поднявшись, пошел к жене. Отсутствовал долго, минут десять.

Вернулся пружинистой походкой: «Вот эту! Жена сказала — эту поставить! А вот эту я у тебя возьму, у меня почему-то такой нет, ладно?»

Встречаюсь теперь с ним на стадионе — и благоговею. А еще лезтно, запомнил, как меня зовут. Во втором чемпионате России главное для меня — знакомство с Бесковым.

### **ВОПРОСИК КРУИФФУ**

Что приезжает «Барса» с Ромарио и Стоичковым — это одно! Главное, приезжает Круифф, вот в чем штука!! Круифф, которого можно увидеть и даже задать вопрос. Над вопросом Круиффу я трудился несколько дней.

Было холодно, ветрено, как, впрочем, всегда у «Лужников». А вот в пресс-баре было отлично. Я пришел загодя и сел за столик, цены показались приемлемыми. Когда все потянулись к трибунам, кто-то (клянусь, что не я!) предложил: «Куда спешить? Только начали... Успеем». В углу работал телевизор: можно было закусывать и смотреть футбол. В тепле, в хорошей компании.

Перед перерывом мы предусмотрительно взяли еще и угостили тех, кто простаивал в хвосте очереди. Я вышел на второй тайм, но футболистов было очень много, подозрительно много, и были они очень маленькие, метались по темному полю туда-сюда...

Я вернулся и сообщил, что видно плохо, очень холодно, мне обрдовались, налили и...

Самое главное! До пресс-конференции я добрался, я помню, что это было не так-то легко. Я и вопрос задал, помню, потому что его переводили на испанский... Я не помню, что ответил Круифф! Честно говоря, что я спрашивал, я тоже не помню...

Редактор поступил талантливо. Молча рассмотрев мою согбенную фигуру, он деловито сказал: «Садись. Пиши отчет!»

Я пытался отказаться, куда там... Пришлось обзвонить знакомых и прочитать труды коллег. Отчет был ужасен! Но самое печальное было то, что я не помнил, о чем спрашивал великого голландца. Хорошо, что и он не помнит об этом.

## ОЧЕРЕДЬ К ВАГИЗУ

На даче прорвало батареи. Мороз ночью был ниже тридцати пяти, и отопление не выдержало. Мне позвонили соседи, сказали, что в комнатах вода, надо приезжать, чинить.

Работа эта ужасная, разворачивать трубы, сливать систему, возиться с гаечным ключом, железом на холоде, в грязи, наблюдать, во что превратился ухоженный дом. Мы провозились весь день и половину ночи, только к утру удалось прикорнуть в промерзшей комнате, наскоро ликвидировав следы ремонта.

А ведь утром у меня — встреча с Вагизом Хидиятуллиним! Кумиром «Спартака», только-только вернувшимся в Москву из Франции.

Не проспать бы... Хоть как-то отмыть руки холодной водой... Попечение о бритве придется отложить... Кофе выпью в Москве, на вокзале...

Я не опоздал, не опоздал и увидел, Вагиза ждут еще трое, коллеги, так сказать, из других изданий. Вагиза пока нет, но они объясняют, что договорились раньше и что каждый из них пойдет первым, в крайнем случае вторым, а уж потом где-то пойду и я. Тем более что у них издания чисто футбольные, не то что мое, слишком уж общественно-политическое.

Перекурил я еще с утра, вернее, с ночи. Да и кофе на вокзале смахивало на бурду. Стоять на морозе было холодновато, ноги стыли в грязных после работы носках.

Я отбросил сигарету в сугроб и сказал, глядя в сторону: «Пер-

вым разговаривать с Вагизом буду я. Кто там дальше — решайте сами». В ответ что-то буркнули, но тихо...

Вагиз весело приветствовал нас, оглядел, не останавливаясь, взбежал на ступеньки, дернул дверь и кивнул мне: «Пошли».

Я пошел подчеркнуто не спеша. Я выиграл.

Но материал не получился, редактор сказал, что ждал большего... Видимо, я перенапрягся накануне.

## В МАДРИДЕ ВСЕ СПОКОЙНО

Сергея Коцуг, игрок мини-футбольной «Дины», — друг Игоря Добровольского. Можно сказать, друг детства. Они вместе играли в футбольной школе. Не виделись — тысячу лет.

И вот мы сидим с Сергеем на «Висенте Кальдерон», и я показываю ему Добровольского, который готовится выйти на замену. Он выходит, а его «Атлетико» «горит» — 0:1 — и может свободно вылететь из высшей испанской лиги.

Мы так орем, что Добрик оглядывается, видит нас и приветственно машет рукой — узнал, мол, сейчас, погодите маленько...

За те 15 минут, что он проводит на поле, ситуация меняется так, как бывает только в кино.

Вначале он отдает голевой пас — 1:1. Минут за семь до свистка Игорь получает мяч перед штрафной, всем видом показывает, что отдаст вправо, выдерживает паузу, в которую верит даже застывший вратарь, и тихонько катит мяч под левую от себя штангу... Победа!

Конечно, мы с Сергеем в восторге! Вот уже и свисток. Добровольский показывает нам, где его ждать, тыкает в воображаемые часы, и мы понимаем — минут через тридцать... За это время Сергей успевает рассказать мне, как они дружили, как часто Добрик, сам приезжий, приходил к нему домой, подкормиться, побыть в домашнем кругу, как они бегали за девчонками, как однажды тренер сказал про них, как дрались с местной шпаной...

И, слушая его, я вдруг понимаю, что буду лишним на этой встре-

че. Да, я знаком с Добровольским, да, мы делали интервью, летали в одном самолете, кивали друг другу после игры на «Динамо». Но все это не то, в данном случае все это очень не то, и им двоим, без меня будет куда лучше, легче, проще. И я объясняю Сереге, что не пойду, передавай, мол, привет, сам понимаешь, наверное...

Кошуг пришел в гостиницу утром, аккуратно к автобусу и передал мне привет от Добровольского. В самолете он спал, а мне было немножечко грустно.

## МАТЧ ГОДА

Стадион был забит, и пришлось разместиться на ступенях, подстелив пару газет. Вскоре и рядом со мной места свободного не было. В октябре 96-го на игре «Спартак» стадион «Торпедо» был забит под завязку.

«Спартак», который тренирует Ярцев, надо выигрывать в каждом матче, он отстает от «Алании», упрямо идущей ко второму подряд чемпионству. Но «Спартак» проигрывает «Торпедо»! Сначала — 0:1, а потом и 0:2! Молодой Нигматуллин ничего не может сделать, торпедовцы просто лучше в дебюте. Правда, совсем еще не знаменитый Егор Титов проходит по центру и лупит под перекладину с правой — 1:2. Но торпедовцы, уже проданные или отданные за так «Лужникам», забивают снова — 1:3!

Во втором тайме Ярцев меняет Нигматулина на Филимонова. Вот он, звездный час привычного первого номера «Спартак». Именно тогда, в октябре, на закипающем стадионе, Филимонов с холодной наглостью встанет в ворота и получит признание.

Вся Восточная трибуна в красно-белых шарфах, она срывает голос в едином вопле — «Спа-р-так!!!» И спартаковцы начинают забирать игру под себя. Но что делает Иванов? Что делает Иванов?! Он, этот мудрый и хитрый Козьмич, убирает одного за другим двух своих лучших футболистов... Он заменяет тех, кто забивал голы, тех, кто вел игру! Что он делает?! А «Спартак» ловит кураж, замены

Ярцева хороши — 2:3, 3:3 и, наконец, 4:3 в пользу будущего чемпиона.

Я оглядываюсь: редкий случай, лица журналистов, циников, скептиков белы от напряжения. Все получили кайф на игре, все выплеснули адреналин!

Капитан «Торпедо» входит в подтрибунное помещение с перекошенным лицом. С досадой бьет мячом об пол, мяч взмывается до потолка...

Это потом уж будет знаменитая переигровка в Питере. Выиграй тогда «Торпедо», переигровки бы не было. Но оно почему-то проиграло...

## АРЕСТ ПО НУЖДЕ

Я вышел на Маслаченко в восторге. Всегда радуюсь, если мои взгляды на футбол совпадают с профессиональными. А тут совпали! И на Романцева, и на Игнатьева, и на Крондла, будь он неладен! И вообще, интервью сделано, а интервью для меня — хуже горькой редьки... Звонить, беспокоить, да и прочее... Долго объяснять...

И тут... Ну, как вам сказать... Приспичило... По малой такой нужде... Ой-ой-ой, как приспичило, извините за подробность! Так... Метро... «Сокол»... Тут ведь было местечко, вон там, в переулочке. Опа-на, закрыто, закрыто наглухо... Замок. Выбираюсь погуще, кусточки какие-то, заборчики, гаражи, дергаю молнию. И... ощущаю опасность. Но поздно. Шинель серая, лычка желтая, глаза строгие.

Пройдемте? Куда? Зачем, братишка? Нарушил если, плачу штраф... Пройдемте! Как? В отделение? Достаю паспорт. Сую. Пройдемте! Бежать? Смешно. Милиционер молодой, лет двадцать...

Проводит. Отделение рядом. Железная решетка. Щеколда со скрежетом — вжик! И вот я не среди людей. В панике! А ведь только что вел с самим Маслаченко умные разговоры. Кофе хороший

пил... Надо было воздержаться... Ну что делать? Погоны пронесутся мимо, на возгласы не реагируют, книжицу мою красную в упор не видят! Так... Достая диктофон, начинаю беседу нашу прослушивать. Они — ноль внимания, и я — ноль внимания. Сажу. За нужду арестованный или там задержанный... От высоких материй легко сбитый в кутузку.

Через полчаса открыли. Слово сказали одно: «Идите». Ну я и пошел. В пивбар, естественно. А вы куда бы пошли на моем месте?

### КУЛЬТ «СПАРТАКА»

Знакомый поэт говорит как-то раз: «Хочешь по-легкому срубить триста долларов?» — «Кто же, — отвечаю, — против?» Оказывается, один журнал для мужчин статью про «Спартак» хочет. В добавление к женским прелестям.

Ладно. Звоню. Срочно? Хорошо. Пишу срочно. Приношу. Сдаю. Через три месяца возвращают мне опус. Говорят, направление в журнале сменилось.

Ладно. Приношу статейку в серьезный журнал. Опять возвращают, объясняют что-то малопонятное...

Наконец приношу толстую рукопись в издательство, в середине рукописи почивает злополучная заметка страничек на шесть...

Через два дня (я было возликовал!) звонок: отличная рукопись, издавать книгу будем. Приезжайте уточнить детали. Приезжаю. Редактор говорит:

— Рукопись у вас замечательная, язык такой... русский, энергетики много, самодостаточности... Но вот про культ «Спартак» резковато... Надо бы так: не культ, а феномен, а в этом феномене и заключен, собственно, весь российский футбол. И с этим приходится считаться. Хорошо бы для разгона дать интервью с кем-то из спартаковских руководителей... Тут мы вас не стесняем, можно, например, с Олегом Романцевым... И вперед, в большую литературу! Тем более что писать вы умеете.

Я так опешил, что поначалу согласился. Целый час терзался в сомнениях, прежде чем отказался. Ведь что получается?

Получается именно то, против чего я пишу. Я пишу, что «Спартак» — это еще не весь российский футбол, а меня просят считать наоборот. И не просто считать, а и другим мозги пудрить.

Это потом я уже выяснил, что у издательства со «Спартаком» заключен договор обоюдovýгодный. А тогда, в девятом российском сезоне, я об этом не знал, поэтому и книжки у меня никакой не вышло. Не говоря уж про триста долларов от мужского журнала.

Впрочем, поэт не виноват. Он в футболе мало что понимает.

В этом мы с ним похожи...

**СОДЕРЖАНИЕ**

ЯКУШИН. МОЗАИКА . . . . . 5

ПОБЕДИТЕЛЬ . . . . . 15

ОН ТАК ЛЮБИЛ ЖИЗНЬ... . . . . 22

ОДИН ИЗ НАС . . . . . 28

ПОД ЗНАКОМ СТРЕЛЬЦА . . . . . 36

КОЗЬМИЧ . . . . . 73

«ТОРПЕДО», КОТОРОЕ МЫ ПОТЕРЯЛИ . . . . . 79

ОНИ БЫЛИ ГЛАВНЫМИ . . . . . 87

ИДЕАЛИСТ ПАПАЕВ . . . . . 101

Я БЫЛ... ВАДИМОМ НИКОНОВЫМ . . . . . 110

ПАЛЫЧ . . . . . 119

ЦЕХОВОЙ МАСТЕР . . . . . 128

НЕЗАВИСИМАЯ ЭКСПЕРТИЗА . . . . . 138

СЕМЬ БЕД ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФУТБОЛА . . . . . 145

ПРАВИЛА ИГРЫ ВЯЧЕСЛАВА КОЛОСКОВА . . . . . 153

ДОБРЫЙ МОЛОДЕЦ . . . . . 159

ГАЗЗАЕВ И ЧУДЕСА . . . . . 166

ЛАВОЧКА БУЛГАКОВА . . . . . 171

ПОСЛЕДНИЙ КУМИР . . . . . 180

МОЙ ДРУГ ЮРИЙ ИВАНОВИЧ . . . . . 191

ЧЕЛОВЕК ИЗ ВЧЕРА . . . . . 230

ЮБИЛЕЙНЫЙ ОФСАЙД . . . . . 245



ЛЕТО 2008

Популярное издание

**Павел Васильев**

**ПОСЛЕДНИЙ КУМИР  
РОССИЙСКИЙ ФУТБОЛ:  
от Яшина до Газзаева**

Ответственный редактор *А. Завгородний*  
Художественный редактор *А. Марычев*  
Технический редактор *Н. Носова*  
Компьютерная верстка *В. Фирстов*  
Корректор *Т. Журанкова*

ООО «Издательство «Эксмо»  
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.  
Home page: [www.eksmo.ru](http://www.eksmo.ru) E-mail: [info@eksmo.ru](mailto:info@eksmo.ru)

Подписано в печать 14.07.2008.  
Формат 70×100 1/16. Гарнитура «NewBaskerville».  
Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 20,8 + вкл.  
Тираж 5000 экз. Зак. № 4729.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени  
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».  
170040, г. Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.



**ХАРИН**

**КЕСАРЕВ**

**МУДРИ**

**ЧЕРНЫШОВ**

**ТОЛСТЫХ**

**НИКОНОВ**

**ТИШКОВ**

**ГАЗЗАЕВ**

**БЕСКОВ**

**ЯКУШИН**

**ФЕДОТОВ**

**СТРЕЛЬЦОВ**

**ПАПАЕВ**

**БЫШОВЕЦ**

**ИВАНОВ**

**СЕМИН**

**САДЫРИН**

**ШУСТИКОВ**

**ИГНАТЬЕВ**

**КОЛОСКОВ**

**РОМАНЦЕВ**

**ЯШИН**



Васильев Павел Александрович родился 25 января 1960 года в Москве. Выпускник исторического факультета МГПИ им. В.И. Ленина. В спортивной журналистике с 1990 года. Публиковался и служил в периодической печати: «Спортивная Москва», «Московская правда», «Московский комсомолец», «Футбол», «Футбол-Ревю», «Советский спорт» и других. Автор книг «Футбольные люди», «Извините, мистер Круифф», «Прогулки с Зиданом». Лауреат премии Российского футбольного союза им. Н.Н. Озерова. Ответственный секретарь и литературный редактор журнала «Московский спорт».

**Васильева, как хорошего дриблера, ни с кем не спутаешь. У него – собственный игровой почерк, свой литературный стиль.**

***СЕРГЕЙ ШМИТЬКО,  
поэт, член Союза писателей***

**С книжкой Павла Васильева и перелет в Австралию не страшен!**

***АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ,  
заведующий отделом спорта «МК»***

**Есть авторы, которым футбольные люди доверяют безоговорочно. Павел Васильев – из их числа.**

***НИКОЛАЙ ТОЛСТЫХ,  
президент Профессиональной футбольной лиги***

**Павел Васильев – человек, в мире футбольного бытописательства стоящий особняком. Он не впутывает ни себя, ни других в осточертевшие всем тактические схемы, тренировочные процессы, бесконечные сборы. В его мире главное – люди, без которых футбола нет, не было и не будет.**

***АЛЕКСАНДР ГОРБУНОВ,  
журналист***

ISBN 978-5-699-28708-6



9 785699 287086 >

ЭКСМО